

ISSN 1813-6230

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**2022
№ 2 (68)**

**LENINGRAD
LEGAL JOURNAL**

**2022
No 2 (68)**

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**2022
№ 2 (68)**

**Журнал включен
в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук**

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-69774 от 18.05.2017
Журнал издается
с 2004 года
Периодичность: ежеквартально

Учредитель, издатель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия

М. В. Рыбкина	доктор юридических наук, профессор (главный редактор)
Р. А. Ромашов	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора)
О. В. Виноградов	кандидат юридических наук, доцент (ответственный секретарь)
Н. В. Бугель	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А. С. Емельянов	доктор юридических наук, доцент (Москва, Россия)
М. Ю. Павлик	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В. Г. Павлов	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
К. В. Черкасов	доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
С. А. Роганов	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Е. В. Силина	доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О. Э. Старовойтова	доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
И. С. Кокорин	кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционный совет

Н. А. Васильчикова	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
С. Б. Глушаченко	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А. В. Егоров	доктор юридических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь)
В. П. Очередыко	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В. Ф. Попондопуло	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
М. Прохазка	PhD (г. Ческе-Будеёвице, Чехия)
В. М. Сырых	доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Ю. Б. Шубников	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес издателя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Тел. +7(812) 470-56-74
<http://lengu.ru/>
e-mail: lenjurmag@lengu.ru

**LENINGRAD
LEGAL
JOURNAL**

**2022
No 2 (68)**

**The journal is included into
The List of reviewed academic journals and periodicals
recommended for publishing
in corresponding series basic research thesis results
for a PhD Candidate or Doctorate Degree**

The certificate
of the mass media registration
ПМ № ФС77-69774 от May 18, 2017

**The journal is issued
since 2004
Quarterly, 4 issues per year**

Founder, publisher: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board

M. V. Rybkina	Dr. Sci. (Law), Professor, Chief editor
R. A. Romashov	Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Chief editor
O. V. Vinogradov	Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Executive editor
N. V. Bugel'	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
A. S. Emelyanov	Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Moscow, Russia)
M. Yu. Pavlik	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
V. G. Pavlov	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
K. V. Cherkasov	Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)
S. A. Roganov	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
E. V. Silina	Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)
O. E. Starovoitova	Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)
I. S. Kokorin	Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Council

N. A. Vasil'chikova	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
S. B. Glushachenko	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
A. V. Egorov	Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Vitebsk, Republic of Belarus)
V. P. Ochered'ko	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
V. F. Popondopulo	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
M. Prokhazka	PhD (České Budějovice, Czech Republic)
V. M. Syrykh	Dr. Sci. (Law), Professor (Moscow, Russia)
Yu. B. Shubnikov	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Founder's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Publisher's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 470-56-74
<http://lengu.ru/>
e-mail: lenjurmag@lengu.ru

Содержание

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Система права и система законодательства	8
<i>Д. С. Нечаева</i>	
Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа (статья 2).....	20
<i>Р. А. Ромашов</i>	
Совершенствование юридической техники, понятийного аппарата в области лесных отношений, лесного сектора	34
<i>А. С. Чибидин, Д. И. Игнатенко, А. Я. Донин</i>	
К проблеме систематизации нормативных правовых актов в Российской Федерации и правилах её юридической техники	49
<i>А. Ю. Глушаков, А. И. Соболевская</i>	

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Модель правового регулирования криптовалют в Российской Федерации.....	61
<i>Е. М. Андреева</i>	
Цифровизация малых и средних предприятий в Российской Федерации: правовое регулирование, тенденции, факторы, механизмы	75
<i>О. В. Виноградов, И. С. Кокорин, Е. С. Янковская</i>	
Сравнительно-правовой анализ траста и личного фонда в России	98
<i>В. В. Косарева</i>	

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Предмет доказывания и обязанности по доказыванию в гражданском процессе в странах англосаксонской правовой системы	112
<i>Е. А. Нахова</i>	

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Особенности доказывания гражданского иска в производстве по уголовным делам	130
<i>М. Ю. Павлик, Е. В. Токарева</i>	

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели	
Часть III. Место суда в политико-правовой системе Советской России	141
<i>В. П. Очередько</i>	
Анализ состояния законности в прокурорской деятельности: теория и практика	158
<i>Д. В. Шабаров</i>	

Contents

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

The system of law and the system of legislation	8
<i>Darya S. Nechaeva</i>	
Constitutional and legal systems of the modern world: experience of comparative analysis	20
<i>Roman A. Romashov</i>	
Improvement of legal technology, conceptual apparatus in the field of forest relations, the forest sector	34
<i>Alexander S. Chibidin, Dmitry I. Ignatenko, Alexander Ya. Donin</i>	
To the problem of systematization of normative legal acts in the Russian Federation and the rules of its legal technique	49
<i>Alexey Yu. Glushakov, Alexandra Ig. Sobolevskaya</i>	

CIVIL LAW

The model of legal regulation of cryptocurrencies in the Russian Federation	61
<i>Elena M. Andreeva</i>	
Digitalization of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation: legal regulation, trends, factors, mechanisms	75
<i>Oleg V. Vinogradov, Igor S. Kokorin, Elizaveta S. Yankovskaya</i>	
Comparative legal analysis of the trust and personal fund in Russia.....	98
<i>Vladislava V. Kosareva</i>	

CIVIL PROCESS, ARBITRATION PROCESS

The subject of proof and the duties of proof in civil proceedings in the countries of the Anglo-Saxon legal system.....	112
<i>Elena A. Nakhova</i>	

CRIMINAL PROCESS

Features of proving a civil claim in criminal proceedings.....	130
<i>Mikhail Yu. Pavlik, Ekaterina V. Tokareva</i>	

JUDICIAL, PROSECUTORIAL, HUMAN RIGHTS AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Separation of Judicial Power from Executive Power: Historical Vicissitudes of the Russian Model Part III. The place of the court in the political and legal system of Soviet Russia.....	141
<i>Viktor P. Ocheredko</i>	
Analysis of the state of legality in prosecutorial activity: theory and practice	158
<i>Dmitry V. Shabarov</i>	

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Статья / Article

УДК / UDC 340.155.4

DOI 10.35231/18136230_2022_2_8

Система права и система законодательства

Д. С. Нечаева

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Дискуссия о содержании, состоянии и развитии системы права началась еще в 30-х гг. XX столетия. На сегодняшний день юридической наукой накоплен значительный материал по вопросам дифференциации системы права и соотношения понятий «система права» и «система законодательства». Однако единства мнений по ним среди современных ученых не достигнуто.

В настоящей статье проанализированы основные итоги дискуссий 30-х, 50-х и 80-х гг. XX в., рассмотрено значение предмета и метода правового регулирования в процессе дифференциации системы права.

Обозначены современные тенденции развития научной мысли о понятиях системы права и системы законодательства, их содержании, дифференциации и соотношении. Предметом настоящего исследования стал вопрос об определении концептуального единства развития системы права и системы законодательства на настоящий момент.

Ключевые слова: система права, система законодательства, отрасль права.

Для цитирования: Нечаева Д. С. Система права и система законодательства // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 2 (68). – С. 8–19. DOI 10.35231/18136230_2022_2_8

The system of law and the system of legislation

Darya S. Nechaeva

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The discussion about matter, state and development of the legislative system began as early as the thirties in the XX century. Nowadays, jurisprudence has gained some significant results concerning differentiation of the law system and between the law system and the legislative system. However, there are no concurring opinions among modern scientists.

In this article, the main results of discussions having taken place in the thirties, fifties and eighties in the XX century are analyzed. The meaning of subject and method of legal regulation to differentiate the law system is observed.

Modern trends of scientific thoughts about the law system and legislative system, their matter, differentiation and relations are shown. The subject of this investigation is the problem of defining the conceptual unity of law system and legislative system development at present.

Key words: law system, legislative system, branch of law.

For citation Nechaeva, D. S. (2022). Sistema prava i sistema zakonodatel'stva [The system of law and the system of legislation]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 2 (68). pp. 8–19. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_2_8

После распада СССР разрушилась и социалистическая правовая система, которая прежде определяла правовую политику государства. Российская Федерация оказалась на сложном перепутье, где, с одной стороны, осталось советское наследие, с другой стороны, возникла необходимость переосмысления роли и места норм международного права в национальном праве, а с третьей стороны, открытие «железного занавеса» естественным образом повлияло на развитие общественных отношений, которое повлекло за собой заимствование норм законодательств иных государств. Бурное развитие законодательства в постсоветский период в очередной раз заставляет переосмыслить национальную правовую систему в целом, систему права и систему законодательства Российской Федерации в частности. Разработка критериев дифференциации системы права и системы законодательства имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Национального законодателя все чаще критикуют [17, с. 97; 13, с. 30] за обилие и низкое качество издаваемых нормативных правовых актов, стремление урегулировать все сферы общественной жизни, отсутствие эффективного правового механизма для реализации данных норм.

С другой стороны, с момента распада СССР прошло уже три десятка лет. Первые стремления слепо копировать чужие модели развития права обнаружили свои результаты (далеко не всегда, к сожалению, утешительные). Исследование современных системы права и системы законодательства Российской Федерации получает новую актуальность, поскольку именно они являются ключевыми для разработки единой концепции правовой политики государства.

Взгляды на понятие системы права

Систематизация права имеет большое значение для стран континентальной правовой семьи в отличие от других правовых семей, где источником права служит не только закон, но и судебный прецедент, религиозный обычай и т.д. Формирование представлений о системе права необходимо для совершенствования законодательной техники в процессе конструирования правовых норм. Также необходимо отметить и высокое значение системного подхода, позволяющего не только рассматривать объект исследования и законодательной деятельности в комплексе, но и выявлять связи, закономерности и другие зависимости между элементами, его составляющими.

В юридической литературе высказывается точка зрения [23, с. 27; 14, с. 6], согласно которой систему права нельзя создать волевым решением законодателя, она складывается естественным путем, закономерности которого исследованы явно недостаточно. Л.С. Явич подчеркивает нерациональность построения системы права, ее связи с историческим развитием и многочисленными, влияющими на нее факторами [29, с. 45]. Такая позиция представляется обоснованной, поскольку система права зависит, прежде всего, от общественных отношений, которые складываются, развиваются, прекращаются вне зависимости от воли законодателя. Кроме того, такое определение нисколько не противоречит, на наш взгляд, традиционному пониманию системы права как совокупности отраслей, поскольку их основу составляет предмет правового регулирования (т. е. совокупности однородных общественных отношений). В.Ф. Попондопуло подчеркивает зависимость общественных отношений от деятельности человека [21, с. 79]. Поэтому мы можем лишь осмысливать и описывать происходящие процессы в праве, но такие исследования всегда будут носить относительный характер.

Советская юридическая наука столкнулась с серьезными трудностями при определении системы права и критериев для ее дифференциации, поскольку строительство нового государства происходило в условиях абсолютной изолированности и идеологии, неподлежащей критике и произвольному толкованию [28, с. 152]. Представляется обоснованным, что ограничение научной мысли такими жесткими рамками серьезно усложнило задачу правоведам того времени. Тем не менее, уже к концу 30-х гг. в результате первой дискуссии о системе права были сделаны важные выводы, заложившие основу для дифференциации системы права и деления ее на отрасли [2; 5; 6; 19; 24; 25; 27].

Стремление противопоставить социалистическую правовую систему буржуазной, с одной стороны, привело к отрицанию деления права на частное и публичное, характерное для государств романо-германской правовой семьи, с чьей правовой традицией связана отечественная система права. Главным аргументом этой позиции стал отказ от признания существования частных и публичных интересов. В социалистическом государстве, стремящемся к коммунизму, интересы частных лиц и государства и общества должны быть общими. С другой стороны, научное осмысление по поводу дифференциации системы права согласно господствующей марксистско-ленинской доктрине обязывало создать такую концепцию, которой будет соответствовать объективно существующая реальность. Кроме того, главенствующие идеи позитивизма повлияли на понимание категорий «право» и «законодательство», фактически они были тождественны друг другу. Надо отметить, что такое понимание было характерно для советской науки на протяжении всей ее истории [1, с. 6], впрочем, такое отождествление все чаще вызывает критику [9, с. 41]. В результате первой дискуссии в основу дифференциации системы права был положен отраслевой признак. Представляется обоснованным, что такая концепция была связана с нормативистскими представлениями о природе права. Современная юридическая наука стремится четко дифференцировать право и закон, не допуская смешивания этих понятий, что представляется обоснованным.

В качестве основного критерия для дифференциации отрасли права был предложен предмет, т. е. круг схожих общественных отношений, на которые государство оказывает правовое воздействие. Такой подход к системе права отражал материалистический характер теории права в полной мере для того, чтобы признать данный критерий дифференциации обоснованным и достаточным.

Метод правового регулирования в ходе довоенной дискуссии о системе советского права не получил признания в качестве критерия дифференциации отраслей, хотя его значение в систематизации права стало предметом обсуждения среди советских ученых. Так, М. Аржанов придерживается точки зрения, что выделение отраслей права по методу правового регулирования может привести к излишнему формализму и «техницизму» [3, с. 18]. Включение данного критерия для дифференциации элементов системы права довольно спорно, ведь исключительно императивный или исключительно диспозитивный метод не применяются ни в одной отрасли права. Также ошибочно полагать, что диспозитивность присуща частному праву, регулирующему интересы отдельных лиц.

Так, например, семейное законодательство преимущественно состоит из императивных норм, но это не придает норме, например, регулирующей лишение родительских прав, публичный характер, данные общественные отношения остаются частными, несмотря на достаточно широкие полномочия государственных органов в данной сфере. Иначе говоря, применение метода долженствования, метода дозволения или иных методов не меняет характера общественных отношений, само отношение остается частным или публичным. Поэтому сам метод правового регулирования имеет значение, с одной стороны, в вопросе выбора юридической техники конструирования нормы права, а с другой стороны, с точки зрения дифференциации отраслей законодательства.

Соотношение понятий «система права» и «система законодательства»

В 1956–1958 гг. состоялась вторая дискуссия о системе права, в которой приняли участие Л.И. Дембо [7], В.П. Ефимочкин [8], В.Ф. Мешера [16], В.С. Тадевосян [26]. Вторая дискуссия о праве, в целом, поддержала результаты предыдущей. Дифференциация права по отраслям, в основу которой были положены предмет и метод правового регулирования, заняла прочные позиции в советской юридической науке. К важным итогам второй дискуссии необходимо отнести выделение понятия отраслей законодательства и выявление его соотношения с системой права.

Не вызывает сомнений, что система права и система законодательства взаимосвязаны и взаимообусловлены друг другом. И, как уже упоминалось выше, систему права нельзя создать искусственно, она зависит от объективного фактора – общественных отношений. В отличие от нее, система законодательства напрямую зависит от воли законодателя, нельзя отрицать и то влияние, которое система права оказывает на структуру законодательства. В научной юридической литературе часто упрекают современного законодателя в хаотичности и непоследовательности при создании и принятии нормативных правовых актов, число которых стало настолько велико, что в юридической литературе распространилось выражение «законодательный принтер» [12, с. 29]. Перед правоприменительными и судебными органами встает выбор, какой нормой права регулировать то или иное общественное отношение [17, с. 98]. Возникающие то и дело коллизии существенно затрудняют правоприменительную

и судебную практику, что негативно сказывается на правосознании, подрывает доверие субъектов к праву как эффективному регулятору общественных отношений.

Представляется обоснованным, что от системы права зависит стройность, логичность, применимость закона. Главной задачей системы права, на наш взгляд, является не столько разделение правовых норм по группам (отраслям, институтам права), сколько объединение действующих юридических конструкций для использования уже существующих механизмов во вновь складывающихся общественных отношениях или, наоборот, формирование новых, более совершенных правовых форм. Таким образом, система права должна выступать в качестве удобного юридического инструмента, прежде всего, в сфере законодательной деятельности. К сожалению, современная правовая реальность знает примеры введения в действие нормативных правовых актов без должного механизма правового регулирования, что влечет за собой многочисленные изменения и редакции.

Например, законом Санкт-Петербурга об административных правонарушениях¹ была установлена административная ответственность за нарушения тишины и покоя граждан в ночное время, в выходные и праздничные дни. Протоколы о совершении данного административного правонарушения вправе составлять должностные лица исполнительного органа государственной власти Санкт-Петербурга (Комитета городской администрации по законности, правопорядку и безопасности). Из диспозиции самой ст. 8 настоящего закона Санкт-Петербурга следует, что само административное правонарушение может быть совершено только в ночное время. Соответственно, для установления факта совершения деяния, запрещенного региональным законодательством, лицо, уполномоченное составлять протокол, должно посетить место совершения правонарушения, что подразумевает рабочий график с круглосуточными дежурствами. Кроме того, такой сотрудник нуждается в обеспечении безопасности или специальных средствах физической защиты, поскольку общение с правонарушителями в их жилом помещении несет потенциальную угрозу для жизни и здоровья должностного лица. Немаловажным является и тот факт, что граждане, пострадавшие от такого правонарушения, попросту

¹ Закон Санкт-Петербурга №273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» (с изм. на 15.03.2022 г.) // Вестник Законодательного собрания Санкт-Петербурга. № 21. 14.06.2010.

не знали, в какой орган им нужно было обращаться за пресечением незаконных действий и по привычке звонили в полицию. Сотрудники органов внутренних дел, долгое время неуполномоченные на составление таких протоколов, могли лишь привлечь к административной ответственности за совершение иных административных правонарушений, например за мелкое хулиганство, предусмотренное ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹, естественно, при наличии признаков, указывающих на них.

В других случаях сотрудники органов внутренних дел собирали первичные материалы проверки сообщения об административном правонарушении, который затем передавался в Комитет по законности, правопорядку и безопасности городской администрации. Абсолютно очевидно, что такое положение неудобно для всех участников соответствующих общественных отношений. Практика правоприменения стала неоднородной и неочевидной, что явно не способствовало существенному укреплению правопорядка в данной сфере.

Практика сложилась таким образом, что полномочия по составлению протоколов о данных правонарушениях была передана сотрудникам органов внутренних дел на основании соглашения между МВД и Правительством Санкт-Петербурга, но это решение стоило нескольких лет неразберихи. На наш взгляд, такая ситуация сложилась в связи с игнорированием правовой традиции, прочно укоренившейся в национальной правовой системе, а именно – рассмотрение сотрудниками полиции случаев нарушения общественного порядка.

В.А. Кононов последовательно обосновывает утверждение о том, что система права есть система правоотношений, т. е. система общественных отношений, урегулированных нормативными предписаниями государственных органов власти [10, с. 15]. В отличие от определения системы права как совокупности отраслей, положение в основу системы права именно общественных отношений, а не норм, представляется значительно более точным определением. Нам известно, что общественные отношения зависят от экономических, политических, культурных факторов, однако нам неизвестны наверняка механизмы их развития, этот вопрос остается открытым для исследований [11]. Нормативные правовые

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.04.2022) // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

предписания, в свою очередь, следуют за общественными отношениями в той мере, насколько законодатель стремится оказать на них правовое воздействие. Таким образом, система права является своеобразным буфером между государством и обществом, система права должна обеспечивать реальные механизмы их взаимодействия. В описанном выше примере несоответствия механизм государственного принуждения есть, более того, он реально действовал (хоть и недостаточно эффективно). Проблема оказалась именно в конструировании правовой нормы, требовавшей изменений, которые впоследствии были приняты соглашением.

Н.Н. Вопленко [4, с. 12] отмечает, что система права является мысленной конструкцией, обобщающей закономерности развития законодательства. Действительно, если система законодательства имеет под собой материальную основу в виде нормативных правовых предписаний, и ее определение, как правило, не вызывает дискуссий, то основу системы права составляют многообразные взаимосвязи, складывающиеся между членами общества в процессе их деятельности.

1. Таким образом, на наш взгляд, основу системы права, его материальную подоплеку составляют именно общественные отношения, развивающиеся под воздействием многочисленных факторов (исторических, экономических, политических, культурных и т.д.). Законодатель может осуществлять целенаправленную деятельность по построению системы законодательства, но система права складывается естественным путем, закономерности которого не исследованы в должной степени.

2. Малоизученность закономерностей развития системы права подразумевает и приветствует разносторонние исследования данного понятия: изучение позитивного и естественного права, частного и публичного, объективного и субъективного и т.д.

3. Основной задачей формирования представлений о системе права, ее движущих сил, на наш взгляд, является интеграция норм в единый механизм регулирования разнообразных общественных отношений. Многоуровневая система законодательства, как показывает современная практика, часто не справляется с этой задачей. Возникают многочисленные правовые коллизии, неопределенность и разнородность правоприменительной и судебной практики, что крайне негативно сказывается на развитии правовой системы в целом.

Список литературы

1. Алексеев А.А. Структура советского права. – М.: Юрид. лит-ра, 1975. – 264 с.
2. Аржанов М. чл-корр. О принципах построения системы советского социалистического права // Советское государство и право. – 1939. – № 3. – С. 26–35.
3. Аржанов М.А. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права // Советское государство и право. – 1940. – № 8,9. – С. 12–28.
4. Вопленко Н.Н. Понятие системы права // Legal Concept. – 2009. – №11. – С. 11–15.
5. Вышинский А.Я. акад. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. – 1939. – № 3. – С. 1–25.
6. Голунский С.А. чл-корр. Обычай и право // Советское государство и право. – 1939. – № 3. – С. 46–54.
7. Дембо Л.И. О принципах построения системы права // СГиП. – 1956. – № 8. – С. 88–98.
8. Ефимочкин В.П. К вопросу о принципах построения системы права // Советское государство и право. – 1957. – № 3. – С. 86–93.
9. Иванова С.А., Грудцына Л.Ю. Частное и публичное право: введение в проблему // Евразийская адвокатура. – 2015. – №5 (18). – С. 38-43.
10. Кононов А.А. Общенаучная концепция системы права // Правоведение. – 2003. – № 3. – С. 12–21.
11. Кузьменко А. В. “Системный взгляд” на систему права // Правоведение. – 2003. – № 3. – С. 4–11.
12. Липинский Д.А. О системе права и видах юридической ответственности // Правоведение. – 2003. – № 2. – С. 27–37.
13. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Система права и система юридической ответственности: некоторые проблемы взаимосвязей и соотношения // Право и политика. – 2019. – № 9. – С. 29–47.
14. Макеева Е.М. Системный подход как способ познания права // Государственная власть и местное самоуправление. – 2009. – №6. – С. 4–7.
15. Мальцев В.А. Право как нормативно-деятельностная система // Правоведение. – 2003. – № 2. – С. 14–27.
16. Мешера В.Ф. О делении советского права на отрасли // Советское государство и право. – 1957. – № 3. – С. 93–99.
17. Михайлов А.Е., Пажетных Д.В. Правовая политика Российского государства по систематизации нормативно-правовых актов: состояние и перспективы // Вектор науки ТГУ. – № 2(5). – 2009. – С. 96–108.
18. Михайлов А.Е., Пажетных Д.В. Правовая политика Российского государства по систематизации нормативно-правовых актов: состояние и перспективы // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2009. – № 2 (5). – С. 96–108.
19. Полянский Н. Вопросы систематики в уголовном праве // Советское государство и право. – 1939. – № 3. – С. 71–87.
20. Попондопуло В. Ф. Система общественных отношений и их правовые формы: К вопросу о системе права // Правоведение. – 2002. – № 4 (243). – С. 78–101.

21. Разуваев Н.В. Правовая система и критерии отраслевой дифференциации права // Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 31–55.
22. Свирин Ю.А. Система права как правовая реальность на современном этапе // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – №1 (62). – С. 26–33.
23. Строгович М. чл-кorr. О системе науки судебного права // Советское государство и право. – 1939. – № 3. – С. 55–70.
24. Студеникин С. О предмете и системе советского административного права // Советское государство и право. – 1939. – № 3. – С. 102–110.
25. Тадевосян В.С. Некоторые вопросы системы советского права // СГиП. – 1956. – № 8. – С. 99–108.
26. Трайнин И. акад. О содержании и системе государственного права // Советское государство и право. – 1939. – № 3. – С. 36–45.
27. Холодов В.А. Актуальные проблемы советской и современной российской юридической науки // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – №5. – С. 152–156.
28. Явич Л.С. Сущность права: Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985. – 207 с.

References

1. Alekseev, A.A. (1975). *Struktura sovetskogo prava* [Struktura sovetskogo prava]. Moscow: Yuridicheskaya literatura [Journal: Legal literature]. pp. 264. (In Russian).
2. Arzhanov, M., chl-korr. (1939). O principah postroeniya sistemy sovetskogo socialisticheskogo prava [On the principles of building the system of Soviet socialist law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law*. No 3. pp. 26–35. (In Russian).
3. Arzhanov, M.A. (1940). Predmet i metod pravovogo regulirovaniya v svyazi s voprosom o sisteme sovetskogo prava [The subject and method of legal regulation in connection with the question of the system of Soviet law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law*. No 8, 9. pp. 12–28. (In Russian).
4. Voplenko, N.N. (2009). *Ponyatie sistemy prava* [The concept of a system of law] // Legal Concept. No 11. pp. 11–15. (In Russian).
5. Vyshinskij, A.YA. акад. (1939). XVIII s"ezd VKP(b) i zadachi nauki socialisticheskogo prava [XVIII Congress of the CPSU (b) and the tasks of the science of socialist law]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo – Soviet state and law*. No 3. pp. 1–25. (In Russian).
6. Golunskij, S.A. chl-korr. (1939). Obychaj i pravo [Custom and law]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo – Soviet state and law*. No 3. pp. 46–54. (In Russian).
7. Dembo, L.I. (1956). O principah postroeniya sistemy prava [On the principles of building a system of law]. *SGiP – Soviet state and law*. No 8. pp. 88–98. (In Russian).
8. Efimochkin, V.P. (1957). K voprosu o principah postroeniya sistemy prava [To the question of the principles of building a system of law]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo – Soviet state and law*. No 3. pp. 86–93. (In Russian).

9. Ivanova, S.A., Grudcyna, L.YU. (2015). CHastnoe i publichnoe pravo: vvedenie v problem [Private and public law: an introduction to the problem]. *Evrazijskaya advokatura – Eurasian Advocacy*. No 5 (18). pp. 38–43. (In Russian).

10. Kononov, A.A. (2003). Obshchenauchnaya koncepciya sistemy prava [General scientific concept of the system of law]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. No 3. pp. 12–21. (In Russian).

11. Kuz'menko, A. V. (2003). "Sistemnyj vzglyad" na sistemu prava ["Systemic view" on the system of law]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. No 3. pp. 4–11. (In Russian).

12. Lipinskij, D.A. (2003). O sisteme prava i vidah yuridicheskoy otvetstvennosti [On the system of law and types of legal liability]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. No 2. pp. 27–37. (In Russian).

13. Lipinskij, D.A., Musatkina, A.A. (2019). Sistema prava i sistema yuridicheskoy otvetstvennosti: nekotorye problemy vzaimosvyazey i sootnosheniya [The System of Law and the System of Legal Responsibility: Some Problems of Relationships and Correlation]. *Pravo i politika – Law and politics*. No 9. pp. 29–47. (In Russian).

14. Makeeva, E.M. (2009). Sistemnyj podhod kak sposob poznaniya prava [System approach as a way of knowing the law]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie – State power and local self-government*. No 6. pp. 4–7. (In Russian).

15. Mal'cev, V.A. (2003). Pravo kak normativno-deyatel'nostnaya sistema [Law as a normative-activity system]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. No 2. pp. 14–27. (In Russian).

16. Meshera, V.F. (1957). O delenii sovetskogo prava na otrasli [On the division of Soviet law into branches]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo – Soviet state and law*. No 3. pp. 93–99. (In Russian).

17. Mihajlov, A.E., Pazhetnyh, D.V. (2009). Pravovaya politika Rossijskogo gosudarstva po sistematizacii normativno-pravovyh aktov: sostoyanie i perspektivy [Legal policy of the Russian state on the systematization of legal acts: state and prospects]. *Vektor nauki TGU – Science vector TGU*. No 2(5). pp. 96–108. (In Russian).

18. Mihajlov, A.E., Pazhetnyh, D.V. (2009). Pravovaya politika Rossijskogo gosudarstva po sistematizacii normativno-pravovyh aktov: sostoyanie i perspektivy [Legal policy of the Russian state on the systematization of legal acts: state and prospects]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta – Science vector TGU*. No 2 (5). pp. 96–108. (In Russian).

19. Polyanskij, N. (1939). Voprosy sistematiki v ugovnom prave [Questions of taxonomy in criminal law]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo – Soviet state and law*. No 3. pp. 71–87. (In Russian).

20. Popondopulo, V. F. (2002). Sistema obshchestvennyh otnoshenij i ih pravovye formy: K voprosu o sisteme prava [The system of social relations and their legal forms: On the question of the system of law]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. No 4 (243). pp. 78–101. (In Russian).

21. Razuvaev, N.V. (2002). Pravovaya sistema i kriterii otraslevoj differenciacii prava [Legal system and criteria for sectoral difference in rights]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. No 3. pp. 31–55. (In Russian).

22. Svirin, YU.A. (2016). Sistema prava kak pravovaya real'nost' na sovremennom etape [The system of law as a legal reality at the present stage]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*. No 1 (62). pp. 26–33. (In Russian).

23. Strogovich, M. chl-korr. (1939). O sisteme nauki sudebnogo prava [About the system of science of judicial law]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo – Soviet state and law*. No 3. pp. 55–70. (In Russian).

24. Studenikin, S. (1939). O predmete i sisteme sovetskogo administrativnogo prava [On the subject and system of Soviet administrative law]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo – Soviet state and law*. No 3. pp. 102–110. (In Russian).

25. Tadevosyan, V.S. (1956). Nekotorye voprosy sistemy sovetskogo prava [Some questions of the system of Soviet law]. *SGiP – Soviet state and law*. No 8. pp. 99–108. (In Russian).

26. Trajnin, I. akad. (1939). O soderzhanii i sisteme gosudarstvennogo prava [On the content and system of state law]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo – Soviet state and law*. No 3. pp. 36–45. (In Russian).

27. Holodov, V.A. (2015). Aktual'nye problemy sovetskoj i sovremennoj rossijskoj yuridicheskoj nauki [Actual problems of Soviet and modern Russian legal science]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk – Central Russian Journal of Social Sciences*. No 5. pp. 152–156. (In Russian).

28. YAvich, L.S. (1985). *Sushchnost' prava: Social'no-filosofskoe ponimanie genezisa, razvitiya i funkcionirovaniya yuridicheskoj formy obshchestvennyh otnoshenij* [Essence of law: Social and philosophical understanding of the genesis, development and functioning of the legal form of social relations]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russian).

Об авторе

Нечаева Дарья Сергеевна, старший преподаватель кафедры трудового права и права социального обеспечения, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: dsnechaeva@gmail.com

About the author

Darya S. Nechaeva, Senior Lecturer, Department of Labor Law and Social Security Law, Pushkin Leningrad state University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: dsnechaeva@gmail.com

Поступила в редакцию: 11.05.2022

Received: 11 May 2022

Принята к публикации: 26.05.2022

Accepted: 26 May 2022

Опубликована: 30.06.2022

Published: 30 June 2022

УДК / UDC 340.15

DOI: 10.35231/18136230_2022_2_20

Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа (статья 2)*

Р. А. Ромашов

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербурге, Российская Федерация*

Во введении дается общая характеристика феномена «конституционно-правовая система» и намечаются направления исследования, определяются критерии осуществления сравнительного анализа конституционно-правовых систем современного мира.

В содержательной части статьи рассматриваются особенности соотношения и взаимодействия культур Востока и Запада и проводится структурно-содержательный анализ конституционно-правовых систем, сформировавшихся в странах с традиционной западной буржуазной культурой. В рамках данной статьи будет акцентировано внимание на конституционно-правовых системах США, Великобритании, Франции.

В заключении подводятся итоги и делаются обобщающие выводы. Западную конституционно-правовую традицию предлагается воспринимать как сложившуюся в ходе буржуазных преобразований закономерность политико-правовых отношений, основанных на «культуре индустрии» (Э. Тоффлер), в рамках которой конституция выступает в качестве юридической технологии, в одинаковой степени обязательной для всех субъектов системы «constitutional state», независимо от социального и политико-правового статуса, которым они обладают.

Ключевые слова: конституция, конституционно-правовая система, конституционная традиция, «коллективный Запад», «коллективный Восток», культура индустрии, юридическая технология.

Для цитирования: Ромашов Р.А. Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа (статья 2) // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 2 (68). – С. 20–33. DOI 10.35231/18136230_2022_2_20

Constitutional and legal systems of the modern world: experience of comparative analysis

Roman A. Romashov

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00794 А «Государственно-правовые системы современного мира».

© Ромашов Р. А., 2022

The introduction gives a general description of the phenomenon of the constitutional and legal system and outlines the directions of research, defines the criteria for a comparative analysis of the constitutional and legal systems of the modern world.

In the substantive part of the article, the features of the correlation and interaction of the cultures of the "East" and "West" are considered and a structural and content analysis of the constitutional and legal systems that have developed in countries with traditional Western bourgeois culture is carried out. Within the framework of this article, attention will be focused on the constitutional legal systems of the USA, Great Britain, France.

In conclusion, the results are summarized and general conclusions are drawn. The Western constitutional and legal tradition is proposed to be perceived as a regularity of political and legal relations based on the "industry culture" (E. Toffler), which has developed in the course of bourgeois transformations, in which the constitution acts as a legal technology equally mandatory for all subjects of the "constitutional state" system. ", regardless of the social and political-legal status they have.

Key words: constitution, constitutional and legal system, constitutional tradition, "collective West", "collective East", industry culture, legal technology.

For citation: Romashov, R.A. (2022). Konstitucionno-pravovy`e sistemy` sovremennogo mira: opy`t sravnitel`nogo analiza (stat`ya 2) [Constitutional and legal systems of the modern world: experience of comparative analysis]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 2 (68). pp. 20–33. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_2_20

Введение

Представляя собой правовое явление, возникающее на определенном этапе общественного развития, конституция, в ее теоретическом восприятии, может рассматриваться одновременно в качестве источника национального права и национальной конституционно-правовой системы.

Понимание конституции как источника права предполагает выделение трех контекстов: материалистического (конституция как совокупность общественных отношений, образующих материальную основу конституционно-правового регулирования), идеалистического (конституция как идейно-теоретическая модель государственного и общественного устройства), формально-юридического (конституция как юридическая форма («тело») национального права)¹. Кроме того, в юридическом лексиконе используется понятие «живая конституция», которое в контексте

¹ От понятия «конституция – формальный источник национального права», следует отличать категорию «формальные источники конституционного права». Последняя представляется более емким определением, поскольку наряду с конституцией включает в себя другие юридические формы (международно-правовые нормы и принципы, акты конституционного законодательства, акты государственных органов и др.)

российского конституционного правопонимания воспринимается в качестве интегративной модели конституции, в содержании которой акты официальной (легальной) интерпретации (позиции Конституционного суда РФ), наделяются юридической силой, аналогичной той, которой обладают положения аутентичного конституционного текста и таким образом могут изменять («оживлять») смысл этих положений при неизменности их текстовой редакции [4, с. 66–68].

Конституция как конституционно-правовая система представляет теоретическую модель, объединяющую формальные источники конституционного права, конституционную традицию и конституционный процесс, в комплексе образующих национальную конституционную культуру. В подобном понимании конституционно-правовые системы могут носить как традиционный, так и дискретный характер.

Введение в научный оборот отраслевой юридической науки конституционного права понятия «конституционно-правовая система» позволяет не только отойти от ставшего традиционным в отечественной юриспруденции понимания конституции как *одного из* (курсив наш – Р.Р.) актов национального законодательства (пусть и именующегося «основным законом»), но и сформулировать комплексное видение, в контексте которого конституция выступает не только и не столько как формальная «телесная» юридическая конструкция (писанный документальный текст), подверженный изменениям в неменьшей степени, что и другие подобные ему аналоги, сколько как объективная по отношению к субъективным волеизъявлениям правовая система, в своей функциональности одинаково значимая и обязательная как для государственного народа, так и для наделенной властными полномочиями государственной бюрократии.

Будучи «рожденными» в условиях буржуазных революций, традиционные конституционно-правовые системы сохранили историко-правовую преемственность в странах с неизменными (с момента «начала национальной конституционной истории») социально-экономическими укладами. В рамках предлагаемой статьи планируется осуществить формальный и структурно-содержательный анализ конституционно-правовых систем, сложившихся в странах, относимых в современной России к «коллективному Западу». Речь идет о США, Великобритании, Франции. Определение репрезентативной группы обусловлено не только формальными и структурными особенностями национальных конституций, выделенных в качестве предмета анализа выбранных в качестве предмета

исследования стран, но и их исторической ролью в формировании «коллективного Запада», выступающего для России одновременно и конкурирующим партнером, и враждебным противником.

«Коллективный Запад» – «Коллективный Восток» – Россия: история противопоставления

Р. Киплинг в свое время писал: «Запад есть Запад, Восток есть Восток – им не сойтись никогда, до самых последних дней Земли, до Страшного Суда!».

Проблема противопоставления Запада и Востока, относится к числу «вечных». Вечных, но не постоянных в своем содержательном наполнении. На различных этапах истории человеческой цивилизации сущность этих социальных атрибутов как минимум трижды подвергается качественному переосмыслению. Свое первоначальное оформление социально-культурный конфликт Запада и Востока получил в результате раскола христианства, как единой мировой религии, на два конкурентных направления – католицизм и православие, каждое из которых полагало себя единственно истинной Верой в Христа, соответственно воспринимая противоположное учение как «раскольническое, еретическое» [3]. Разрыв между «восточным» православием и «западным» католицизмом осуществлялся «параллельно» с политическими трансформациями, связанными с разделением «единой» Римской империи на восточную (Византийскую) и западную. При этом и та, и другая рассматривали себя как единственных хранителей и защитников «истиной» Веры и опять-таки единственного правопреемника и правопродолжателя Рима как мировой империи [1, с. 180–194].

Переход от античной цивилизационной парадигмы к феодальной имел следствием активизацию экспансивных средств и методов распространения геополитики королевских и городских патримоний на многочисленные на тот исторический период объекты «terra incognita», населенные представителями отличных от европейской (христианской) культур и вероисповеданий, по отношению к которым завоеватели выступали в качестве «носителей передовой культуры и единственно правильной веры». Столкновение двух, в равной степени настроенных не внешнеполитическую экспансию сил, представленных европейским христианством и османским мусульманством, повлекло изменение в представлениях о сущностном содержании Запада и Востока, которое теперь воспринима-

лось в собственно киплингговской интерпретации как столкновение европейской (христианской) культуры (цивилизации) с «дикими» странами и народами (ассоциируемыми в первую очередь, с представителями Османской империи – «магометанами») [3], руководствующимися в своей организации и деятельности «ложными» ценностными представлениями и подлежащими приобщению (неважно добровольному или принудительному) к «правильной европейской культуре» и «истиной Христианской религии». «Имперское мироощущение, возводившее цивилизационное первенство европейских народов в догму, стало благодатной почвой для возникновения теорий, которые представляли историческое противостояние Европы и Азии как некий вечный непреодолимый конфликт. Вся мировая история подавалась как вечная борьба двух миров, борьба между динамичным, творческим, свободным Западом и деспотичным, фанатичным, застойным Востоком» [2, с. 11].

Победа Великой Октябрьской Социалистической революции (1917), обусловила начало нового «витка» цивилизационного развития, связанного с выходом человечества на этап построения бесклассового, а значит и без государственного коммунистического мироустройства. В условиях противостояния двух мировых систем – капиталистической и социалистической, противостояние Запада и Востока сместилось в сферу противопоставления идеологических и экономических систем. Коллективный Запад в этом противопоставлении был представлен странами, руководствующимися либерально-правовыми принципами в политике и буржуазными – в экономике. Соответственно восточный сектор объединял социалистические государства, ориентированные в политике на догматы коммунистической идеологии («учение Маркса всесильно, потому что верно» [5, с. 40–48]) и строящие свой «материальный базис» на основе административно-командной экономики с общенародной (государственной) собственностью на средства производства и с запрещенными либо дискредитированными институтами частной собственности и частного предпринимательства.

Распад мировой системы социализма, обусловил разрушение «коллективного социалистического Востока», организующей и управляющей силой для которого являлся СССР, переставший существовать как единое государство в 1991 г. и преобразованный в ряд как признанных (государства, возникшие в результате правопреемства государственности бывших

национальных союзных республик), так и не признанных политико-правовых образований (Южная Осетия, Абхазия, Нагорный Карабах, Приднестровская Молдавская Республика, Донбасская и Луганская республики). Российская Федерация, провозгласив себя в качестве правопреемника и правопродолжателя СССР «в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах...» (ч. 1 ст. 67.1 Конституции РФ 1993 г.), тем самым претендует на продолжение обладания статусом «мировой сверхдержавы», занимавшей главенствующее положение в системе «коллективного Востока», в его противостоянии с коллективным Западом, «возглавляемом» другой сверхдержавой – США. Таким образом, в настоящее время складывается ситуация, когда фактическое отсутствие системы «коллективного Востока», не означает исчезновения «коллективного Запада», являющегося, по словам Президента РФ В.В. Путина, «империей лжи» [9] и традиционно противопоставляемой «русскому/российскому миру» и «русской/российской культуре».

Взаимодействие правовых культур коллективного Запада и России как государства, претендующего на роль центра панславизма [11, с. 92–102], вплоть до настоящего времени осуществляется под воздействием двух противоположных тенденций. С одной стороны, Запад воспринимается (прежде всего, на уровне политической идеологии) в качестве «враждебной силы», во все времена посягающей на территориальную целостность, природные богатства и национальную самоидентичность как самой Руси/России, так и объединяемых под ее эгидой славянских народов [10, с. 94]. С другой стороны, тот же Запад предстает в качестве «обгоняющей» цивилизации, стремление «догнать и обогнать» которую диктует необходимость заимствования полученных западной культурой достижений и накопленного опыта. При этом в политико-правовой области, зачастую такое заимствование носит характер механического копирования политико-правовых конструкций (альтернативных выборов президента, разделения властей, состязательного уголовного процесса, суда присяжных и т.п.), с последующим их перенесением на «неподготовленную социальную почву», что в свою очередь, обуславливает непрекращающуюся критику как самого коллективного Запада, так и ценностных установок, а также руководящих принципов, с ориентировкой на которые происходит организация и функционирование конституционно-правовых систем западного типа.

Общетеоретическая и структурно-содержательная характеристика традиционных конституционно-правовых систем «коллективного Запада»

«Коллективный Запад» в современном его понимании представляет собой продукт буржуазных революционных преобразований, обусловивших появление «новой системы координат», устанавливающих качественно отличные от предшествующих циклов формы и структуры мирового и национально-политического устройства. На смену феодальному «kingdom» приходит капиталистический «state», в котором право из «государевой воли для подданных» преобразуется в выраженную в конституционно-правовой системе «юридическую технологию для всех». Наследуемая представителями царствующей династии королевская власть, «осуществляемая от имени Бога, представителем Бога», уступает место представительным формам, обеспечивающим «правление народа, народом и для народа» (ст. 2 Конституции Франции 1958 г.). Отказ от сословного структурирования общества приводит к законодательному закреплению гражданского равенства в механизме политического представительства. Принцип «один гражданин – один голос», впервые закрепленный в пятнадцатой поправке к Конституции США, гласит: «Право голоса граждан США не должно оспариваться или ограничиваться... по признаку расы, цвета кожи либо выполнения ранее подневольной работы». В дальнейшем именно равенство в политическом представительстве, будет рассматриваться в качестве основополагающего принципа буржуазной конституционно-правовой системы, «перекочевавшего» впоследствии в конституции практически всех стран мира, независимо от закрепляемых ими форм правления и политических режимов.

Конституционно-правовая система Великобритании

В основу понимания формы и содержания британской конституционно-правовой системы положены, на наш взгляд, две основные парадигмы, в каждой из которых закрепляется главенствующий принцип «объединения различного» как в государственном, так и в правовом устройстве.

Полное название государства Соединённое Королёвство Великобритании и Сёверной Ирландии (англ. – The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland) образовано путем объединения политической формы правления (королевство) с географическими особенностями размещения страны (островное государство, включающее, в числе прочих,

два крупнейших острова Великобритании (Большую Британию) и Ирландию (Малую Британию). В административно-территориальном плане Соединенное Королевство представлено четырьмя автономными образованиями (Англией, Шотландией, Уэльсом, Северной Ирландией). При этом автономиями в полном смысле этого понятия являются только три из них, а именно: Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия. Англия занимает в Соединенном Королевстве положение, подобное тому, которым обладала РСФСР (Россия) в Советском союзном государстве (СССР). Главное отличие заключается в том, что в Англии вплоть до настоящего времени отсутствует региональный парламент. Нормативная база организации и осуществления самоуправления Англии устанавливается парламентом и правительством Великобритании. Исключение составляет регион Большой Лондон, имеющий свою выборную ассамблею и мэра с 2000 г. после поддержки этого вопроса на референдуме в 1998 г. [1]. Принцип формального равенства названных частей Соединенного Королевства определяется «юрисдикцией Короны», что, с одной стороны, позволяет говорить о *единой государственной границе*, но вместе с тем о *разделенной на автономные образования государственной территории*, с особым политико-правовым статусом Англии. Если же говорить о специфике положения в Советском союзном государстве РСФСР, то она определялась пониманием в качестве основных властных государственных структур не парламента (Верховного Совета) и правительства (Совета Министров), как раз эти органы были созданы во всех союзных республиках, в том числе в РСФСР, а Коммунистической Партии Советского Союза (КПСС), являвшейся «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций...» (ст. 6 Конституции СССР 1977 г.). РСФСР являлась единственной из союзных республик, в которой не было республиканской партийной организации, функции которой выполняло общесоюзное партийное руководство. При этом название Россия было столь же синонимичным для СССР, как и Англия для Соединенного Королевства.

Структурирование правовой системы Великобритании осуществлялось в контексте конструкции «common law», дословный перевод которой звучит как «объединенный закон». В отличие от русского слова «закон», используемого как в общем, собирательном, так и в конкретном (федеральный закон, закон субъекта Федерации) понимании, английское слово

«law» используется для обозначения логического умозрительного понятия, не представленного в национальном позитивном праве каким-либо определенным нормативно-правовым актом (акты парламентского нормотворчества в Великобритании называются статутами). В отличие от континентальной традиции, где система формальных источников национального права представлена иерархической пирамидой, главенствующее место в которой занимают нормативно-правовые акты – «законы», а на вершине находится «основной закон» – конституция, английская традиция основана на горизонтальной структуре, в рамках которой парламентские статуты, судебные прецеденты и доктрины, нормативные договоры и юридические обычаи являются одинаковыми по юридической силе, в своей совокупности образующими нормативно-правовой массив «common law», применение которого зависит в первую очередь не от государственной администрации (бюрократии), а от судебного корпуса, в конечном счете определяющего сущностную природу «права справедливости».

Отношение к национальному праву как комплексной категории, не сводимой к одному из видов формальных источников, обусловило понимание конституции Великобритании как «чрезвычайно своеобразной модели конституционного развития, основными специфическими чертами которой в сравнительной перспективе являются отсутствие текста конституции, значительная роль судебного толкования и традиции обычного права» [6, с. 45].

Конституционно-правовая система США

Возникшая в результате борьбы за государственный суверенитет, Конституция США стала первой в истории государства и права национальной конституцией, определившей на дальнейшую перспективу «мировой политической тренд» конституционной демократии, как своего рода идеальной модели политического устройства.

Конституционно-правовая система США отличается прежде всего наличием жесткого, не подверженного изменениям первоначального текста Конституции 1787 г., в своей первоначальной форме уподобляемой Священному Писанию (Библии), с той лишь разницей, что авторами Библии являлись Христовы Апостолы, а авторами конституции – отцы-основатели вновь образованного американского государства. Вместе с тем, текстуальная «неприкосновенность» не препятствует изменениям в обла-

сти «реального» конституционного права в своем нормативном содержании и правоприменительном процессе, зависящем в большей степени не от самих аутентичных положений, а от практики их интерпретации судьями Верховного суда, выступающими в качестве действительных субъектов конституционного правоприменения. Следует согласиться с мнением А. Медушевского о том, что в конституционно-правовой системе США получила свое фактическое зеркальное отражение модель британского конституционализма. Причем, неписаная конституция была заменена писаной кодифицированной сознательно, «(для фиксации параметров общественного договора)» [6, с. 68], заключенного как между «свободными гражданами свободной страны», так и между социально-территориальными образованиями – штатами, для которых ратификация национальной Конституции являлась одновременно актом признания себя субъектом федеративного союзного государства – США, в котором наследуемая власть короля как помазанника Божьего, сменяется властью президента – представителя народа, избираемого народом и ответственного в своей деятельности перед народом. Если основной задачей Конституции Великобритании на первоначальном этапе формирования национальной конституционно-правовой системы являлось ограничение королевского абсолютизма парламентским представительством, то для Конституции США, такой задачей стало жесткое разделение власти самого государства, с целью совмещения на конституционном уровне ценностей либеральной демократии, с одной стороны, и эффективного государственного управления, с другой.

Конституционно-правовая система Франции

Если для конституционно-правовых систем Великобритании и США, конституционный традиционализм основывался и основывается на неизменности самих основополагающих принципов государственно-правового устройства: для Великобритании таким принципом является объединение различных по конфигурации образований (сословий и политических партий, административно-территориальных единиц с различным статусом, формальных источников права и др.) в едином государстве – Соединенном Королевстве; США в своей организации и деятельности опирается на идею «общественного договора», формальным воплощением которого является принятая в «далеком» 1787 г. и с тех пор не меняющаяся Конституция, которая наряду с Декларацией независимости

(1776 г.) выступает в качестве «государствообразующего» акта, неизменного в своей содержательной сущности в той же степени, в какой неизменно само государство США. Для Франции, с ее многочисленными политико-правовыми перипетиями, конституционный традиционализм, связывается с конституцией как таковой. Так же, как и США, Франция пошла по пути принятия писаной конституции, включив в нее в качестве самостоятельного раздела Декларацию прав человека и гражданина, тем самым придав этим правам собственно конституционное значение. Однако, если для США, конституция – это документ, «учреждающий» новую государственно-правовую систему, то Конституция Франции носит «этапный характер» и фиксирует всего лишь «новую ступень» в государственно-правовом развитии французского народа, «вечного» в своей национальной идентичности. Обозначенный подход определяет особенность французской конституционно-правовой традиции, в рамках которой формальные и структурно-содержательные изменения, происходящие в политико-правовой реальности и обуславливающие качественные изменения в государственно-правовом устройстве, закрепляются Конституцией «новой» республики, отражающей и закрепляющей происшедшие трансформации, однако, всякий раз подчеркивающей приверженность к сохранению исторически сложившейся и неразрывной конституционной традиции. В качестве подтверждения сказанного следует привести положение, закрепленное преамбулой действующей Конституции Франции 1958 г. («Конституция пятой республики»), гласящее: «Французский народ торжественно провозглашает свою приверженность правам человека и принципам национального суверенитета, как они были определены Декларацией 1789 года, подтвержденной и дополненной преамбулой Конституции 1946 года...».

Заключение

Представляя собой основывающуюся на понимании национальной конституции и производной от нее конструкции, конституционно-правовая система является комплексом материальных, идеальных и формально-юридических источников конституционного права, складывающихся на определенном историческом этапе развития национальной (государственной) культуры, обусловленной в своей динамике традиционностью либо дискретностью.

В качестве фактора, оказывающего значимое воздействие на классификацию конституционно-правовых систем, следует рассматривать сложившийся в ходе цивилизационной истории конфликт Запада и Востока, проходящий духовно-культурным курсивом через «связь времен» и выступающий одновременно связующим элементом между различными в своей ценностно-содержательной ориентации социально-политическими образованиями и «яблоком раздора», обуславливающим их враждебное противопоставление.

Традиционные конституционно-правовые системы сложились в государствах «коллективного Запада», исторические изменения, происходившие в которых, не затронули «основополагающих констант», положенных в основу национальной культурной парадигмы. При этом независимо от различия в содержательном наполнении (для Британии – это идея «объединенного королевства» и «объединенного закона», для США – неизменность Библии, как основы духовной, а Конституции, как основы политико-правовой организации общества, для Франции – воплощенное в конституционных текстах продолжение и правопреемство в сфере «республиканской трансформации»). Все рассмотренные в статье конституционно-правовые системы одинаковы в том, что опираются на традиционные ценности, неизменные для сменяющихся поколений граждан (подданных), являющихся хранителями и продолжателями национальной конституционно-правовой традиции.

Список литературы

1. Административное деление Англии // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/763886>
2. Величко А. М. Запад и Россия: что нас разъединяло в прошлом и продолжает разъединять в настоящем // Проблемы национальной стратегии. – 2012. – № 5. – С. 180–194.
3. Восток как Другой в западных образах европейцев в XV–XVIII вв. // http://historick.ru/view_post.php?id=289&cat=4
4. Журавский А.В. Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 123 с.
5. Ленин В.И. Три источника и три составные части Марксизма. В кн.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1973. Т. 23. Март-сентябрь 1913. – С. 40–48.
6. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 574 с.

7. Османова З.С. Концепция «живой» конституции в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Закон и право. – 2019. – № 2. – С. 66–68.

8. Православно-католические отношения на современном этапе // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1319482.html>

9. Путин заявил, что весь блок западных стран, сформированный США – империя лжи // https://tass.ru/politika/13826881?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

10. Ромашов Р. А. Правовые культуры России и Запада: существует ли двухсторонняя интеграция // Философия права в России: история и современность. Материалы Третьих философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. – М.: ИГПРАН, 2009. – С. 59–74.

11. Рокина Г.В. Из истории трактовки термина «панславизм» в работах отечественных и зарубежных авторов XIX века // Запад – Восток. – 2010. – № 3. – С. 92–102.

References

1. *Administrativnoe delenie Anglii* [Administrative division of England] // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/763886>. (In Russian).

2. Velichko, A. M. (2012) Zapad i Rossiya: chto nas raz`edinyalo v proshlom i prodolzhaet raz`edinyat` v nastoyashhem [The West and Russia: which divided us into a schism and continue to divide us into the present]. *Problemy` nacional`noj strategii – Problems of the national strategy*. No 5. pp. 180–194. (In Russian).

3. *Vostok kak Drugoj v zapadny`x obrazax evropejcev v XV–XVIII vv.* [The East as Another in the Western images of Europeans in the XV–XVIII centuries.] // http://historick.ru/view_post.php?id=289&cat=4 (In Russian).

4. Zhuravskij, A.V. (1990) *Xristianstvo i islam. Sociokul`turny`e problemy` dialoga*. [Christianity and Islam. Sociocultural problems of dialogue]. Moskva: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury`, 123 p. (In Russian).

5. Lenin, V.I. (1973) *Tri istochnika i tri sostavny`e chasti Marksizma* [Three sources and three components of Marxism]. V kn.: Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. / V. I. Lenin; In-t marksizma-leninizma pri CzK KPSS. 5-e izd. Moskva: Gos. izd-vo polit. lit., Vol. 23. pp. 40–48. (In Russian).

6. Medushevskij, A.N. (2005) *Teoriya konstitucionny`x ciklov* [Theory of constitutional cycles]. Moskva: Izd. dom GU VShE`. 574 p. (In Russian).

7. Osmanova, Z.S. (2019) *Koncepciya «zhivoj» konstitucii v pravovy`x poziciyax Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii* [The Concept of a "living" Constitution in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zakon i pravo – Law and law*. No 2. pp. 66–68. (In Russian).

8. *Pravoslavno-katolicheskie otnosheniya na sovremennom e`tape* [Orthodox-Catholic relations at the present stage] // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1319482.html> (In Russian).

9. *Putin zayavil, chto ves` blok zapadny`x stran, sformirovanny`j SShA – imperiya lzhi* [Putin said that the entire bloc of Western countries formed by the United States is an empire of lies] // https://tass.ru/politika/13826881?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (In Russian).

10. Romashov, R. A. (2009) *Pravovy`e kul`tury` Rossii i Zapada: sushhestvuet li dvux-storonnyaya integraciya* [Legal cultures of Russia and the West: is there a two-way integration] // *Filosofiya prava v Rossii: istoriya i sovremennost`*. Materialy` Tret`ix filosofsko-pravovy`x chtenij pamyati akademika V. S. Nersesyancza / otv. red. V. G. Grafskij. Moskva: IGPRAN. pp. 59–74. (In Russian).

11. Rokina, G.V. (2010) Iz istorii traktovki termina «panslavizm» v rabotax otechestvenny`x i zarubezhny`x avtorov XIX veka [From the history of the interpretation of the term "pan-Slavism" in the works of domestic and foreign authors of the XIX century]. *Zapad – Vostok – West – East*. No 3. pp. 92–102. (In Russian).

Об авторе

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

About the author

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor, head of theory and history of the state department of Law faculty, Pushkin Leningrad State University, Meritorious Scientist of Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Поступила в редакцию: 11.05.2022

Received: 11 May 2022

Принята к публикации: 26.05.2022

Accepted: 26 May 2022

Опубликована: 30.06.2022

Published: 30 June 2022

УДК / UDC 349.6; 630

DOI: 10.35231/18136230_2022_2_34

Совершенствование юридической техники, понятийного аппарата в области лесных отношений, лесного сектора

А. С. Чибидин^{1,3}, Д. И. Игнатенко^{2,3}, А. Я. Донин¹

¹*Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет
имени С.М. Кирова,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

²*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

³*Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Актуальность исследования юридической техники, понятийного аппарата в области лесных отношений обусловлена возрастающим вниманием со стороны гражданского общества, органов власти к проблемам леса, в том числе на законодательном, правовом поле. В связи с множеством новшеств по направлению цифровизации лесного сектора требуется анализ юридической техники в области лесного законодательства, лесных отношений, так как некоторые термины и определения остаются прежними, но в реальности суть изменяется, что, безусловно, может стать почвой для конфликта. Форма и содержание должны соответствовать друг другу.

Входить в новую эпоху цифровизации, не имея единого представления о понятийном аппарате, нереально. При цифровизации лесного сектора требуется точнейшее определение терминов.

В рамках статьи рассмотрены базовые документы Российской Федерации в сфере лесного стратегического планирования, лесной политики, нормативно-правовые акты, отраслевые стандарты в области лесных отношений. Обозначены и охарактеризованы ключевые термины, используемые в лесном секторе, в лесном законодательстве, учебной и научной литературе. Проанализированы базовые отраслевые определения на соответствие формы и содержания. Учитывая цифровизацию лесного сектора, сформированы рекомендации по совершенствованию юридической техники в области лесных отношений, понятийного аппарата в сфере лесной политики, лесного стратегического планирования, лесного законодательства, отраслевых стандартов.

Ключевые слова: лесное законодательство, лесной кодекс, лесная политика, лесной сектор, лесное хозяйство.

Для цитирования: Чибидин А.С., Игнатенко Д.И., Донин А.Я. Совершенствование юридической техники, понятийного аппарата в области лесных отношений, лесного сектора // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 2 (68). – С. 34–48. DOI 10.35231/18136230_2022_2_34

Improvement of legal technology, conceptual apparatus in the field of forest relations, the forest sector

Alexander S. Chibidin^{1,3}, Dmitry I. Ignatenko^{2,3}, Alexander Ya. Donin¹

*¹Saint Petersburg State Forest Technical University
Saint Petersburg, Russian Federation*

*²Pushkin Leningrad State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

*³Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics
Saint Petersburg, Russian Federation*

The relevance of the study of legal technology in the digitalization of the forest sector is due to the increasing close attention from civil society, authorities to forest problems, including in the legislative, legal field. Due to the many innovations in the direction of digitalization of the forest sector, an analysis of legal techniques in the field of forest legislation and forest relations is required, since some terms and definitions remain the same, but in reality the essence changes, which can certainly become the ground for conflict.

The form and content must match each other. It is unrealistic to enter a new era of digitalization without having a single idea of the conceptual apparatus. When digitizing the forest sector, the most precise definition of terms is required.

The article defines and describes the basic documents of the Russian Federation in the field of forest strategic planning, forest policy, regulatory legal acts, industry standards in the field of forest relations. The key terms used in the forest sector, in forest legislation, educational and scientific literature are identified and characterized. The basic industry definitions are analyzed for conformity of form and content. Taking into account the digitalization of the forest sector, recommendations have been formed to improve legal technology in the field of forest relations, to improve the conceptual apparatus in the field of forest policy, forest strategic planning, forest legislation, industry standards.

Key words: forest legislation, forest code, forest policy, forest sector, forestry.

For citation: Chibidin, A.S. Ignatenko, D.I., Donin, A.Ya. (2022). Sovershenstvovanie yuridicheskoy tekhniki, ponyatijnogo apparata v oblasti lesnyh otnoshenij, lesnogo sektora [Improvement of legal technology, conceptual apparatus in the field of forest relations, the forest sector]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 2 (68). pp. 34–48. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_2_34

Введение

Распоряжением от 22 октября 2021 г. утверждены мероприятия по цифровой трансформации в сфере госуправления¹. В лесном секторе России также проходит цифровизация. Президент на совещании по развитию лесного комплекса в сентябре 2020 г. отметил, что необходимо активнее применять инновационные, цифровые технологии, запустить федеральную информационную систему лесного комплекса (ФГИС ЛК). Также на данном совещании были даны ключевые поручения² по реформированию лесного сектора. В 2022 г. вместе с запретом на вывоз необработанных лесоматериалов стала функционировать новая, модернизированная автоматизированная система учета древесины (ЛесЕГАИС).

В связи с множеством новшеств по направлению цифровизации лесного сектора требуется анализ юридической техники в области лесного законодательства, лесных отношений. Так как некоторые термины и определения остаются прежними, но в реальности суть изменяется, это, безусловно, может стать почвой для конфликта. Форма и содержание должны соответствовать друг другу.

Существенный вклад в исследование лесной политики, лесных отношений, экологического права внесли В.Н. Петров [5], В. К. Быковский [1], Н. Г. Жаворонкова, Г. В. Выпханова [3] и др. В сфере совершенствования лесного законодательства представляют большой интерес труды Ю.Н. Гагарина [2], П. Комольцева, О. Конюшатова, П. Трушевского [4], Ю. Шуваева [10]. О совершенствовании терминов, понятийного аппарата писали М. Т. Сериков [6] К.С. Частнов, Н.В. Калеев [8] и т.д. Большинство вышеуказанных авторов отмечают, что требуются дополнительные исследования в области лесного законодательства, понятийного аппарата лесного сектора, и в связи с этим тема совершенствования юридической техники лесных отношений является актуальной.

¹ Председатель Правительства РФ утвердил мероприятия по цифровой трансформации в сфере госуправления // Информационно-правовой портал «Гарант». 22.10.2021. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402867092/> (дата обращения: 14.04.2022).

² Президент России: официальный сайт // Совещание о развитии и декриминализации лесного комплекса. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64116> (дата обращения: 14.04.2022).

Цель настоящей статьи:

- 1) установить, обозначить ключевые термины и определения в рамках лесной политики, документов лесного стратегического планирования, лесного законодательства, отраслевых стандартов, учебной литературы и охарактеризовать, проанализировать их;
- 2) сформировать рекомендации по совершенствованию юридической техники в области лесных отношений, понятийного аппарата в сфере лесного законодательства, лесного сектора.

Ключевые термины и определения в рамках лесной политики, документов лесного стратегического планирования, лесного законодательства, отраслевых стандартов, учебной и научной литературы

Термин «лес». В ЛК РФ точного определения, что такое лес не представлено.

В ГОСТ Лесное хозяйство, термины и определения (далее – Лесной отраслевой стандарт) отмечено, что лес является динамичной, единой экосистемой, состоящей в основном из лесных древесных растений, животных, грибов, почвы, микроорганизмов и других природных компонентов¹.

В высших лесных школах, например в первом лесном вузе России – Санкт-Петербургском государственном лесотехническом университете имени С.М. Кирова (СПбГЛТУ), в учебных пособиях используют свои термины и определения. В учебном пособии «Основы лесного хозяйства и таксации леса», разработанном преподавателями кафедр лесоводства и таксации, лесоустройства и геоинформационных систем, представлено следующее определение: Лес – сложное образование природы, явление биологическое и физико-географическое, составная часть географического ландшафта, представляющая собой единую систему природных компонентов².

¹ Национальный стандарт Российской Федерации: Лесное хозяйство. Термины и определения, Forestry. Terms and definitions // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200157738> (дата обращения: 14.04.2022).

² Мартынов А.Н. и др. Основы лесного хозяйства и таксации леса. СПб.: Изд-во СПбГЛТУ, 2008. С. 4.

Термин «лесная политика». В Основах государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Основы лесной политики РФ) не представлено определение термина «лесная политика». В рабочем документе «Термины и определения ОЛР» ФАО ООН¹ есть схожий по смыслу термин «лесохозяйственная политика», который обозначает свод направлений и принципов деятельности, принятый государственными органами в соответствии с национальной социально-экономической и экологической политикой в данной стране в целях формирования будущих решений в области управления, использования и сохранения лесов на благо общества.

В.Н. Петров, профессор Лесотехнического университета отмечает, что «лесная политика» является частью логической цепочки: «лесная политика – стратегия развития лесного сектора – лесное законодательство – государственное управление лесами». Исходя из этого, можно сделать вывод, что лесная политика – это первостепенный документ, который необходим для управления лесами. Также В.Н. Петров дает определение термина: «Лесная политика – это идеология для лесного сектора, определяющая концептуальные основы его развития на обозримую перспективу» [5, с. 11]. Учитывая изменения, одобренные в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., в Конституции РФ² были даны некоторые идеологические направления государства, которые можно описать в терминах: патриотизм, традиционные ценности (ст. 67.1 и ст. 68 Конституции РФ) и суверенитет (ст. 79, ст. 79.1 Конституции РФ), в том числе в виде автаркии (самообеспеченности) – системы замкнутого сообщества, с минимальной зависимостью от внешней среды. Всё это необходимо учитывать при формировании политики РФ, в том числе лесной политики России.

Термины «лесной комплекс» и «лесной сектор». В Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года (далее – Лесная стратегия РФ) указано, что лесной комплекс состоит из двух основных хозяйственных видов деятельности – лесного хозяйства и лесной промышленности.

¹ ФАО ООН // «Термины и определения ОЛР (оценка лесных ресурсов)». URL: <https://www.fao.org/3/l8661RU/i8661ru.pdf> (дата обращения: 14.04.2022).

² Конституция Российской Федерации (с изменениями на 14 марта 2020 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/9004937> (дата обращения: 14.04.2022).

В ст. 12.1 ЛК РФ указано, что лесной комплекс представляет собой совокупность лесной промышленности и лесного хозяйства¹.

Термин «лесное хозяйство». В ст. 12.1 ЛК РФ указано, что лесное хозяйство представляет собой виды экономической и другого вида деятельности по сохранению и использованию лесов, а также по управлению в области лесных отношений и лесоустройству².

В Лесном отраслевом стандарте отмечено, что лесное хозяйство – это хозяйственная и управленческая деятельность по использованию, защите, охране, воспроизводству лесов, и лесоразведению.

В Лесной стратегии РФ³ определено, что лесное хозяйство является видом экономической деятельности, в рамках которой осуществляется система мероприятий, направленных на воспроизводство лесов, охрану их от пожаров и защиту от вредных организмов и иных негативных факторов, регулирование использования лесов и учет лесных ресурсов, в целях удовлетворения потребностей экономики в древесине и другой лесной продукции при сохранении экологических и социальных функций леса.

В учебном пособии «Основы лесного хозяйства и таксации леса»⁴ отмечено, что на лесное хозяйство возложено лесоустройство, защита и охрана лесов, сохранение биоразнообразия, лесовосстановление, контроль за использованием лесов.

Термин «лесная промышленность». В ЛК РФ в ст. 12¹ указано, что лесная промышленность является совокупностью отраслей, связанных с заготовкой, вывозом леса, хранением древесины, первичной и последующей обработкой древесины, производством продукции переработки древесины.

¹ Лесной кодекс Российской Федерации (с изменениями на 26 марта 2022 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902017047> (дата обращения: 14.04.2022).

² Лесной кодекс Российской Федерации (с изменениями на 26 марта 2022 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902017047> (дата обращения: 14.04.2022).

³ Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573658653> (дата обращения: 14.04.2022).

⁴ Мартынов А.Н. и др. Основы лесного хозяйства и таксации леса. СПб.: Изд-во СПбГЛТУ, 2008. С. 4

В Лесной стратегии РФ «Лесная промышленность» указано, что к отраслям лесной промышленности относятся лесозаготовка, целлюлозно-бумажная промышленность, производство пиломатериалов, древесных плит, фанеры, мебели, биотоплива, деревянное домостроение и лесная химия (производство канифоли, таллового масла и др.).

Рекомендации по совершенствованию юридической техники в области лесных отношений, понятийного аппарата в сфере лесной политики, лесного стратегического планирования, лесного законодательства, отраслевых стандартов

Термин «лес». В РФ между законодателями, наукой (образованием) и бизнесом не достигнут консенсус по поводу термина «лес». В 2020 г. была представлена Концепция проекта ФЗ «Лесной кодекс Российской Федерации» (далее – Концепция) [2, с. 13]. В данной Концепции представлено наиболее актуальное, точное определение термина «лес» на данный момент. Рекомендуется в будущем уделить внимание данному определению, использовать его при формировании нормативно-правовых актов.

Термин «лесной сектор». Стоит отметить, что данное определение трактуется шире, нежели «лесной комплекс». Учитывая, что основной стратегический документ лесного планирования имеет в наименовании и в содержании термин «лесной комплекс» – термин «лесной сектор» практически не встречается в нормативно-правовых актах, отраслевых стандартах, лесном законодательстве. Но «лесной сектор» присутствует в Основах лесной политики РФ, а «лесной комплекс» наоборот отсутствует.

Комплекс (в экономике) – это совокупность производств какой-либо отрасли (агропромышленный комплекс, лесопромышленный комплекс и т.д.). Сектор экономики – это часть экономики государства. В статье «Об уточнении определений: лесной комплекс, сектор, отрасль» А.С. Чибидин указывает, что в лесной сектор входят: лесохозяйственная отрасль (первичная часть сектора), лесопромышленная отрасль (вторичная часть сектора) и другая смежная деятельность (третичная часть сектора экономики – лесное образование, наука и т.д.) [7, с. 36].

Таким образом, рекомендуется в будущем изменить наименование «Стратегия развития лесного комплекса РФ» на «Стратегия развития лесного сектора РФ». В самой Лесной стратегии РФ стоит привести точное

определение термина «лесной сектор». Так как в Основах лесной политики РФ упоминается «лесной сектор», но не встречается термин «лесной комплекс», при учете рекомендаций данной статьи – логики в стратегических документах лесного планирования, нормативно-правовых актах РФ станет больше.

Термин «лесной комплекс». Исследуя термины «лесной сектор» и «лесной комплекс», в рамках данной работы предложено внести правку в документы стратегического планирования, нормативно-правовые акты, и использовать термин «лесной сектор».

Термин «лесное хозяйство». Проанализировав различные определения термина «Лесное хозяйство» – наиболее подходящим, ёмким и точным понятием для описания лесохозяйственной отрасли, для грамотного сочетания формы и содержания является определение из Лесного отраслевого стандарта. Но, учитывая все реформы, в том числе цифровизацию лесного сектора, рекомендуется внести правки в Лесной отраслевой стандарт – добавить в определение термина лесного хозяйства: «лесоустройство и учет» и в будущем использовать данное определение. Предлагается следующее определение термина: «Лесное хозяйство – это управленческая и хозяйственная деятельность по использованию, охране, защите, учету и лесоустройству, воспроизводству лесов и лесоразведению». Также предлагается сделать равнозначными для удобства формулировки «(неистощительное) использование, охрана, защита, учет и лесоустройство, воспроизводство лесов и лесоразведение» и «использование и сохранение лесов». П. Комольцев, О. Конюшатов, П. Трушевский отмечают: «Действующее правовое регулирование невозможно признать исчерпывающим и обеспечивающим реализацию неистощительного лесопользования» [4 с. 43] – это связано в том числе и с недостаточно развитым понятийным аппаратом лесного сектора.

Термин «лесная политика». Основной лесополитический документ в РФ на данный момент – это «Основы государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года». При внесении правок в рамках вышеизложенных рекомендаций по термину «лесное хозяйство» должен будет измениться и основной лесополитический документ, в том числе и его наименование на «Основы государственной политики в области использования и сохранения лесов в Российской Федерации на период до 2030 года», где под «использованием и сохранением лесов», подразумевая

«использование, охрана, защита, учет и лесоустройство, воспроизводство лесов и лесоразведение». В некоторые части Основ лесной политики РФ также придется внести правку.

Термины, понятия и определения: «лесные отношения», «лесное планирование» и др. При внесении правок, рекомендуемых выше, требуется внесение изменений и в другие лесные термины, в том числе юридические. А.С. Чибидин в своих трудах отмечает [9, с. 5], что необходимо учитывать специфику каждого отдельного региона РФ, так как в каких-то субъектах России лесов практически нет, а где-то это основа для существования общества. Ю. Шуваев указывает, что «правовое регулирование легальности лесопользования недораскрыто в лесном законодательстве» [10, с. 17], в связи с этим потребуется корректировка терминов – включая определение «незаконная рубка лесных насаждений».

Термин «лесные отношения». В Лесном отраслевом стандарте указано, что лесные отношения – это имущественные и иные отношения, связанные с оборотом лесных участков и лесных насаждений, использованием, охраной, защитой и воспроизводством лесов, регулируемые законодательством. Рекомендуется дополнение данного термина понятиями «учет», «лесоустройство», по аналогии с вышеуказанной актуализацией термина «лесное хозяйство». Исходя из возрастания внимания к лесному и сельскому хозяйству России, реализации возможности выращивания леса на заброшенных сельхозземлях, лесного фермерства¹, предлагается дополнение определения «Лесные отношения» понятием «лесоразведение». Для широкого обсуждения расширения возможностей по лесоразведению стоит обратить внимание на ст. 6.1 ЛК РФ, которая содержит информацию о землях лесного фонда. Вероятно, стоит дополнить лесные отношения понятием «лесоразведение», учитывая тенденцию на освоение заброшенных с/х земель лесным фермерством, добавив пункт в ст. 6.1 ЛК РФ на стимулирование данного процесса. Но данная правка требует проработки согласованности с другими нормативно-правовыми актами, земельным законодательством, в целом законодательством РФ.

¹ Можно ли выращивать леса на заброшенных сельхозземлях // Газета Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/ecology/regulation/articles/2022/01/31/907093-pravitelstvo-opredelit-vozmozhnost-viraschivat-lesa-na-zabroshennih-selhozzemlyah> (дата обращения: 14.04.2022).

Термин «сохранение лесов». В ст. 1 ЛК РФ указано, что лесное законодательство основывается на 11 принципах, в том числе на принципе «сохранение лесов, в том числе посредством их охраны, защиты, воспроизводства, лесоразведения». Исходя из этого, под сохранением лесов уже законодательно понимают охрану, защиту, воспроизводство, лесоразведение. При учете вышеупомянутых рекомендаций «сохранение лесов» будет трактоваться, как «охрана, защита, *учет и лесоустройство*, воспроизводство лесов и лесоразведение». Таким образом, потребуются правки в п. 5 ст. 1 ЛК РФ и позиционирование, что термин «сохранение лесов» равнозначен понятию «охране, защите, учету и лесоустройству, воспроизводству лесов и лесоразведению». Основная статья, характеризующая лесные отношения в ЛК РФ – это ст. 3, в неё также будет необходимо внести аналогичные правки. Также нужно внести изменения в ст. 19 ЛК РФ, которая содержит информацию о «Мероприятиях по сохранению лесов и по лесоустройству», так как, исходя из рекомендуемых правок, лесоустройство становится частью понятия «сохранение лесов».

Термин «лесное планирование». В Лесном отраслевом стандарте указано, что лесное планирование – это планирование использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных в границах лесничеств, лесопарков, направленное на обеспечение устойчивого развития территорий. В Лесном отраслевом стандарте определение термина «лесное планирование» уже не соответствует лесному законодательству, так как термин «лесопарк» был практически выведен из ЛК РФ.

Учет древесины в рамках цифровизации лесного сектора (ЛесЕГАИС, ФГИС ЛК) выходит за рамки, границы лесничеств. Стоит учесть, что лесное планирование не может быть грамотным без учета близлежащей инфраструктуры, дорог общего пользования и других объектов за пределами лесничеств, что характеризует определение термина «лесное планирование» в Лесном отраслевом стандарте, как недостаточно точное определение. Требуется его актуализация и рекомендуется следующая формулировка определения термина: лесное планирование – это планирование использования, охраны, защиты, *учета и лесоустройства*, воспроизводства лесов и *лесоразведения*, направленное на обеспечение устойчивого развития территорий. При внесении данной правки в Лесной отраслевой стандарт, в том числе потребуются изменения гл. 10 ЛК РФ (Управление в области использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, лесоразведения, ст. 85. Планирование в области использования,

охраны, защиты, воспроизводства лесов). В ст. 86 ЛК РФ указано, что в лесном плане субъекта РФ определяются цели и задачи лесного планирования, исходя из этого, при изменении определения термина «лесное планирование» поменяются основные стратегические документы в области лесных отношений на уровне субъектов РФ. Отсутствие в лесном планировании таких понятий, как учет, лесоустройство создали некоторое количество проблем для грамотного управления в лесном хозяйстве, так как отсутствие актуальных данных по лесоустройству по многим землям лесного фонда не дает государству возможности корректно формировать стратегическое планирование. Также основной документ для лесного планирования на уровне лесничества – лесохозяйственный регламент потребует корректировки, и будут необходимы правки в ст. 87 ЛК РФ, где указаны основные законодательные сведения о лесохозяйственном регламенте.

Термин «лесная инфраструктура». В ст. 13 ЛК РФ указано, что в целях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов допускается создание лесной инфраструктуры, в том числе лесных дорог. Учитывая рекомендации данной работы по правкам в законодательство, пункт данной статьи предлагается в следующем виде: «В целях использования и сохранения лесов допускается создание лесной инфраструктуры, в том числе лесных дорог». В Лесном отраслевом стандарте требуется аналогичная правка.

Другие термины, определения. Есть еще некоторое количество терминов, которым требуются аналогичные правки, при учете рекомендаций данной работы. Например, в Лесном отраслевом стандарте в определении «аренда лесного участка» указано, что в договоре определены мероприятия по охране, защите и воспроизводству лесов, что требует дополнения понятиями «лесоустройство и учет» и, в некоторых случаях – «лесоразведение».

При внесении рекомендуемых правок в основной лесной закон, отраслевой стандарт, документы стратегического планирования и в отраслевой литературе – будут необходимы правки в региональные нормативно-правовые акты, смежные федеральные законы и т.д.

Реформа понятийного аппарата, совершенствование юридической лесной техники должна быть выполнена в комплексном характере, так как проблемы в области лесных отношений, множество несостыковок в терминах, определениях на данный момент в лесном секторе, происходит в

том числе из-за фрагментарного подхода к совершенствованию понятийного аппарата, лесного законодательства и к реформам в лесном секторе РФ. Также сложной работой будут изменения в арендных отношениях, так как на данный момент основой предоставления права пользования лесным участком является договор аренды лесного участка, который обычно заключается на срок до 49 лет.

Заключение

Входить в новую эпоху цифровизации, не имея единого представления о понятийном аппарате, нереально. При цифровизации лесного сектора требуется точнейшее определение терминов, так как разноплановое чтение создает условия для конфликтов, в том числе в судебной системе РФ.

Несовершенство лесного законодательства, лесной политики, документов лесного стратегического планирования, отраслевых стандартов, учебной литературы в целом характеризует системность проблем. Исходя из этого, решение данных проблем также должно иметь системный характер. Требуется балансировка законодательной, исполнительной власти, совершенствование государственной власти в области лесных отношений, укрепление лесного образования и науки. Также требуется совершенствование межведомственного взаимодействия. Система неэффективного лесного законодательства серьезно влияет на управление лесами, но, вероятно, это происходит из-за неточностей, недоработок в документах лесного стратегического планирования, лесной политики.

Предложенные рекомендации по совершенствованию лесного законодательства, нормативно-правовых актов, документов стратегического планирования и отраслевой литературы не претендуют на роль истины в последней инстанции. Необходимо обсуждать те, или иные термины и определения. Для совершенствования лесного сектора требуется пересмотр некоторых базовых, ключевых понятий и терминов, так как различная трактовка, усложнение законодательства формируют барьер для развития лесного сектора России. Обучение будущих кадров для лесного сектора России одним понятийным аппаратом, а после выпуска, при попадании в отрасль – переобучение на базе законодательства также является барьером для развития отрасли.

Список литературы

1. Быковский В. К. О государственной лесной политике // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10(47). – С. 4.
2. Гагарин Ю. Н. Концепция проекта федерального закона «Лесной кодекс Российской Федерации» // Вопросы лесной науки. – 2020. – Т. 3. – № 3. – С. 45.
3. Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В. Правовые проблемы и направления совершенствования государственного управления в области лесных отношений // Lex russica (Русский закон). – 2018. – № 2(135). – С. 175.
4. Комольцев П., Конюшатов О., Трушевский П. О совершенствовании российского лесного и смежного законодательства для дальнейшего развития добровольной лесной сертификации по схеме FSC // Устойчивое лесопользование. – 2015. – № 4(44). – С. 48.
5. Петров В.Н. Лесная политика России и экосистемное планирование // Теоретический и научно-производственный журнал «Лесное хозяйство». – 2014. – №5. – С. 39.
6. Сериков М. Т. Обоснование изменений в понятийном аппарате лесоустройства рекреационных лесов // Лесотехнический журнал. – 2013. – № 3(11). – С. 211.
7. Чибидин А. С. Об уточнении определений: лесной комплекс, сектор, отрасль // Актуальные вопросы в лесном хозяйстве: Материалы III международной научно-практической конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 06–08 ноября 2019 года. – СПб: Полиграф-Экспресс, 2019. – С. 257.
8. Частнов К. С., Калеев Н. В. Понятие «Хозяйственная деятельность» // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – №3 (16). – С. 3.
9. Чибидин А. С. Комментарий к концепции проекта нового лесного кодекса Российской Федерации научного Совета РАН по лесу // Вопросы лесной науки. – 2020. – Т. 3. – № 3. – С. 6.
10. Шуваев Ю. Анализ мер по совершенствованию лесного законодательства с учетом принятых поправок, дополнении, изменении в Лесной кодекс и отдельные законодательные акты Российской Федерации // Устойчивое лесопользование. – 2010. – № 3(25). – С. 60.

References

1. Bykovskij, V. K. (2014) O gosudarstvennoj lesnoj politike [About the state forest policy]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*. No 10(47). pp. 4. (In Russian).
2. Gagarin, YU. N. (2020) Kontseptsiya proekta federal'nogo zakona «Lesnoi kodeks Rossiiskoi Federatsii» [The concept of the draft federal law "Forest Code of the Russian Federation"]. *Voprosy lesnoi nauki – Forest science issues*. Vol. 3. No 3. pp. 45. (In Russian).
3. Zhavoronkova, N. G., Vyphanova, G. V. (2018) Pravovye problemy i napravlenija sovershenstvovaniya gosudarstvennogo upravlenija v oblasti lesnyh otnoshenij [Legal problems and directions of improving public administration in the field of forest relations]. *Russkij zakon – Lex russica*. No 2(135). pp. 175. (In Russian).
4. Komol'cev, P., Konjushatov, O., Trushevskij, P. (2015) O sovershenstvovanii rossijskogo lesnogo i smezhnogo zakonodatel'stva dlja dal'nejshego razvitija dobrovol'noj lesnoj sertifikacii po sheme FSC [On the improvement of Russian forestry and related legislation for the further development of voluntary forest certification under the FSC scheme]. *Ustojchivoe lesopol'zovanie – Sustainable forest management*. No 4(44). pp. 48. (In Russian).

5. Petrov, V.N. (2014) Lesnaya politika Rossii i ehkosistemnoe planirovanie [Russian Forest Policy and Ecosystem Planning]. *Teoreticheskij i nauchno-proizvodstvennyj zhurnal «Lesnoe hozyajstvo» – Theoretical and scientific-production journal "Forestry"*. No 5. pp. 39. (In Russian).

6. Serikov, M. T. (2013) Obosnovanie izmenenij v ponjatijnom apparate lesoustrojstva rekreacionnyh lesov [Justification of changes in the conceptual apparatus of forest management of recreational forests]. *Lesotekhnicheskij zhurnal – Forestry Journal*. No 3(11). pp. 211. (In Russian).

7. Chibidin, A. S. (2019) Ob utochnenii opredelenii: lesnoi kompleks, sektor, otrasl' [On clarification of definitions: forest complex, sector, industry] // Aktual'nye voprosy v lesnom khozyaistve: Materialy III mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh, Sankt-Peterburg, 06–08 noyabrya 2019 goda. St. Petersburg: Poligraf-Ehkspress, 2019 [Topical issues in forestry: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference of Young Scientists, St. Petersburg, November 06–08, 2019] pp. 257. (In Russian).

8. Chastnov, K. S., Kaleev, N. V. (2016) Ponyatie "Khozyaistvennaya deyatelnost'" [The concept of "Economic activity"]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. – Baltic Humanitarian Journal*. No 3 (16). (In Russian).

9. Chibidin, A. S. (2020) Kommentarii k kontseptsii proekta novogo lesnogo kodeksa Rossijskoj Federatsii nauchnogo Soveta RAN po lesu [Commentary on the concept of the draft of the new Forest Code of the Russian Federation of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences for Forestry]. *Voprosy lesnoi nauki. – Forest science issues*. Vol. 3. No 3. pp. 3. (In Russian).

10. Shuvaev, Ju. (2010) Analiz mer po sovershenstvovaniju lesnogo zakonodatel'stva s uchetom prinjatyh popravok, dopolnenii, izmenenii v Lesnoj kodeks i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii [Analysis of measures to improve forest legislation, taking into account the adopted amendments, additions, amendments to the Forest Code and certain legislative acts of the Russian Federation]. *Ustojchivoe lesopol'zovanie. – Sustainable forest management*. No 3(25). pp. 60. (In Russian).

Вклад соавторов

Чиби́дин А.С. выполнил основную часть (2/3) статьи в рамках подготовки НКР «Государственная политика, правовое регулирование в области лесных отношений и развитие лесного законодательства России в современный период» и исследования № 1022061700082-5. Игнатенко Д.И., Донин А.Ю. осуществляли анализ и интерпретацию данных, итоговую переработку статьи.

Author contributions

Chibidin A.S. completed the main part (2/3) of the article within the framework of the preparation of the scientific qualification work: «State policy, legal regulation in the field of forest relations and the development of Russian forest legislation in the modern period» and research No. 1022061700082-5. Ignatenko D.I., Donin A.Yu. carried out the analysis and interpretation of the data, the final revision of the article.

Об авторах

Чибидин Александр Сергеевич, аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-6905-5689, e-mail: alexander.chibidin@mail.ru

Игнатенко Дмитрий Иванович, доктор юридических наук, доцент, Лужский институт (филиал) Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, e-mail: idi13@yandex.ru

Донин Александр Яковлевич, кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: alexander_donin@mail.ru

About the authors

Alexander S. Chibidin, postgraduate, Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-6905-5689, e-mail: alexander.chibidin@mail.ru

Dmitry I. Ignatenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: idi13@yandex.ru

Alexander Ya. Donin, Cand. Sci. (Polit), Associate Professor, Saint Petersburg State Forest Technical University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: alexander_donin@mail.ru

Поступила в редакцию: 11.05.2022

Received: 11 May 2022

Принята к публикации: 26.05.2022

Accepted: 26 May 2022

Опубликована: 30.06.2022

Published: 30 June 2022

УДК / UDC 340

DOI: 10.35231/18136230_2022_2_49

К проблеме систематизации нормативных правовых актов в Российской Федерации и правилах её юридической техники

А. Ю. Глушаков¹, А. И. Соболевская²

*¹Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербурге, Российская Федерация*

*²Высшая школа технологии и энергетики СПбГУПТД,
Санкт-Петербурге, Российская Федерация*

Актуальность статьи обусловлена тем, что в ней дается оценка современного состояния и влияния на действующую правовую систему такого процесса упорядочивания нормативной базы, как систематизация.

В ходе исследования рассмотрены вопросы выбора форм систематизации, а также проблемы, возникающие на почве их реализации в практической (правотворческой) деятельности. Отдельно обращено внимание на отсутствие в законодательной логике устоявшихся принципов юридической техники и правильность её влияния на основы систематизации.

Результатом проведенного анализа стал вывод о тесной взаимосвязи между систематизацией и юридической техникой, что подтверждается их особой ролью в коррекции нормативного массива. При этом одной из проблем систематизации является отсутствие предметного разграничения между её основными формами и приоритета одной формы над другой.

Ключевые слова: систематизация, правотворчество, нормативное регулирование, законодательный массив, кодификация, форматирование, приоритет.

Для цитирования: Глушаков А.Ю., Соболевская А.И. К проблеме систематизации нормативных правовых актов в Российской Федерации и о правилах её юридической техники // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 2 (68). – С. 49–60. DOI: 10.35231/18136230_2022_2_49

To the problem of systematization of normative legal acts in the Russian Federation and the rules of its legal technique

Alexey Yu. Glushakov¹, Alexandra Ig. Sobolevskaya²

*¹Pushkin Leningrad State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

²*Higher School of Technology and Energy SPSUITD
Saint Petersburg, Russian Federation*

The relevance of the article is due to the fact that it provides an assessment of the current state and the impact on the current legal system of such a process of streamlining the regulatory framework as systematization.

The author's in the course of the study considered the issues of choosing the forms of systematization, as well as the problems that arise on the basis of their implementation in practical (law-making) activities. Separately, the author's draw attention to the lack of established principles of legal technique in the legislative logic and the correctness of its influence on the foundations of systematization.

The result of the analysis was the conclusion about the close relationship between systematization and legal technique, which is confirmed by their special role in the correction of the normative array. At the same time one of the problems of systematization is the lack of a substantive distinction between its main forms and the priority of one form over another.

Key words: systematization, lawmaking, normative regulation, legislative array, codification, formatting, priority.

For citation: Glushakov, A. Yu., Sobolevskaya, A. Ig. (2022) K probleme sistemati-zatsii normativnykh pravovykh aktov v Rossiyskoy Federatsii i o pravilakh yeyo yuridicheskoy tekhniki [To the problem of systematization of normative legal acts in the Russian Federation and the rules of its legal technique] *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 2 (68). pp. 49–60. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_2_49

Введение

Как справедливо отмечается исследователями в области изучения систематизации нормативных актов и её влияния на их структуризацию, в настоящее время, несмотря на то что данный вопрос давно себя исчерпал, некоторые проблемы её организации и проведения по-прежнему актуальны.

На фоне этого особо важно, что создание качественной нормативной архитектоники проистекает из сущности самого процесса систематизации, природа которой обусловлена тем, что нормативное регулирование только тогда становится качественным, когда законодатель последователен в реализации своей мысли относительно того, что такое здоровое социально-правовое регулирование [1, с. 28; 4; с. 212; 9, с. 27].

Систематизация как явление законодательного интереса: цели, принципы, формы реализации

Систематизация – это процесс, главная цель которого - посредством разработанных средств или форм упорядочить нормативный массив, сделав его простым с точки зрения понимания конструктивного состояния и эффективным с позиции использования субъектами права существующих нормативных положений. В наибольшей степени организация такого процесса и есть первоначальная стадия разрешения проблем, которые возникают в отечественной правовой системе. Как известно, основными формами выражения систематизации на практике являются учет, инкорпорация, кодификация и консолидация. Все эти формы представляют собой категоризированные модели легитимного воздействия на нормативное пространство посредством специальных приемов и средств [10, с. 365]. В свою очередь, сам факт дифференциации данных форм (отличия одной от другой) указывает на необходимость их использования наиболее рационально, не допуская смешения их на любом из этапов процесса систематизации.

Широко известная история проведения систематизации М.М. Сперанским еще в XIX в. наглядно показала, что для её качественной организации необходимо не просто найти и исключить из действия утратившие свою актуальность законы или подзаконные акты, следует взвесить, какую именно роль тот или иной акт играет в общей логике законодательного процесса и путем сопоставления (моделирования ситуаций) определить последствия в случае его исключения из общего нормативного массива. В частности, Сперанский, столкнувшись с чрезмерной перенасыщенностью нормами права российского законодательства, в своем труде очень часто уповал на то, что вычленивший устаревший акт для специально созданной для такого дела комиссии не представляло большого труда. Намного сложнее было определить (проанализировать) последствия исключения такого акта из группы действующих, в достаточной мере не убедившись, что новый акт, его подменяющий, действительно предусматривает всевозможные ситуации правового регулирования и сможет полноценно влиять не только на уже сложившиеся отношения, но и охватывает их с точки зрения развития в будущем [5, с. 365].

Ошибки, допускаемые в ходе процесса систематизации на современном этапе: причины, последствия, пути устранения

Несмотря на возросший уровень профессионального подхода к вопросам коррекции нормативных основ и положений, в настоящее время процесс их преобразования и переработки может организовываться с грубыми ошибками.

Как правило, эти ошибки находят свое выражение в таких позициях, как:

- проведение систематизации без осуществления соответствующего анализа (данный аспект указывает на то, что до начала процесса чистки системы законодательства от ненужных (устаревших актов) исполнителю необходимо провести тщательное исследование основ и состояния нормативной базы в принципе);

- неправильный выбор формы при оценке состояния нормативного массива;

- исключение актов, действие которых не может быть реализовано по причине отсутствия их дублеров (подменных актов).

Стоит заметить, что данные причины, скорее всего, будут носить исключительно организационный характер, а следовательно, корень их разрешения лежит в соблюдении следующих правил организации такого процесса: создание специализированных органов, формирование кадрового персонала, материальное и техническое обеспечение, контроль за проведением [2, с. 214]. Отдельно стоит выделить вопрос оценки такой работы, а именно, после её проведения необходимо осуществлять мониторинг применения вновь сформированного законодательства по части использования его норм на протяжении длительного (определенного) времени [7, с. 52].

Еще один проблемный вопрос в рассматриваемом направлении – определение тактики проведения систематизации, а также той формы, которая будет не только определять её направление, но и уже на первых этапах данного процесса укажет на проблемные места нормативной базы в целом.

В частности, профессор В.В. Кожевников подмечает, что при современном состоянии законодательства и обширной продолжающейся практике правотворчества наметилась тенденция (прерогатива) превалирования одной формы законодательной систематизации над дру-

гой, и что особо важно, по надуманным основаниям. К примеру, кодификация за последнее время стала основной формой в этом вопросе, в то время как исследователи абсолютно точно подмечают, что излишнее кодифицирование нормативной базы может привести к тому, что регулирование отношений примет чрезмерно общий (отраслевой) характер [3]. Более того, в контексте рассматриваемого вопроса стоит задуматься над тем, а могут ли признаваться удачными те формы и структуры нормативных актов, которые используются в процессе кодификации с учетом правильности определения, например того же предмета регулирования.

Критика принципов систематизации и их доктринальная коррекция

С учетом определения основных проблем систематизации разумным будет отметить, что именно соотношение кодексов с остальными формами нормативного выражения является главной проблемой современной кодификации. Одна позиция – соотношение закона и кодекса в рамках отрасли законодательства, другая – когда регулирование смежных и однородных отношений производится разными кодексами. Есть в этом вопросе и третья позиция, которая заключается в том, что между нормами права, отраженными в законах, устанавливающими статус органов государственной власти (или местного самоуправления), общественных и хозяйственных структур и предписаниями кодексов, проявляется разногласие.

Такое положение дел не может не настораживать, так как указанная прерогатива условна и не может восприниматься как доминанта в рассматриваемых отношениях. Более того, превалирующая роль кодификации с формальной точки зрения и с учетом того, что Основным законом страны такой приоритет не установлен официально, представляется несколько надуманной. Симптоматично, но в научных кругах уже долгое время иницируется тема разработки и принятия отдельного закона «О нормативных актах», который позволил бы внести ясность в такие вопросы, попутно определив четкое место кодекса в иерархии нормативных источников [6, с. 183]. Вместе с тем именно по этой причине во многих кодифицированных актах имеются указания на собственный приоритет перед другими законами.

Следует заметить, что учет приоритета кодексов над остальными актами законодательно и доктринально не обоснован, поскольку и по юридической силе, и по процедуре принятия такие акты справедливо

относятся к тем же федеральным законам. Следовательно, кодексы должны распространять свое действие в соответствии с общими правилами определения юридической силы нормативных правовых актов, действующих и применяющихся на территории России [8, с. 160]. Так, Конституционный суд РФ в одном из своих постановлений отметил, что положения ст. 76 Конституции РФ¹ исключают возможность приоритета одного федерального закона (по своей, конечно же, номинальной позиции) над другим. При этом данная судебная инстанция отдельно обратила внимание на то, что Основной закон страны не определяет и не может определять иерархию актов внутри одного их вида, в конкретном случае – федеральных законов².

Совершенствование технологий кодификационной деятельности

Базовая идеология любой кодификации заключается в проведении рационализации правовых норм и обеспечении их последующей доступности для понимания. Проводимая учеными юристами рационализация права в первую очередь обеспечивает их преимущество как обладателей юридических знаний над неспециалистами. Иными словами, когда закрепляется нормативный механизм в определенной правовой форме, возникает действительное социальное противоречие, в котором одна сторона представлена носителями специального юридического знания, применяющими его и в отдельных случаях злоупотребляющими им, а на противоположной стороне представлены субъекты, не обладающие юридическими знаниями.

Также при конструировании окончательной формы результата рационализации норм права очень часто проявляется ситуация, когда формируется лишь внешне «красивое» право, т. е. конструкт формы начинает превалировать над действительным содержанием.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

² По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного суда РФ от 29.06.2004 № 13-П // Собр. законодательства РФ. 05.07.2004. № 27. Ст. 2804.

Сформированная вокруг нас цифровая информационно насыщенная реальность привела к безусловному усложнению позитивного законодательства и в целом породила запрос на повышение качества усвоения и содержания норм действующего законодательства. Можно утверждать, что существует бесспорная тенденция к конструированию понятных всему населению источников права, реализация которых осложняется тем фактом, что чем сложнее юридическая конструкция, тем многократно сложнее ее изложить доступно.

В современные правила техники кодификации следует внести дополнительные правила, например такие: в необходимых случаях, при формировании текста нормы конструируемого акта для повышения качества усвоения нормативного материала, субъектом воздействия должны применяться не только понятные всем определения и дефиниции, но и нормативные информационные модели (формы символической трансляции нормативного материала).

Для последующего исследования проблематики кодификации в обеспечении максимальной доступности разрабатываемых кодексов для усвоения неспециалистами, нужно проанализировать необходимость внесения в тексты кодексов формализованных определений и типовых межотраслевых нормативных конструкций, прежде всего содержащих типовые процессуальные нормы.

Множеством причин объясняется повышение интереса к определениям, и одной из основных стало то, что позитивное право, как мы уже указывали выше, делается все более трудным для усвоения неспециалистами. Поэтому использование определений и типовых нормативных конструкций, выражаемых в том числе с помощью нормативных информационных моделей, значительно упрощает процессы модернизации языка закона.

Использование определений позволяет уменьшить фрагментацию современного законодательства и придаёт категориальное единообразие понятиям, находящимся в различных разделах отраслевых кодексов, помогая создавать вместо специальных общие правила.

В контексте размышлений о совершенствовании техники кодификационной деятельности нужно обратить внимание на элементы, составляющие структуру кодекса. К элементам новейших кодексов можно отнести язык его составления: наименование кодекса, преамбула, комментарии,

статья как структурная единица и нормативные информационные модели, облегчающие уяснение содержания применяемых нормативных конструкций.

К языку, на котором изложен кодекс, предъявляются повышенные требования с точки зрения его модернизации, с первую очередь с целью повышения доступности восприятия сформированного нормативного текста для широкого круга субъектов правового воздействия. При выборе используемого языка всегда делается выбор между применением формализованных юридических терминов и обыденной лексики. Выбор в первую очередь зависит от субъектного состава лиц, на которых будет направлено правовое воздействие.

Как мы уже упоминали выше, к новейшим элементам кодекса, которыми в обязательном порядке должны пользоваться современные специалисты по кодификационной деятельности, можно отнести нормативные информационные модели. Их применение позволяет существенно повысить скорость уяснения текста нормативного материала, поскольку его сложность для восприятия заинтересованными субъектами существенно увеличилась в последние 10–20 лет. Можно утверждать, что проводимый теорией права длительный поиск технических средств повышения наглядности текста норм права привел к пониманию того, что в качестве дополнительного средства передачи смыслового содержания норм могут выступать только нормативные информационные модели. Причем в ряде случаев они могут выступать и в качестве базового транслятора нормативного предписания. В структуре кодекса из нормативных информационных моделей komponуют отдельные блоки, не всегда формируемые с учетом логики разделов нормативного материала.

К базовому элементу текста кодекса относится статья, причем в разных правопорядках в качестве статьи выступает канон, параграф или section. Особый интерес вызывают применяемые в законотворческой практике, в том числе международной, способы нумерации статей. Применяемый способ нумерации статей в кодексах имеет существенное значение ввиду наличия большого количества собираемых вместе правоположений. Применяемый способ нумерации может существенно улучшить или наоборот ухудшить качество восприятия нормативного материала. Сквозная нумерация проще в применении, а используя индексную нумерацию, можно эффективней локализовать в кодексе определенный правовой текст.

Кодификации в практически тысячелетней исторической ретроспективе осуществлялись циклами. Кодификация всегда выступала не только результатом кризиса источников права, но и всегда крайне эффективно к ним приспособлялась технологически. В современном, активно трансформируемом мире изменилось традиционное понимание источников права, поэтому не существует уже примеров «удачной технологически» официальной кодификации, проводимой усилиями конкретного государства, результаты которой можно было использовать в качестве эталона.

Заключение

Таким образом, можно отметить, что вопросы систематизации и юридической техники, при условии, что их роль в коррекции нормативного массива воспринимается в качестве главенствующей, тесно взаимосвязаны между собой. Указанная взаимосвязь позволяет более точно определять логику построения законодательного процесса, выявлять его главные недостатки и оперативно принимать решения по их устранению.

Между тем к основным проблемам использования средств упорядочивания правовых актов, а также нормативных положений в систематизации следует отнести не только отсутствие предметного разграничения между её основными формами, но и несоответствие принципов определения приоритета одной формы над другой. Этот диагноз является обобщающим, но в то же время указывающим на последовательность устройства на современном этапе и развития всей системы законодательной коррекции в будущем.

Уровень технологического развития современного мира четко показывает направления совершенствования кодификационной деятельности. В истории кодификации уже были подобные узловые моменты, которые формировали содержание эволюции этой формы человеческой деятельности, связывая ее качество с состоянием экономики, культуры и науки того социума, в котором она эволюционировала. Причем методы кодификации изменялись из-за появления новых способов передачи информации. Современные электронные базы данных и связанные с ними способы передачи юридической значимой информации обязательно, существенным образом, в недалеком будущем повлияют на само понятие кодификации. Причем мы находимся только в начале зарождения процессов, формирующих подходы к содержанию кодификационной деятельности цифровой цивилизации, вплоть до изменения способов разработки и распространения кодексов, включая изменение смыслового понимания самой концепции кодификации.

Список литературы

1. Валиев Р.Г. Правотворческая систематизация норм права // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 27–9.
2. Иванюк О.А. Цифровые механизмы систематизации законодательства // Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.): сборник научных трудов, Москва, 13 мая 2020 года. – М.: Инфра-М, 2021. – С. 211–216.
3. Кожевников В.В. К проблеме консолидации нормативных правовых актов в Российской Федерации // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2019. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-konsolidatsii-normativnyh-pravovyh-aktov-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 17.03.2022).
4. Кожевников В.В. К проблеме систематизации нормативно-правовых актов в Российской Федерации и о правилах ее юридической техники // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 4(136). – С. 11–21.
5. Купцова О.В., Богданкевич А. А. Классификация локальных нормативных правовых актов как основание их систематизации // XLIV Огарёвские чтения: материалы научной конференции: в 3 частях, Саранск, 08–15 декабря 2015 года / Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2016. – С. 437–441.
6. Лунева Р.Э., Валиуллина Ч. Ф. К вопросу о формах систематизации нормативно-правовых актов в Российской Федерации // Научные исследования: фундаментальные и прикладные аспекты – 2020: сборник научных трудов / Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова. – Казань: Издательство. Познание. 2020. – С. 181–183.
7. Нагорных Р.В. О целях систематизации административного права и законодательства в условиях реализации доктрины административного конституционализма в современной России // Юридический мир. – 2021. – № 6. – С. 50–54.
8. Носырева Е. И., Фильченко Д. Г. Особенности и значение систематизации норм о примирении в процессуальных кодексах // Вестник гражданского процесса. – 2021. – Т. 11. – № 1. – С. 153–164.
9. Ордина О.Н. Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти: проблемы систематизации: учеб. пособие. – Саратов: Амирит, 2021. – С.26-29.
10. Перегудова К.П. Теоретическая подготовка к процессу систематизации законодательства (Правила М.М. Сперанского) // Право, общество, государство: проблемы теории и истории: сборник материалов Международной научной студенческой конференции, Москва, 24–25 апреля 2020 года / отв. ред. С.Б. Зинковский, Е.Н. Трикоз. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. – С. 364–367.

References

1. Valiev, R.G. (2020) Pravotvorcheskaya sistematizatsiya norm prava [Law-making systematization of the norms of law]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. No 7. pp. 27–39. (In Russian).

2. Ivanyuk, O.A. (2021) *Tsifrovye mekhanizmy sistemizatsii zakonodatel'stva* [Digital mechanisms of systematization of legislation] // *Sistemizatsiya zakonodatel'stva v fokuse istoriko-pravovoi nauki* (k 470-letiyu prinyatiya Sudebnika 1550 g.): sbornik nauchnykh trudov, Moskva, 13 maya 2020 goda. Moskva: Infra-M. pp. 211–216. (In Russian).

3. Kozhevnikov, V.V. (2019) *K probleme konsolidatsii normativnykh pravovykh aktov v Rossiiskoi Federatsii* [On the problem of consolidation of normative legal Acts in the Russian Federation] // *Vestnik OMGU. Seriya. Pravo*. No 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-konsolidatsii-normativnyh-pravovyh-aktov-v-rossiyskoy-federatsii> (data obrashcheniya: 17.03.2022). (In Russian).

4. Kozhevnikov, V.V. (2016) *K probleme sistemizatsii normativno-pravovykh aktov v Rossiiskoi Federatsii i o pravilakh ee yuridicheskoi tekhniki* [On the Problem of Systematization of Normative Legal Acts in the Russian Federation and on the Rules of its Legal Technique]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and state: theory and practice*. No 4(136). pp. 11–21. (In Russian).

5. Kuptsova, O.V., Bogdankevich, A. A. (2016) *Klassifikatsiya lokal'nykh normativnykh pravovykh aktov kak osnovanie ikh sistemizatsii* [Classification of local regulatory legal acts as the basis for their systematization] // XLIV Ogarevskie chteniya: materialy nauchnoi konferentsii: v 3 chastyakh, Saransk, 08–15 dekabrya 2015 goda / Natsional'nyi issledovatel'skii Mordovskii gosudarstvennyi universitet im. N.P. Ogareva, pp. 437–441. (In Russian).

6. Luneva, R.EH., Valiullina CH. F. (2020) *K voprosu o formakh sistemizatsii normativno-pravovykh aktov v Rossiiskoi Federatsii* [On the question of the forms of systematization of normative legal acts in the Russian Federation] // *Nauchnye issledovaniya: fundamental'nye i prikladnye aspekty – 2020: sbornik nauchnykh trudov / Kazanskii innovatsionnyi universitet imeni V.G. Timiryasova*. Kazan': Izdatel'stvo. Poznanie. pp. 181–183. (In Russian).

7. Nagornykh, R.V. (2021) *O tselyakh sistemizatsii administrativnogo prava i zakonodatel'stva v usloviyakh realizatsii doktriny administrativnogo konstitutsionalizma v sovremennoi Rossii* [On the goals of systematization of administrative law and legislation in the context of the implementation of the doctrine of administrative constitutionalism in modern Russia]. *Yuridicheskii mir – Legal world*. No 6. pp. 50–54. (In Russian).

8. Nosyreva, E. I., Fil'chenko, D. G. (2021) *Osobennosti i znachenie sistemizatsii norm o primirenii v protsessual'nykh kodeksakh* [Features and significance of systematization of reconciliation norms in procedural codes]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*. Vol. 11. No 1. pp. 153–164. (In Russian).

9. Ordina, O.N. (2021) *Normativnye pravovye akty federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti: problemy sistemizatsii* [Regulatory legal acts of federal executive authorities: problems of systematization] *Uchebnoe posobie*. Saratov: AmiriT. pp. 26–29. (In Russian).

10. Peregudova, K.P. (2020) *Teoreticheskaya podgotovka k protsessu sistemizatsii zakonodatel'stva Pravila M.M. Speranskogo* [Theoretical preparation for the process of systematization of legislation Rules of M.M. Speransky] // *Pravo, obshchestvo, gosudarstvo: problemy teorii i istorii: Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii, Moskva, 24–25 aprelya 2020 goda / Otv. redaktory S.B. Zinkovskii, E.N. Trikoz*. Moskva: Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN). pp. 364–367. (In Russian).

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Author contributions

Co-authorship indivisible.

Об авторах

Глушаков Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация. e-mail: complexal@yandex.ru

Соболевская Александра Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, Высшая школа технологии и энергетики СПбГУПТД, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: gripe80@mail.ru

About the authors

Alexey Yu. Glushakov, Cand. Sci. (Law), Assistant Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-0957-1953, e-mail: complexal@yandex.ru.

Alexandra Ig. Sobolevskaya, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Higher School of Technology and Energy SPSUITD, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-5856-6822, e-mail: gripe80@mail.ru

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Статья / Article

УДК / UDC 347.73

DOI 10.35231/18136230_2022_2_61

Модель правового регулирования криптовалют в Российской Федерации

Е. М. Андреева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Рынок цифровых валют активно развивается во всех странах мира. Вместе с тем правовое обеспечение его деятельности очевидным образом отстает от современных реалий. Россия не является исключением. Так, только в 2021 г. вступил в силу первый в истории нашей страны Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте». Криптовалютам в нем посвящена всего одна статья. В феврале 2022 г. Правительством Российской Федерации на обсуждение общественности была представлена Концепция законодательной регламентации цифровых валют в Российской Федерации.

В настоящей публикации рассматриваются основные положения упомянутой выше Концепции, формирующей модель будущей регуляции криптовалют в России. Анализируется правовой статус субъектов, которых планируется задействовать в выпуске и обращении новых цифровых инструментов в России, процедура их приобретения и отчуждения. Также в исследовании приведены примеры публично-правового управления криптовалютным рынком других стран, которые, по мнению автора, достигли наибольших успехов в данной сфере.

В результате проведенного анализа делается вывод о том, что предложенная Правительством РФ юридическая модель выпуска и обращения цифровых валют не будет способствовать развитию криптовалютного рынка в России. Она обладает такими недостатками, как громоздкость, длительность и дороговизна совершения криптовалютных сделок. По этой причине вносятся предложения о корректировке проекта правового регулирования криптовалют в Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, цифровые финансовые активы, информационная система, оператор обмена цифровых валют, организатор системы обмена цифровых валют.

Для цитирования: Андреева Е. М. Модель правового регулирования криптовалют в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 2 (68). – С. 61–74. DOI 10.35231/18136230_2022_2_61

The model of legal regulation of cryptocurrencies in the Russian Federation

Elena M. Andreeva

*St. Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The digital currency market is actively developing in all countries of the world. At the same time, the legal support of its activities obviously lags behind modern realities. Russia is no exception. So, only in 2021, the first Federal act “On Digital Financial Assets, Digital Currency” in the history of our country came into force. There is only one article devoted to cryptocurrencies in it. In February 2022, the Government of the Russian Federation presented the Concept of Legislative Regulation of Digital Currencies in the Russian Federation for public discussion.

This publication is devoted to the analysis of the main provisions of the Concept mentioned above, which forms a model for the future regulation of cryptocurrencies in Russia. Thus, the author analyzes the legal status of entities that are planned to be involved in the issuance and circulation of new digital instruments in Russia, the procedure for their acquisition and alienation as well. The study also provides examples of public law management of the cryptocurrency market in other countries, which, according to the author, are the most advanced in this sphere.

As a result of the analysis, the author came to the conclusion that the legal model for the issuance and circulation of digital currencies proposed by the Government of the Russian Federation will not contribute to the development of the cryptocurrency market in Russia. It has such disadvantages as bulkiness, long duration and high cost of accomplishing of crypto transactions. For this reason, proposals are being made to adjust the draft of the legal regulation of cryptocurrencies in the Russian Federation.

Key words: digital currency, cryptocurrency, digital financial assets, information system, cryptocurrency service provider.

For citation: Andreeva, E.M. (2022) Model' pravovogo regulirovaniya kriptovaljut v Rossijskoj Federacii [The model of legal regulation of cryptocurrencies in the Russian Federation]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 2 (68). pp. 61–74. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_2_61

Введение

В настоящее время в публичном управлении большинства стран мира приходит понимание того, что отрицать или запрещать цифровые валюты просто бессмысленно. Криптовалюты заняли значимое место среди инструментов инвестирования и накопления¹. Так, с 2001 по 2022 годы вложения в крипторынок мира составили три триллиона долларов [17]. По состоянию на декабрь 2021 г. российские инвестиции в криптомонеты составили пять триллионов рублей [9]. В мировой практике рассматриваемые цифровые инструменты используются не только как средство сбережений, но и как средство платежа. Первой в мире страной, признавшей их в этом качестве, стала Япония, которая с 2017 г. разрешила принимать биткоины и некоторые другие цифровые валюты в оплату товаров и услуг [11]. В некоторых кантонах Швейцарии криптовалюта также является законным платежным средством [12]. Республика Сальвадор первой в мире признала биткоин национальной денежной единицей. Однако есть примеры стран, в которых оборот криптовалют запрещен. Среди них Китай, Катар, Турция [1].

По пути управления «цифровыми активами» идут многие государства, примерами последних являются Великобритания, Соединённые Штаты Америки, государства-члены Европейского союза (за исключением Северной Македонии), Япония. По мнению автора, Россия только начинает свой путь регламентации криптовалютных отношений. На сегодня у нас разработан только проект будущей юридической модели обращения цифровых валют. Рассмотрим его.

Общая характеристика российской модели правовой регуляции криптовалют

В конце 2021 г. разгорелась дискуссия между Центральным банком и Правительством Российской Федерации о перспективах криптовалют в России. ЦБ РФ, как известно, выступал за полный запрет криптовалют, в то время как Правительство РФ, чья точка зрения впоследствии была взята за основу, выступало за грамотное регулирование. Как показывают реалии сегодняшнего дня, решение российского правительства было правильным и дальновидным. Легализация цифровых валют в России может стать противодействием санкций в расчетно-платежной сфере, а также альтернативой иностранной валюты при расчетах с зарубежными поставщиками. Так, замглавы Минэкономразвития Дмитрий Вольвач 29.03.2022 г. заявил, что цифровые валюты и криптовалюта сегодня уже достаточно

¹ Автор настоящей статьи будет рассматривать термины «цифровая валюта» и «криптовалюта» как синонимичные.

активно используются в расчетах, и гипотетическая идея их использования на международном уровне требует очень серьезного анализа [10]. Действительно, криптовалюты, построенные на децентрализованной технологии блокчейн, нельзя заблокировать, и они могут быть использованы для расчетов как внутри страны, так и за ее пределами.

Какова же сегодня ситуация с оборотом цифровых валют в России? Она продемонстрирована в табл. 1.

Таблица 1

Операции с криптовалютами в Российской Федерации

Операция в России	Легитимность /наличие в России	Комментарий
Иметь в собственности, подарить, передать по наследству	НЕ регулируется, но и не запрещено	По ГК РФ, цифровые валюты представляют собой объект гражданских прав
Обменять криптовалюту на рубли в кредитных организациях и наоборот	Запрещено	Кредитные организации обладают исключительной правоспособностью, т.е. вправе заниматься только теми видами деятельности, которые указаны в законе, а такой вид деятельности за ними в законе не закреплён
Купить (продать) криптовалюту у частных лиц	НЕ регулируется, но и не запрещено	Теоретически криптовалюта в России является товаром, а значит ее можно приобрести (продать)
Купить (продать) криптовалюту на российской бирже	НЕ регулируется, но и не запрещено; на биржах России такой товар не торгуется ввиду отсутствия технической возможности [14]	- " -
Организации - криптообменники и криптобиржи	НЕ регулируется, но и не запрещено, не существуют	- " -
Обменять один вид цифровой валюты на другой	НЕ регулируется, но и не запрещено, не существуют	- " -
Расплатиться криптовалютой за товары, работы и услуги	Запрещено	Ст. 14 ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте ...»)
Создание новых разновидностей цифровых валют	НЕ регулируется, но и не запрещено	
Криптовалюта не является законным платежным средством, денежной единицей Российской Федерации		

Как следует из табл. 1, в Российской Федерации отсутствует инфраструктура рынка криптовалют, впрочем, как и ее юридическое обеспечение. Существуют явные пробелы правового регулирования. На нормативном уровне также не отработаны вопросы публичного управления данной сферой. На настоящий момент ни у одного органа государственной власти не закреплены в полномочиях функции по регулированию и контролю выпуска и обращения рассматриваемых цифровых активов. Правовой режим цифровых валют на сегодня установлен небольшой по объему ст. 14 Федерального закона от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Из нее можно почерпнуть два значимых положения: цифровые валюты не могут использоваться налоговыми резидентами в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, работы, услуги; выпуск и обращение цифровых валют в Российской Федерации регулируются федеральными законами. Таких законов пока нет. В Гражданском кодексе Российской Федерации упоминание о цифровых валютах (криптовалютах) отсутствует. Соответственно, в российском законодательстве сделаны первые шаги к полной легализации нового цифрового объекта.

После небольшой паузы, 9 февраля 2022 г. Правительством Российской Федерации была представлена Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют (далее – Концепция цифровых валют)¹. Данная Концепция не имеет формы нормативного правового акта, однако в ней очерчены направления политики государства в отношении криптовалют, а также модель будущего правового регулирования их выпуска и оборота в России. Из этого документа следует, что рынку криптовалют в России быть, однако при существенном (можно сказать агрессивном) административном вмешательстве. Прокомментируем элементы Концепции цифровых валют.

Во-первых, приобретение и отчуждение цифровых валют в Российской Федерации планируется **только** через уполномоченных государством посредников, т.н. «операторов обмена цифровых валют». В роли таковых смогут выступать российские организации разных видов, преимущественно финансовой направленности, а именно кредитные и страховые организации, ломбарды, профучастники рынка ценных бумаг и

¹ Официальный сайт Правительства Российской Федерации // <http://government.ru/news/44519/> дата обращения: 28.02.2022.

некоторые другие. Все они должны будут получить лицензию (разрешение) у финансового регулятора. Во-вторых, предусмотрена обязательная предварительная идентификация личности потенциального приобретателя криптовалют. При этом данную функцию будут выполнять специально уполномоченные кредитные организации, которые в Концепции получили название «организаторы системы обмена цифровых валют» (далее организаторы обмена). В их функционал должны входить идентификация и банковское обслуживание криптоинвесторов, осуществление контроля за отмыванием доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма. Их деятельность также будет сопровождаться лицензированием. По мнению автора, обозначение таких субъектов термином «организаторы системы обмена» не соответствует их полномочиям. Исходя из Концепции, никакой системы обмена здесь не образуется, кроме того, к обмену они имеют только косвенное отношение и его организацией не занимаются. В-третьих, все сделки с цифровой валютой подлежат предварительному согласованию с организатором обмена. Так, оператор обмена, получив распоряжение клиента о намерении совершить сделку с криптомонетами, обязан направить данную информацию организатору обмена и дождаться его одобрения. Данная процедура очевидным образом будет тормозить совершение криптовалютных операций. В-четвертых, все сделки с криптовалютой учитываются в системах организаторов обмена. Так, на каждую сделку в информационной системе должна формироваться запись с указанием данных о ее сумме и номере криптовалютного кошелька. Таким образом все операции с цифровой валютой будут прозрачны и подконтрольны государству. Для осуществления контроля на рынке криптоактивов согласно Концепции цифровых валют предполагается задействовать целый конгломерат федеральных ведомств, а именно Министерство финансов Российской Федерации, Федеральную службу по финансовому мониторингу России, Федеральную налоговую службу России, Министерство цифрового развития, связи и коммуникаций Российской Федерации, Генеральную прокуратуру и Центральный банк Российской Федерации. Круг контрольных органов, на наш взгляд, чрезмерно широк. Вместе с тем, о государственных органах криптовалютного *регулирования* в Концепции цифровых валют не сказано.

Макет будущего взаимодействия участников криптовалютного рынка

Макет взаимодействия инвесторов, операторов обмена цифровых валют и организаторов системы обмена цифровых валют предусмотрен следующий. На первой стадии (1) потенциальный инвестор должен обратиться к организатору системы обмена цифровых валют для открытия банковского счета и раскрытия своей личности. Далее инвестор уже может (2) взаимодействовать с оператором обмена для того, чтобы купить, продать, подарить и т.д. цифровую валюту. У оператора обмена инвестор также проходит идентификацию и (3) открывает криптовалютный кошелек на свое имя. Кошелек представляет собой два электронных кода – открытый (т.н. публичный ключ), видный всем пользователям. На этот код будут зачисляться (списываться) цифровые монеты и закрытый (т.н. закрытый ключ, аналог пароля), с помощью которого клиент санкционирует свои криптовалютные операции. По всей видимости, оба эти ключа будут храниться у оператора обмена, поскольку без последнего инвесторы не смогут совершить криптосделку. А вместо них, клиент получит некое их подобие – логин и пароль от оператора обмена. После соблюдения всех названных формальностей клиент сможет (4) давать распоряжения оператору обмена об осуществлении криптовалютной операции. После получения такого распоряжения, оператор обмена обязан будет (5) направить его организатору системы обмена цифровой валюты для одобрения. Организатор, в свою очередь, (6) проводит проверку планируемой операции, как указано в Концепции, на предмет возможной связи с незаконной деятельностью по отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма. Предположительно, данная проверка будет занимать определенное время. Если провести параллель с валютными отношениями, то уполномоченные банки вправе осуществлять предварительный контроль валютных платежей по внешнеторговым контрактам *от одного до десяти* рабочих дней¹. Далее организатор системы обмена (7) направляет оператору обмена подтверждение (либо отказ) в совершении криптовалютной операции. После чего, оператор обмена цифровых валют (8)

¹ Инструкция Банка России от 16.08.2017 г. № 181-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления» // Вестник Банка России. 2017. № 96–97.

выполняет поручение клиента. Однако денежные средства клиента находятся на его банковском счете, открытом у организатора системы обмена. Поэтому оператор обмена должен иметь доступ к средствам клиента на банковском счете организатора и (9) направить последнему распоряжение о списании (зачислении) денежных средств на банковский счет от проведения сделки. Полагаем, что для обслуживания столь сложной схемы расчетов потребуется клиринг. Однако об участии клиринговых организаций в криптовалютных отношениях в Концепции не упоминается. Следующей процедурой является (10) уведомление организатора системы обмена о проведенной криптовалютной операции. Последний обязан (11) вести учет сведений о всех криптовалютных операциях своих клиентов.

Некоторые недостатки предлагаемой Правительством РФ модели правовой регуляции обращения цифровых валют видны даже обывателю. Например, несомненно, что процесс приобретения криптовалют в исполнении Правительства РФ может затянуться, что в век технологий и прогресса неприемлемо. По подсчетам автора, период покупки криптовалюты может составить до 14 дней. Для сравнения значительно меньший срок сегодня понадобится для приобретения иностранной валюты либо ценных бумаг даже с участием биржи. Также очевидно, что данная модель является финансово затратной. Так, у кредитных организаций возникнут расходы на исполнение публичных обязанностей по осуществлению криптовалютного контроля. Скорее всего, по аналогии с валютным контролем, данное полномочие будет оплачиваться клиентами. К примеру, за осуществление проверок при валютных операциях, клиенты платят комиссию в размере от 0,15 до 15 % от суммы сделки¹. Операторы обмена цифровых валют также будут взимать с клиентов определенную плату за обслуживание. Она может составить от 0 до 1 % от суммы сделки (если сравнить с комиссиями иностранных криптобирж²). Таким образом, кроме комиссии за подтверждение транзакции в системе распределенного реестра, отчисляемой майнерам, клиенты российской системы обмена цифровых валют будут нести дополнительные расходы.

¹ Приведены примеры тарифов ПАО «Сбербанк», а также АО «Тинькофф Банк» См. Определение ВАС РФ от 26.10.2011 по делу № А39-3331/2010; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.03.2020 по делу № А40-246873/2019.

² Комиссионные проценты на криптовалютных биржах: основные варианты взимаемых сборов. 31.03.2022г. Инфопортал profinvestment // <https://profinvestment.com/crypto-fees/> дата обращения: 31.03.2022.

Справедливости ради, заметим, что комиссию за транзакции взимают все мировые биржи и криптообменники. Тем не менее, двухуровневое обслуживание операций с цифровыми активами автору в международной практике, которую он тщательно анализировал, не встречался. Поэтому третьим, лежащим на поверхности замечанием, является нецелесообразность введения столь громоздкого многостадийного и многосубъектного процесса взаимодействия участников криптовалютных отношений по поводу оборота цифровых валют.

Кроме огрехов правового регулирования, можно выделить и пробелы, что неудивительно. Российская Концепция цифровых валют занимает девять страниц текста А4. Для сравнения, проект Регламента Европейского союза от 24.09.2020 г., по регулированию рынка криптоактивов размещен на 168 листах [7]. Видимо небольшим объемом Концепции можно объяснить тот факт, что за ее рамками остались вопросы правового обеспечения майнинга криптовалюты и правового статуса самих майнеров. Между тем они не только вырабатывают новые криптовалюты, но и подтверждают сделки с цифровыми валютами в системе распределенного реестра, получая за это вознаграждение. Также не освещен Концепцией цифровых валют порядок создания новых цифровых валют. Так, неясно, должен ли выпуск новых цифровых валют проходить какую-либо регистрацию, равно как непонятно, должны ли их эмитенты раскрывать информацию о свойствах новых цифровых инструментах. Между тем полная информация о характеристике цифровой валюты позволяет инвесторам принять правильное решение о ее покупке. В Соединенных Штатах Америки, например, любые новые разновидности криптовалют, признаваемые ценными бумагами¹, должны быть зарегистрированы в американской Комиссии по ценным бумагам и биржам [4]. Кроме того, Концепция цифровых валют не ставит регуляцию оборота криптоактивов в зависимость от их вида. Между тем в мире на настоящий момент обращается порядка 13 тыс. разновидностей криптовалют, обладающих разными, в том числе утилитарными, характеристиками [13].

В табл. 2 представлены некоторые примеры зарубежной регуляции криптоактивов. Кроме данных, обобщенных в таблице, отметим, что во всех приведенных странах возможна купля-продажа криптовалюты между частными субъектами. В то время, как в российской модели регуляции цифровых валют данная операция запрещена.

¹ Большинство видов цифровых валют приравниваются к ценным бумагам в США.

Таблица 2

Некоторые особенности правового регулирования выпуска и обращения цифровых валют за рубежом

Страна	Лицензирование криптовалютной деятельности	Кто осуществляет контроль за ОД и ФТ	Идентификация клиента	Особенности
Россия	Да, предполагается	Специальные организации – посредники (банки)	Планируется независимо от суммы	Двухуровневая система
Австралия	Провайдеры криптоуслуг регистрируются в Австралийском центре отчетов и анализа транзакций (AUSTRAC)	Провайдеры криптоуслуг	Проводится провайдерами в отношении своих клиентов независимо от суммы При сделках на сумму от 10 000 австр. долларов отчет о сделке подается в AUSTRAC	Запрещен оборот криптовалюты, в программном коде которой предусмотрены только анонимные владельцы[6]
США	Провайдеры криптоуслуг регистрируются в агентстве по борьбе с финансовыми преступлениями (FinCEN)	Провайдеры криптоуслуг	Проводится провайдерами в отношении своих клиентов независимо от суммы Планируется: идентификация владельца криптовалютного кошелька-не клиента провайдеров при сделках на сумму 3000 долларов США, от 10 000 отчет о сделке подается в FinCEN [8]	Детальное регулирование осуществляется на уровне штатов. При этом разные штаты регулируют по-разному. От полного запрета до полной либерализации[3]
Эстония	Провайдеры криптоуслуг регистрируются в Службе финансовой разведки	Провайдеры криптоуслуг	Проводится провайдерами в отношении своих клиентов независимо от суммы	Выдается 2 лицензии – на обмен криптовалютой и на открытие криптовалютных кошельков [3]

Япония	Да, провайдеры криптоуслуг регистрируются в Агентстве финансовых услуг	Провайдеры криптоуслуг	Проводится провайдерами в отношении своих клиентов независимо от суммы	Активное участие в регулировании принимают две СРО криптопровайдеров Японии. Все провайдеры состоят в СРО [2]
--------	--	------------------------	--	---

Следует отметить, что в табл. 2 показан наиболее успешный опыт в регулировании криптовалютной деятельности. Тем не менее, анализ регуляторной практики многих стран показывает тенденцию к интенсивной регуляции крипторынка.

Выводы

Россия, как и большинство стран, только начинает свой путь к управлению выпуском и обращением цифровых валют. Российский проект модели цифровых валют на настоящий момент далек от совершенства. Он отличается сложным, двуступенчатым порядком совершения криптовалютных транзакций. Процесс приобретения цифровых валют при утверждении данной модели будет сопровождаться большими временными и финансовыми потерями. В апреле 2022 г. Министерством финансов Российской Федерации внесен в Правительство Российской Федерации откорректированный законопроект «О цифровой валюте» [16]. Надеемся, что в процессе его обсуждения выявленные недостатки Концепции регламентирования цифровых валют будут устранены, а формирующееся криптовалютное законодательство России вберет в себя лучший зарубежный опыт, а также предложения представителей российской науки и практики.

Список литературы

1. Countries which have banned or restricted use of cryptocurrency. 27.01.2022 г. // <https://economictimes.indiatimes.com/news/web-stories/countries-which-have-banned-or-restricted-use-of-cryptocurrency/slideshow/89153960.cms> (дата обращения: 28.03.2022).
2. Crypto Travel Rule in Japan by The Financial Services Agency // <https://notabene.id/world/japan#:~:text=Is%20cryptocurrency%20legal%20in%20Japan,owning%20and%20investing%20in%20cryptocurrencies> (дата обращения: 5.04.2022).

3. Cryptocurrency Regulations Around The World. <https://complyadvantage.com/insights/cryptocurrency-regulations-around-world/#:~:text=Cryptocurrency%20exchanges%20are%20legal%20in,submit%20reports%20to%20the%20authorities> (дата обращения: 05.04.2022).
4. Dewey Joe. Blockchain and cryptocurrency laws and regulation 2022. USA // <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/blockchain-laws-and-regulations/usa> (дата обращения: 5.04.2022).
5. Nagase T., Tanaka T., Fukui T. NBlockchain and cryptocurrency laws and regulation 2022. Japan // <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/blockchain-laws-and-regulations/japan> (дата обращения: 5.04.2022).
6. New Australian laws to regulate cryptocurrency providers // Официальный сайт Австралийского центра отчетов и анализа транзакций // <https://www.austrac.gov.au/new-australian-laws-regulate-cryptocurrency-providers> (дата обращения: 05.04.2022).
7. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937 // Сайт законодательства ЕС. Euro-Lex <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020PC0593/> (дата обращения: 16.03.2022).
8. Битва крипторегуляторов: FATF vs FinCEN. 4.02.2022 г. <https://hub.forklog.com/bitva-kriptoregulyatorov-fatf-vs-fincen/> (дата обращения: 05.04.2022).
9. Богатырев Т. В Госдуме оценили инвестиции россиян в криптовалюту в 5 трлн рублей. Агентство Forbs // <https://www.forbes.ru/finansy/450371-v-gosdume-ocenili-investicii-rossian-v-kriptoalutu-v-5-trln-rublej> (дата обращения: 28.03.2022).
10. В Минэкономразвития оценили идею международных расчетов в криптовалюте. 29.03.2022. Агентство Лента.ру // <https://lenta.ru/news/2022/03/29/pk2/> (дата обращения: 29.03.2022).
11. Восток – дело тонкое: криптовалюты в Японии. 28.01.2018 г. Сайт Coinspot // <https://coinspot.io/law/asia-and-africa/vostok-delo-tonkoe-kriptoalutyu-v-yaponii> (дата обращения: 28.03.2022).
12. Дарбинян С. В каких странах разрешена криптовалюта и Биткоин. 26.10.2021. Сайт Crypto.ru // <https://crypto.ru/v-kakih-stranah-razreshena-kriptoalutyu/> (дата обращения: 28.03.2022).
13. Демьяненко В., Кувшинова О. Регулирование криптовалюты: мировой опыт. 18.02.2022 г. // <https://econs.online/articles/techno/regulirovanie-kriptoalutyu-mirovoy-opyt/> (дата обращения: 5.04.2022).
14. Как приобрести криптовалюту на Московской бирже? Инфо порта Энциклопедия криптовалют. 9.05.2021 г. // <https://wikidengi.ru/kriptoalutyu/> (дата обращения: 31.03.2022).
15. Комиссионные проценты на криптовалютных биржах: основные варианты взимаемых сборов. 31.03.2022г. Инфоportal profinvestment // <https://profinvestment.com/crypto-fees/> (дата обращения: 31.03.2022).
16. Минфин России доработал законопроект о регулировании цифровых валют. 8.04.2022 г. // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37855 (дата обращения: 8.04.2022).

17. Морошкина А. Криптозима, NFT и копитрейдинг: что ждет рынок криптовалют в 2022 году. 25.03.2022 г. Агентство РБК // <https://trends.rbc.ru/trends/industry/623b9e0a9a7947851dc3eedahttps://trends.rbc.ru/trends/industry/623b9e0a9a7947851dc3eeda> (дата обращения: 30.03.2022).

References

1. Countries which have banned or restricted use of cryptocurrency (27.01.2022). // <https://economictimes.indiatimes.com/news/web-stories/countries-which-have-banned-or-restricted-use-of-cryptocurrency/slideshow/89153960.cms> Accessed at 28.03.2022

2. Crypto Travel Rule in Japan by The Financial Services Agency (2022). // <https://notabene.id/world/japan#:~:text=Is%20cryptocurrency%20legal%20in%20Japan,owning%20and%20investing%20in%20cryptocurrencies.> Accessed at 5.04.2022.

3. Cryptocurrency Regulations Around The World (2022). <https://complyadvantage.com/insights/cryptocurrency-regulations-around-world/#:~:text=Cryptocurrency%20exchanges%20are%20legal%20in,submit%20reports%20to%20the%20authorities.> Accessed at 05.04.2022.

4. Dewey, Joe. (2022) Blockchain and cryptocurrency laws and regulation 2022. USA. // <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/blockchain-laws-and-regulations/usa> Accessed at 5.04.2022.

5. Nagase, T., Tanaka, T., Fukui, T. (2022) Blockchain and cryptocurrency laws and regulation 2022. Japan. // <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/blockchain-laws-and-regulations/japan> Accessed at 5.04.2022r.

6. New Australian laws to regulate cryptocurrency providers. // <https://www.austrac.gov.au/new-australian-laws-regulate-cryptocurrency-providers.> Accessed at 05.04.2022.

7. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937. // Euro-Lex <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020PC0593/> Accessed at 16.03.2022.

8. Bitva kriptoreguljatorov: FATF vs FinCEN. [Bitva kriptoreguljatorov: FATF vs FinCEN] (4.02.2022). <https://hub.forklog.com/bitva-kriptoreguljatorov-fatf-vs-fincen/> Accessed at 05.04.2022.

9. Bogatyrev, T. (2022) V Gosdume ocenili investicii rossijan v kriptoaljutu v 5 trln rublej. Agentstvo Forbs. [The State Duma estimated the investments of Russians in cryptocurrency at 5 trillion rubles. Forbes Agency] // <https://www.forbes.ru/finansy/450371-v-gosdume-ocenili-investicii-rossian-v-kriptoaljutu-v-5-trln-rublej> Accessed at 28.03.2022.

10. V Minjekonomrazvitija ocenili ideju mezhdunarodnyh raschetov v kriptoaljute. (29.03.2022). Agentstvo Lenta.ru. [The Ministry of Economic Development appreciated the idea of international payments in cryptocurrency] // <https://lenta.ru/news/2022/03/29/pk2/> Accessed at 29.03.2022.

11. Vostok – delo tonkoe: kriptoaljutu v Japonii. (28.01.2018). Sajt Soinspot. [East is a delicate matter: cryptocurrencies in Japan] // <https://coinspot.io/law/asia-and-africa/vostok-delo-tonkoe-kriptoaljutu-v-yaponii> Accessed at 28.03.2022

12. Darbinjan, S. (26.10.2021) V kakih stranah razreshena kriptovaljuta i Bitcoin. [Darbinjan S. Which countries allow cryptocurrency and Bitcoin] Cypto.ru/// <https://crypto.ru/v-kakih-stranah-razreshena-kriptovaljuta/> Accessed at 28.03.2022

13. Dem'janenko, V., Kuvshinova, O. (2022) Regulirovanie kriptovaljuty: mirovoj opyt. [Cryptocurrency regulation: world experience] 18.02.2022. // <https://econs.online/articles/techno/regulirovanie-kriptovalyuty-mirovoy-opyt/> Accessed at 5.04.2022.

14. Kak priobresti kriptovaljutu na Moskovskoj birzhe? Info portal Jenciklopedija kripto-valjut. (9.05.2021) [How to buy cryptocurrency on the Moscow Exchange? Info portal Encyclopedia of cryptocurrencies]. // <https://wikidengi.ru/kriptovalyuty/> Accessed at 31.03.2022.

15. Komissionnye procenty na kriptovaljutnyh birzhah: osnovnye varianty vzimaemyh sborov. (31.03.2022) [Commission rates on cryptocurrency exchanges: the main options for charging fees]. Инфо портал profinvestment // <https://profinvestment.com/crypto-fees/> Accessed at 31.03.2022.

16. Minfin Rossii dorabotal zakonoproekt o regulirovanii cifrovyyh valjut. (8.04.2022) [The Ministry of Finance of Russia finalized the bill on the regulation of digital currencies]. // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37855 Accessed at 8.04.2022г.

17. Moroshkina, A. (2022) Kriptoizima, NFT i kopitrejding: chto zhdet rynek kripto-valjut v 2022 godu. [Crypto winter, NFT and copy trading: what awaits the cryptocurrency market in 2022] 25.03.2022. Агентство РБК. // <https://trends.rbc.ru/trends/industry/623b9e0a9a7947851dc3eedahttps://trends.rbc.ru/trends/industry/623b9e0a9a7947851dc3eeda> Accessed at 30.03.2022.

Об авторе

Андреева Елена Михайловна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5238-9984, e-mail: Elenaandreeva09@mail.ru

About the author

Elena M. Andreeva, Doc. of Sci. (Jur.), Assistant Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-5238-9984, e-mail: Elenaandreeva09@mail.ru

Поступила в редакцию: 11.05.2022

Received: 11 May 2022

Принята к публикации: 26.05.2022

Accepted: 26 May 2022

Опубликована: 30.06.2022

Published: 30 June 2022

Цифровизация малых и средних предприятий в Российской Федерации: правовое регулирование, тенденции, факторы, механизмы

О. В. Виноградов¹, И. С. Кокорин¹, Е. С. Янковская²

*¹Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

*²Санкт-Петербургский филиал Российской Таможенной Академии,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В вводной части раскрыты особенности сформированной нормативной правовой базы для деятельности в области цифровизации малого и среднего предпринимательства, но это не исключает необходимости дальнейшего совершенствования правовых основ малого и среднего бизнеса. Отмечена недостаточная результативность их практического использования.

В основной части обоснован вывод о недостаточной цифровой зрелости малого и среднего бизнеса. На конкретных статистических данных раскрыты сильные и слабые стороны предприятий с точки зрения их готовности к внедрению цифровых технологий. Выполнено математическое моделирование связи финансовых показателей деятельности малых и средних предприятий. Отмечен недостаточный уровень внедрения цифровых технологий.

В заключении показана слабость институциональной и инфраструктурной базы цифровизации малого и среднего предпринимательства. Подчеркивается наличие некоторых диспропорций в процессах перехода малых и средних предприятий на цифровые технологии.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, цифровизация, цифровая среда, государственная политика, правовое регулирование, цифровая зрелость, индекс цифровизации, математическое моделирование, институциональная основа.

Для цитирования: Виноградов О. В., Кокорин И. С., Янковская Е. С. Цифровизация малых и средних предприятий в Российской Федерации: правовое регулирование, тенденции, факторы, механизмы // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 2 (68). – С. 75–97. DOI 10.35231/18136230_2022_2_75

Digitalization of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation: legal regulation, trends, factors, mechanisms

Oleg V. Vinogradov¹, Igor S. Kokorin¹, Elizaveta S. Yankovskaya²

*¹Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

*²St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The introductory part reveals the features of the formed regulatory legal framework for activities in the field of digitalization of small and medium-sized businesses, but this does not exclude the need for further improvement of the legal framework for small and medium-sized businesses. Insufficient effectiveness of their practical use is noted.

In the main part, the conclusion about the insufficient digital maturity of small and medium-sized businesses is substantiated. Based on specific statistics, the strengths and weaknesses of enterprises in terms of their readiness for the introduction of digital technologies are revealed. Mathematical modeling of the connection between financial performance indicators of small and medium-sized enterprises has been carried out. An insufficient level of introduction of digital technologies was noted.

In conclusion, the weakness of the institutional and infrastructural base for the digitalization of small and medium-sized businesses is shown. The presence of some disproportions in the processes of transition of small and medium-sized enterprises to digital technologies is emphasized.

Key words: small and medium-sized entrepreneurship, digitalization, digital environment, public policy, legal regulation, digital maturity, digitalization index, mathematical modeling, institutional framework.

For citation Vinogradov, O.V., Kokorin, I. S., Yankovskaya, E. S. (2022). Tsifrovizatsiya mal'kikh i srednikh predpriyatiy v Rossiyskoy Federatsii: pravovoye regulirovaniye, tendentsii, faktory, mekhanizmy [Digitalization of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation: legal regulation, trends, factors, mechanisms]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 2 (68). pp. 75–97. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_2_75

Введение

Переход к инновационно-цифровой экономике в современных условиях – потенциально один из главных факторов и источников экономического роста в Российской Федерации. Основные векторы цифровизации официально закреплены в принятой в 2017 г. в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации».

Одним из ключевых, но слабоосвещенных в научной литературе и недостаточно проработанных в правовом аспекте вопросов реализации задач в области развития цифровой экономики является учет специфики данного процесса в различных сегментах экономики страны. В рамках данной статьи рассматриваются особенности цифровизации сферы малого и среднего предпринимательства (МСП).

Значимость такого направления исследования определяется масштабами МСП, на долю которого приходится около 20% производимого в стране ВВП и 27 % от общей численности занятого населения. Не менее актуален вопрос о развитии МСП в связи его влиянием на многие качественные параметры воспроизводственного процесса в стране. Имеются в виду его уникальные функции в структуре факторов социальной стабильности, в обеспечении сбалансированности рынка труда и в системе рыночных отношений в целом. МСП способствует смягчению уровня безработицы, обладает способностью наиболее гибко и оперативно адаптироваться к быстро и непредсказуемо меняющимся условиям внешней среды, обладает высоким потенциалом в области передачи профессиональных знаний, опыта и традиций новым поколениям через институт семьи.

Особенности цифровизации¹ МСП раскрываются в статье в трех основных аспектах: правовые основы и государственная политика в области цифровизации МСП; стартовый потенциал российского МСП в эпоху цифровизации; факторы, механизмы и инструменты цифровизации предприятий МСП.

Вовлеченность предприятий МСП в процесс цифровой трансформации определяется в России двумя слабо сбалансированными между собой условиями. С одной стороны, только при переходе на цифровые технологии современное предприятие может быть конкурентоспособным. С другой стороны, значительная часть предприятий МСП не располагает необходимыми для перехода «на цифру» возможностями. Насколько может быть смягчен этот дисбаланс, зависит от осознанных и согласованных действий как самих предпринимательских структур, так и от действий

¹ Авторы осознанно избегают термина «цифровая трансформация» применительно к МСП, поскольку при современном своем состоянии малые и средние предприятия в подавляющем большинстве объективно не готовы к цифровой трансформации как целостным сквозным цифровым процессам и преобразованию самого бизнес-процесса, а способны пока лишь внедрять отдельные элементы цифровых технологий и осуществлять отдельные цифровые преобразования.

органов государственной власти, призванных формировать государственную политику в отношении МСП и осуществлять его поддержку. Ситуацию осложняют неблагоприятные факторы, связанные с пандемией и особенностями геополитической обстановки в мировом сообществе. Обозначенный выше круг вопросов освещен в последующих трех разделах статьи.

Правовые основы и государственная политика в области цифровизации малого и среднего предпринимательства

В целом для процесса цифровой трансформации, по определению Международного союза электросвязи, «именно законодательные нормы играют решающую роль для цифровой трансформации»¹

Основным нормативным правовым актом, регулирующим комплекс отношений в сфере малого и среднего предпринимательства, является принятый 24.07.2007 г. Федеральный закон № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» с изм. и доп., среди которых последнее – от 13.07.2021 г. Основным содержанием закона является детальная характеристика инфраструктуры, видов и форм государственной поддержки субъектов МСП, определение порядка ведения единого реестра субъектов МСП, правил проведения федерального статистического наблюдения за состоянием и деятельностью субъектов МСП. Принципиально важными являются провозглашенные в Федеральном законе ключевые положения о государственной политике в области развития малого и среднего предпринимательства в России. В п. 1 ст. 6 дано определение этой политики: «совокупность правовых, политических, экономических, социальных, информационных, консультационных, образовательных, организационных и иных мер, ... направленных на обеспечение реализации целей и принципов, установленных настоящим Федеральным законом»².

В числе основных целей государственной политики в области развития МСП Федеральный закон № 209-ФЗ установил создание условий для развития МСП, обеспечение конкурентоспособности субъектов МСП и

¹ Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты. Доклад НИУ ВШЭ. М. 2021. С. 26. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/463148459.pdf>. (дата обращения: 18.01.2022).

² О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ.

благоприятной конкурентной среды, содействие в продвижении их продукции на внутренние и зарубежные рынки. Крайне важны предусмотренные Федеральным законом принципы государственной политики:

- разграничение полномочий и меры ответственности органов власти разных уровней за поддержку и создание благоприятных условий для деятельности субъектов МСП;

- право участия субъектов МСП в формировании относящихся к сфере МСП государственной политики и правового поля,

- равный доступ субъектов МСП к получению государственной поддержки.

В контексте темы данной статьи необходимо отметить, что на фоне тщательной детальной проработки в Федеральном законе № 209-ФЗ основ государственного регулирования сферы развития МСП, в документе полностью отсутствует какое-либо упоминание вопроса о содействии цифровизации МСП. Действительно, к настоящему времени российский малый и средний бизнес в массе своей еще не готов, как будет показано в следующем разделе статьи, к активному комплексному освоению и внедрению информационно-коммуникационных технологий. Следовательно, при подготовке в 2021 г. поправок и дополнений к Федеральному закону № 209-ФЗ было бы преждевременным внесение положений о цифровизации МСП.

Более того, видимо, предполагается, что вопрос о массовой (именно массовой, а не локальной) цифровизации предприятий малого и среднего предпринимательства и к 2030 г. не станет актуальным. К такому заключению приводит тот факт, что принятая в 2016 г. Стратегия развития МСП на период до 2030 г. и соответствующая дорожная карта не содержат положений о цифровизации¹.

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» от 28.07.2017 г. содержит преимущественно положения о создании организационно-технологической, инфраструктурной и институциональной основы для формирования в России экосистемы цифровой экономики. При такой направленности документа в нем не должно быть информации, касающейся субъектов предпринимательской деятельности, и представителей МСП в том числе. Национальная программа

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203.

«Цифровая экономика Российской Федерации» была сформирована в качестве базового инструмента для реализации утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

Стратегия развития информационного общества в России в лаконичной форме определяет весь спектр ключевых составляющих и факторов процесса внедрения информационных и коммуникационных технологий во все сферы общественной жизни. В п. а) ст. 30 Стратегии сказано: «создать российское общесистемное и прикладное программное обеспечение, телекоммуникационное оборудование и пользовательские устройства для широкого использования гражданами, субъектами малого, среднего и крупного предпринимательства, государственными органами и органами местного самоуправления ...». Здесь подчеркивается всеобщность процесса цифровизации и специально перечислены категории субъектов предпринимательской деятельности – малые, средние, крупные. Из этого следует, что все содержащиеся в Стратегии положения в полной мере относятся к субъектам МСП. Перечислим некоторые из них:

- свобода выбора средств получения знаний при работе с информацией;
- законность и разумная достаточность при сборе, накоплении и распространении информации;
- государственная защита интересов пользователей;
- соответствие всех информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и информационной среды требованиям безопасности;
- доступность ИКТ;
- обеспечение интенсификации использования ИКТ;
- понимание и противодействие возникающим рискам (кибератаки, мошенничество с использованием электронных средств, клиптовое мышление и др);
- приоритет национальных интересов и интересов граждан;
- совершенствование нормативно-правового регулирования отношений в цифровом пространстве;
- защита интеллектуальной собственности российских правообладателей;
- поддержка экспорта российских ИКТ;
- развитие электронного взаимодействия участников экономической деятельности.

Особого внимания заслуживает п. д) ст. 41 Стратегии, в котором сказано, что к числу основных задач в области применения ИКТ относится «обеспечение доступности электронных форм коммерческих отношений для предприятий малого и среднего бизнеса». Это является свидетельством повышенного внимания к субъектам МСП, понимания как важности их вовлечения в поток цифровизации, так и ограниченности их возможностей.

Вопросом особой важности является воплощение в жизнь положений и требований нормативных правовых актов о МСП. Но, как отмечают И.В. Бородушко и И.С. Кокорин, эффективность программ поддержки МСП остается низкой, ухудшается отраслевая структура предприятий МСП, и потенциал МСП крайне слабо реализуется [5, с. 141].

Нормативные правовые документы федерального уровня закладывают единую базу государственной политики и государственного регулирования процесса цифровой трансформации. Но качество реализации национальных программ и стратегий цифровизации в значительной мере определяется процессами, протекающими в каждом регионе страны. В начале 2021 г. было дано указание президента РФ о подготовке стратегий цифровой трансформации каждым субъектом РФ. Была разработана и утверждена типовая форма стратегии. Подготовлены рекомендации по ее заполнению. Региональные стратегии должны содержать программы цифровой трансформации ряда приоритетных для региона отраслей на период до 2024 г. К осени 2021 г. все субъекты РФ подготовили стратегии цифровой трансформации с проектами по 10–15 основным отраслям. Лидерами по качеству стратегий оказались Москва, Санкт-Петербург, Московская область, республика Татарстан.

Стратегия цифровой трансформации Санкт-Петербурга дифференцирована по 11 отраслям. Среди них есть отрасли, где широко представлено МСП – туризм, транспорт, физкультура, спорт и др. Таким образом, эти малые и средние предприятия становятся объектом повышенного внимания с точки зрения процессов цифровизации. Программа цифровой трансформации СПб предусматривает внедрение таких информационно-коммуникационных технологий, как искусственный интеллект, нейротехнологии, робототехника, большие данные, промышленный интернет, беспроводная связь, инфраструктура для беспилотного транспорта и др.¹

¹ Стратегия цифровой трансформации регионов России. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1064/>

В Московской области программа цифровой трансформации составлена для десяти отраслей. Планируется создание цифрового портфолио ученика школы. Цифровой помощник учителя будет часть заданий проверять с использованием технологии автоматизированной проверки. Будет создан суперсервис «Поступление в вуз онлайн», к которому к 2024 году будут подключены 85 % вузов.

В Татарстане стратегия содержит программы цифровой трансформации для 15 отраслей. Планируются создание электронного детского сада, разработка цифровых двойников объектов транспортной инфраструктуры. Проект цифровой трансформации государственного управления предусматривает формирование единой CRM системы для инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства. В аграрном секторе Татарстана будут созданы цифровые паспорта животных, единая идентификация крупного рогатого скота.

Стартовый потенциал российского малого и среднего предпринимательства в эпоху цифровизации

Вялотекущий процесс развития малого и среднего предпринимательства в России не соответствует той значительной роли, которую он должен играть в социально-экономической жизни страны. Не удастся достичь заложенных в Стратегии развития МСП темпов роста численности малых и средних предприятий и их вклада в создание ВВП страны.

Традиционный вопрос о реальном месте МСП в воспроизводственном процессе страны или региона ныне дополняется вопросом о роли МСП в процессах цифровой трансформации. Решающее значение при этом имеет уровень цифровой зрелости субъектов малого и среднего предпринимательства.

Ситуация в экономике в целом такова, что пандемия ускорила переход на цифровые технологии, традиционные ИКТ вытесняются новыми цифровыми технологиями, возникла тенденция «слияния цифровой и физической реальности»¹. В мировой практике уже применяются технологии, не распространенные пока в России: геоинформационные

¹ Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты. Доклад НИУ ВШЭ. М. 2021. С. 23. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/463148459.pdf>. (дата обращения: 18.01.2022).

технологии, кибербиологические системы, биометрические системы и др. Происходит сближение фундаментальной науки и прикладных разработок в области цифровизации. Основные «точки роста» в экономике смещаются в направлении высоких технологий и оцифровывания всех бизнес-процессов. Очевидно, что столь сложные процессы и отношения требуют высокой цифровой зрелости, которой пока обладает лишь незначительная доля представителей МСП. Недостаточен также технологический уровень МСП.

Проблема пониженного уровня цифровой зрелости МСП актуальна не только для России, но и для мировой экономики в целом. Всеобщей тенденцией является отставание малых и средних предприятий от крупного бизнеса по темпам перехода на новые цифровые технологии.

В российской практике возникает любопытный парадокс оценок. Банальной истиной уже стало утверждение о том, что в российской экономике низка доля МСП, что это вызывает определенные негативные последствия, что необходимо практиковать меры по расширению сектора МСП. Но в сельском хозяйстве страны ситуация иная – здесь высока доля малых форм хозяйствования (личные подсобные хозяйства и крестьянско-фермерские хозяйства), которые производят 42,3 % сельскохозяйственной продукции в стране. Однако, и эта ситуация оценивается как фактор торможения развития экономики. Неготовность малых форм хозяйствования к внедрению цифровых технологий ведет к отставанию аграрного сектора в области цифровизации, у него самый низкий среди всех отраслей экономики страны индекс цифровизации.

Объективную картину состояния предприятий сферы МСП дают проводимые Росстатом сплошные и выборочные обследования. Деловой климат в сфере малого и среднего предпринимательства оценивается на основе регулярно проводимых опросов мнений. Мониторинг сферы МСП необходим как инструмент информационно-аналитического обеспечения органов государственной власти, общественности и самих предпринимателей по вопросам текущего состояния данного сегмента экономики страны.

Тенденции развития сектора МСП в Российской Федерации можно оценить как стагнацию (табл. 1.) со слабовыраженной вариабельностью.

Таблица 1

Основные показатели развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации за 2015–2020 годы

Годы	Доля МСП в ВВП страны, %	Доля МСП в общей численности занятого населения, %
2015	19,9	28
2016	21,6	26
2017	21,9	27
2018	20,2	27
2019	20,8	26
2020	19,8	27

Для более разносторонней характеристики состояния российского МСП проведено сравнение масштабов МСП в России и отдельных зарубежных странах (табл. 2, 3)¹.

Таблица 2

Доля МСП в экономике России и отдельных стран мира, 2019

Страны	Доля МСП в объеме ВВП, %	Доля МСП в общей численности занятого населения, %
Российская Федерация	21	27
США	56	52
Германия	43	57
Китай	60	83
Япония	55	72
Узбекистан	56	78
Израиль	62	69
ЮАР	42	47

Доля МСП в экономике страны в России в два-три раза ниже, чем в других странах, что объективно обусловлено предысторией становления малого и среднего бизнеса в стране. За период 1917–1991 гг. были физически ликвидированы широко распространенные ранее малые частные формы хозяйствования, оборвался поток передачи опыта и традиций предпринимательства. Из массового общественного сознания ушло представление о предпринимательстве как о достойном виде деятельности. В

¹ Специальный доклад Президенту Российской Федерации «МСП / ПОСТКОВИД. Время для системных решений». URL: <https://ombudsmanbiz.ivanovoobl.ru/upload/medialibrary/de0/МСП%20-%20ПОСТКОВИД.pdf>

90-е гг. в одночасье бывшие советские крупные предприятия либо обрели частных собственников, либо разрушились. Владельцы зарождавшихся примитивных форм мелкого бизнеса не были обеспечены необходимыми знаниями, умениями, ресурсной базой, они нередко становились жертвами бандитизма.

МСП в России имеет лишь 30-летнюю историю, в то время как в остальном мире оно эволюционировало в течение нескольких столетий. Поэтому процесс формирования в России сектора малого и среднего предпринимательства «с нуля», несомненно, надо признать успешным. Такой результат был достигнутым благодаря настойчивости, энергии и таланту обычных граждан – владельцев малого бизнеса, а также благодаря усилиям государства по созданию правовых основ и по реализации мер поддержки малого предпринимательства.

Специфической особенностью России является ограниченность перерастания малого бизнеса в средний бизнес, что иллюстрируется данными табл. 3.

Таблица 3

Структура выручки по категориям компаний малого и среднего предпринимательства в России и Германии, 2019 г., %

	Россия	Германия
Общий объем выручки:	100	100
крупные компании	79	70
средние предприятия	3	13
малые предприятия	18	17

Структура сегмента МСП в России отнюдь не способствует процессу его цифровизации: крайне слабо в нем представлен средний бизнес, доминируют микропредприятия, ограничена «средняя продолжительность жизни» предприятий.

Микропредприятия, численность занятых в которых составляет около 7,5 млн чел., – это, по словам вице-президента Торгово-Промышленной палаты РФ Е. Дыбовой, «тот сегмент экономики, который в большинстве

своем живет сегодняшним днем, не имеет финансовой подушки безопасности и в силу своей высокой загрузки не может планировать развитие на долгосрочную перспективу»¹.

Пандемийный экономический кризис в 2020 г. обострил главные проблемы малого и среднего предпринимательства. К началу 2021 г., в котором экономика постепенно начала восстанавливаться, сектор МСП подошел в состоянии, когда общая кредитная задолженность субъектов МСП достигла 5,8 трлн руб. (к началу 2020 г. было 4,7 трлн руб.). У 2/3 предприятий выручка сократилась более, чем на 30 % и 45 % предприятий вынуждены были сократить фонд оплаты труда.

В табл. 3–6 представлены результаты анализа некоторых финансовых показателей предприятий МСП России за III квартал 2020 г. на основе данных Института экономики роста им. П. А. Столыпина [2].

Таблица 4

Сравнительная характеристика малых и средних предприятий IT-отраслей и МСП иных сфер деятельности за III квартал 2020 года

Группы отраслей	Отрасли	Выручка на 1 предприятие за 3-й кв., млн руб.	Средняя месячная оплата труда на 1 работника, тыс. руб.	Среднее число работников на 1 предприятие, чел.
С максимальным объемом выручки	Финансы, страхование	34,6	36,8	7,2
	Добыча полезных ископаемых	29,2	52,0	33,0
	Энергетика	13,0	30,1	5,6
IT-отрасли	Информация и связь	5,9	48,5	7,0
	Научно-техническая	8,3	42,3	5,9
С минимальным объемом выручки	Гостиницы, общественное питание	2,8	19,9	6,9
	Культура, спорт, досуг	1,8	23,8	3,2
	Образование	0,8	26,5	1,4

¹ Без спроса не вырасти // Российская газета. 02.06.2021. Спецвыпуск № 121(8472). URL: <https://rg.ru/2021/06/02/krizis-obostril-osnovnyye-problemy-malogo-biznesa-v-rossii.html>

В отраслевой структуре предприятий МСП только 3 % приходится на предприятия, деятельность которых непосредственно связана с информационно-коммуникационными технологиями (информация и связь, научно-техническая деятельность). В табл. 4 для оценки состояния предприятий IT-отраслей приведены сравнительные данные по трем отраслям с наибольшим объемом выручки и по трем отраслям с наименьшим объемом выручки. Можно сделать вывод о том, что малые и средние предприятия IT-отраслей являются средними по объемам выручки и по численности занятых на одно предприятие. Но они относятся к отраслям-лидерам по размерам оплаты труда работников, что свидетельствует в пользу расширения круга малых и средних предприятий, осуществляющих свою деятельность в сфере информационных технологий.

Возможность применения предприятиями МСП информационных технологий зависит в значительной мере от качественного уровня их технологической и финансово-хозяйственной базы. Для ее оценки нами был проведен корреляционно-регрессионный анализ степени сбалансированности двух финансовых показателей – темпов роста выручки на одно предприятие и темпов роста фонда оплаты труда на одно предприятие (табл. 5) по данным за III квартал 2020 г.

В 2020 г. третий квартал в сравнении со вторым кварталом был несколько более благоприятным для МСП – смягчились антиковидные меры, бизнес постепенно стал адаптироваться к изменившимся условиям, государство реализовало комплекс мер по поддержке малого бизнеса, увеличивался объем выручки предприятий. При сбалансированной финансово-хозяйственной системе предприятия должна наблюдаться определенная степень согласованности темпов роста выручки и фонда оплаты труда. Но данные табл. 5 не подтверждают наличия таких пропорций¹. Прирост выручки практически не сопровождается повышением

¹ Значения коэффициента регрессии показывают, что на один процент прироста выручки приходится не более 0,5 процента прироста фонда оплаты труда. Коэффициенты корреляции показывают крайне слабую или умеренную тесноту связи. Коэффициент детерминации показывает, что на долю влияния динамики выручки приходится не более 19% от общего влияния всех факторов на динамику фонда оплаты труда. Коэффициент аппроксимации и критерий Фишера отрицают надежность построенной модели связи.

фонда оплаты труда¹. Кадровая политика на малых и средних предприятиях не коррелирует с результативностью их деятельности. Видимо, научные основы менеджмента пока не вошли в повседневную практику МСП. Тем более, нет оснований ожидать, что малое предпринимательство в массе своей хотя бы приблизилось к состоянию цифровой зрелости, то есть к готовности внедрять цифровые технологии.

Таблица 5

*Индикаторы связи между ростом выручки и ростом фонда оплаты труда на малых и средних предприятиях по четырем группам субъектов РФ, 2020 г.**

Индикаторы	1	2	3	4
Уравнение регрессии	$y=95+0,08x$	$y=39+0,62x$	$y=102+0,03x$	$y=52+0,48x$
Парный коэфф. корреляции	0,24	0,34	0,03	0,44
Коэфф. детерминации	0,058	0,117	0,001	0,190
Коэфф. аппроксимации	92	258	387	275
Критерий Фишера	1,1	2,8	4,5	4,0

Примечание: 1 – регионы с числом предприятий МСП от 67 тыс. до 300 тыс. (20 субъектов РФ);
2 – регионы с числом предприятий МСП от 40 тыс. до 67 тыс. (23 субъекта РФ);
3 – регионы с числом предприятий МСП до 40 тыс. (19 субъектов РФ);
4 – регионы с числом предприятий МСП до 40 тыс. и низкими показателями развития (19 субъектов РФ).

Приведенные в табл. 6 характеристики разных категорий предприятий МСП также подтверждают ограниченную возможность цифровой трансформации данного сектора экономики России. Микропредприятия крайне маломощны, чтобы эффективно осваивать и внедрять информационные технологии. Средние предприятия обладают достаточным потенциалом, но их доля в экономике страны незначительна, как было показано в табл. 3.

¹ Фонд оплаты труда определяется численностью персонала и размером заработной платы работников.

* Моделирование связи выполнено на основе данных института экономики роста. Не включены в модель три субъекта РФ (Москва, СПб, Московская область) с числом предприятий МСП более 300 тысяч.

Таблица 6

Основные характеристики малого и среднего предпринимательства за III квартал 2020 г.

Показатели	Микропред- приятия	Малые предприятия	Средние предприятия
Выручка на 1 предприятие, млн руб.	4,3	47,4	220,7
Рост выручки на 1 предприятие, % ко второму кварталу	105,1	105,6	107,8
Средняя месячная оплата труда, тыс. руб.	27,9	37,5	39,3
Рост средней месячной оплаты труда, % ко второму кварталу	101,9	103,0	104,1
Среднее число работников на 1 предприятие, человек	3,2	37,1	153,8
Роста числа работников, % ко второму кварталу	99,1	101,0	100,5

Таким образом, сектор МСП в целом пока слабо подготовлен к цифровой трансформации. Но этот сектор неоднороден, в его структуре представлена группа предприятий, основной деятельностью которых являются цифровые технологии. Среди предприятий МСП разных направлений производственной деятельности имеются более продвинутые хозяйствующие субъекты, способные внедрять элементы цифровых технологий уже в настоящее время и уже реализующие IT-проекты.

Объективную оценку степени готовности МСП к внедрению цифровых технологий и уже достигнутый уровень цифровизации МСП могут дать материалы соответствующего статистического учета и анализа. Примером успешности такого анализа могут служить страны ЕС. Понимание процессов, происходящих в области цифровизации МСП в европейских странах, достигается благодаря построению индекса цифровизации МСП, состоящего из пяти субиндексов – электронный обмен информацией, радиочастотная идентификация, социальные сети, электронные счета и облачные решения. Например, в 2016 г. странами-лидерами по уровню цифровизации МСП являлись Ирландия, Дания, Швеция, Бельгия [9].

В России с 2019 г. центры «Сколково» и «Нафи» несколько раз в год проводят опросы и определяют индекс цифровизации малого и среднего бизнеса, компонентами которого являются:

- 1) использование электронных каналов передачи и хранения информации;
- 2) интеграция цифровых технологий;
- 3) применение интернет-инструментов;
- 4) уровень информационной безопасности;
- 5) человеческий капитал – цифровое обучение [13].

В сравнении с европейским алгоритмом индекса цифровизации, российская модель является более информативной.

Сводный индекс цифровизации МСП составил в первом квартале 2021 г. 51 % (в первом квартале 2019 г. он был равен 34 %). Самое низкое значение имел второй частный индекс, что свидетельствует об отсутствии комплексности, необходимой для цифровой трансформации бизнеса. Следующим слабым звеном процесса цифровизации МСП является низкая готовность персонала к освоению цифровых технологий. В целом можно констатировать, что в области цифровизации МСП «процесс пошел». Но затруднительно оценить действительный уровень цифровизации МСП из-за недоступности информации о способах регистрации каждого компонента индекса.

Как отмечает И. В. Бородушко, цифровизация предприятий имеет два вектора (что исследователи обычно оставляют без внимания) – направленность на производственно-технологические процессы и на управленческую сферу [3; 4]. В российской практике, и в МСП в особенности, преобладает второй вектор. Такая неравномерность процесса существенно снижает его эффективность.

Более детальное раскрытие тенденций цифровизации МСП может быть достигнуто при анализе материалов по конкретной сфере деятельности малого и среднего бизнеса. Результаты подобного исследования представлены в статье К.А. Райтер, по вопросам цифровизации строительных МСП. Выводы автора: низкая осведомленность о цифровых технологиях, отсутствие стратегий цифровизации предприятий, низкая цифровая грамотность, рост объемов онлайн коммуникаций, консерватизм в оценках перспектив цифровизации, наличие реального эффекта от цифровизации бизнес-процессов [10]. Такие результаты свидетельствуют

о наличии определенных предпосылок для цифровизации, но процесс затруднен несогласованностью направленности частных параметров.

Рассмотренная в данном разделе информация приводит к заключению о том, что в целом цифровизация МСП в России – неоднозначный процесс, протекающий достаточно медленно и охватывающий ограниченный круг малых и средних предприятий.

Факторы, механизмы и инструменты цифровизации предприятий малого и среднего бизнеса

Чтобы ускорить процесс цифровизации МСП, государство разрабатывает и реализует специальные меры. Так, одобренный на заседании правительства 23.09.2020 г. общенациональный план действий по восстановлению экономики содержит раздел «Поддержка и развитие индивидуального, малого и среднего предпринимательства». В нем сформулирована задача: «создание экосистемы для комфортной работы и развития субъектов МСП, в том числе на базе цифровой платформы ...». Раздел плана о цифровизации МСП содержит указания на создание института цифровой репутации, на «обеспечение возможности обмена данными между субъектами МСП и банками в электронной форме ...»¹.

Значительные перспективы открывает перед малым бизнесом проводимый в настоящее время конкурс на предоставление субсидий за приобретение предприятиями программного обеспечения². Предприятиям, выигравшим конкурс, будут компенсироваться 50 % стоимости приобретенного программного обеспечения. Заявки на участие принимались с 28.09.2021 по 10.12.2021 г. Срок действия проекта – до 2024 г., суммарный размер субсидий 7 млрд руб. Заслуживает внимания перечень видов программного обеспечения, под которые будут предоставляться субсидии. Среди них представлены как обычные программы (хранения данных, управление базами данных, средства электронного документооборота), так и новейшие высокотехнологичные разработки – средства управления

¹ Общенациональный план действий, обеспечивающий восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике. Одобрен Правительством РФ 23.09.2020 г., протокол № 36. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333667/.

² Об утверждении Правил предоставления субсидий из Федерального бюджета Российскому фонду развития информационных технологий на возмещение затрат по использованию субъектами МСП российского программного обеспечения: постановление Правительства РФ от 28.06.2021 г. № 1031. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107010005>.

диалоговыми роботами, управления жизненным циклом изделия, интеллектуальные средства управления экспертной деятельностью, средства автоматизированного проектирования и др.

Цифровизация предприятий МСП – это один из важнейших компонентов процесса их развития. Для обеспечения развития МСП по указу президента РФ в 2015 г. была создана федеральная корпорация – АО «Корпорация МСП». Основными ее задачами как института развития являются: организация мер поддержки предприятий МСП, формирование инфраструктуры, обеспечивающей им доступ к финансовым, имущественным, информационным и другим ресурсам.

Но, как показала проведенная в 2020 г. Счетной палатой РФ комплексная проверка, Корпорация МСП в качестве института развития в сфере МСП оказала незначительное влияние на развитие малого и среднего предпринимательства. Счетная палата пришла к выводу об отсутствии у Корпорации заинтересованности в достижении стратегических целей развития МСП. Корпорация преднамеренно устанавливала в программах своей деятельности легкодостижимые результаты. Но впечатляющих результатов достигла Корпорация в заботе о своих сотрудниках – «среднемесячная зарплата членов правления Корпорации составила в проверяемом периоде 2018–2020 гг. около 3,3 млн рублей. «Средняя месячная зарплата работников (без учета членов правления) составила около 380 тыс. рублей», что вдвое превышает данный показатель в самых высокооплачиваемых группах работников (финансы и страхование) в Москве¹.

Вопрос о цифровизации МСП в различных его аспектах постепенно начинает привлекать внимание ученых. Материалы исследования, проведенного А. А. Шпилевой, показали, что для предприятий малого и среднего предпринимательства приоритетными задачами в области цифровизации бизнес-процессов являются: ее ускорение, цифровизация продаж и нахождение цифровых партнеров для более успешного выхода на внутренние и внешние рынки [12]. Основные трудности на пути цифровизации для МСП связаны, по мнению А.А. Шпилевой, с проблемами

¹ Отчет о результатах второго этапа контрольного мероприятия «Проверка эффективности деятельности АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства». Счетная палата. С. 4. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/7a1/smjjwo88mnis7dsqit49cg1omzgnmq5d.pdf>.

обеспечения высококвалифицированными сотрудниками и информационными ресурсами. Преимущества, получаемые МСП благодаря цифровизации бизнес-процессов Шпилева видит в том, что цифровизация повысит эффективность деятельности, которая, в свою очередь, будет способствовать расширению производства, переходу малого бизнеса в средний.

По мнению О. В. Кожевиной, одним из важнейших результатов цифровизации предприятий МСП является повышение их инвестиционной привлекательности [8]. Мнения о приоритетной значимости кадров специалистов, компетентных в вопросах ИКТ, при цифровизации МСП придерживается Зайцева А.С. [7]. По мнению М. А. Абдулкадыровой, «цифровизация и разумное использование ИКТ являются решающими факторами успешных инноваций, конкурентоспособности и роста ...» [1].

Рассмотренные выше выводы и соображения авторов сами по себе справедливы и заслуживают внимания. Однако, рассматриваемые автономно, вне общей системы факторов и механизмов цифровизации МСП, они имеют слабый аналитический потенциал.

Продуктивным подходом к исследованию проблем экономической безопасности предприятий МСП является их рассмотрение с позиций цифровой модели развития. Так, И.Г. Борок предлагает применять инструменты цифровизации при использовании методов контроллинга, им разработана система показателей для оценки уровня цифровой безопасности МСП [6].

Заслуживает внимания предложенная Л. Г. Руденко программа создания Единой цифровой платформы государственного управления инфраструктурной поддержкой малого предпринимательства. Её формирование должно сопровождаться обеспечением кибербезопасности и цифровой трансформацией бизнес-процессов. Это потребует непрерывного образования и формирования цифровых компетенций персонала МСП, «создания единых стандартов и форматов предоставления инфраструктурных услуг» [11]. К сожалению, предложение Руденко звучит слишком абстрактно, без уточнения, какие категории предприятий МСП и при каких условиях способны в настоящее время становиться участниками реализации данного проекта.

Заключение

В статье проведена обобщающая и комплексная оценка ситуации в области решения одной из ключевых задач развития малого и среднего предпринимательства – цифровизации деятельности предприятий, включая управленческую сферу и производственный процесс.

Во введении раскрыта актуальность темы исследования и определены его задачи.

В первом разделе показано, что в России сформирована качественная нормативная правовая база для деятельности в области цифровизации МСП, что не исключает необходимости ее дальнейшего совершенствования. Отмечена недостаточная результативность ее практического использования.

Во втором разделе статьи изучен уровень цифровой зрелости МСП, который следует признать недостаточным. На конкретных статистических данных и математической модели связи показано, что по ряду параметров уровень готовности предприятий к переходу на цифровые технологии явно недостаточен. Остаются ограниченными достигнутые масштабы цифровизации МСП.

В третьем разделе статьи рассмотрены факторы и механизмы цифровизации МСП. Выявлена слабость институциональной и инфраструктурной базы цифровизации МСП, подчеркивается наличие некоторых диспропорций в процессе перехода малых и средних предприятий на цифровые технологии.

Список литературы

1. Абдулкадырова М. А. Цифровизация как механизм повышения конкурентоспособности субъектов МСП в РФ // Деловой вестник предпринимателя. – 2020. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-kak-mehanizm-povysheniya-konkurentosposobnosti-subektov-msp-v-rf>
2. Алехнович А.О., Анучин Л.Л., Ахиев А.О. Индекс роста малых и средних предприятий – новый инструмент мониторинга состояния сектора малого и среднего предпринимательства в России // Проблемы прогнозирования. – 2021. – №4 (187).
3. Бородушко И. В. Тенденции цифровой трансформации в современной России // Путеводитель предпринимателя. – Т. 14. – № 1. – 2021. – С. 11–20.
4. Бородушко И.В. Исследование проблем национальной безопасности с позиции теории рисков // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2013. – №3 (81). – С. 57–64.

5. Бородушко И.В., Кокорин И.С. Развитие нормативно-правовой базы малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2019. – № 1 (55). – С. 133–144.

6. Борок И.Г. Механизмы обеспечения экономической безопасности предприятий малого и среднего бизнеса в условиях цифровой трансформации: автореф дис. ... канд. экон. наук. Нижний Новгород, 2021. URL: http://diss.vlsu.ru/uploads/media/Dissertacija_Borok_Ilja_Grigorevich.pdf.

7. Зайцева А.С. Влияние цифровых компетенций субъектов малого и среднего предпринимательства на развитие бизнеса // Экономика, предпринимательство, право. – 2021. – Т. 11. – № 2. – С. 312–322.

8. Кожевина О. В. Цифровизация как фактор стимулирования роста сегмента МСП и развития краудэкономики // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-kak-faktor-stimulirovaniya-rosta-segmenta-msp-i-razvitiya-kraudekonomiki>.

9. Малыгина И. Поддержка цифровизации малого и среднего предпринимательства // Наука и инновации. – 2021. – № 2 (216)

10. Райтер К. А. Цифровая трансформация маркетинговых стратегий строительных МСП // Теоретическая и прикладная экономика. – 2021. – № 3. – С. 30–45. URL: https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=36370.

11. Руденко Л. Г. Государственное управление инфраструктурной поддержкой малого предпринимательства: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – М., 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-ekonomicheskij-mehanizm-realizatsii-gosudarstvennogo-upravleniya-infrastrukturnoy-podderzhkoj-malogo-predprinimatelstva>.

12. Шпилёва А. А. Процесс цифровизации в компаниях малого и среднего бизнеса в условиях пандемии // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11. – № 2. – С. 299–312.

13. Шувалова М. Три кита цифровой трансформации субъектов МСП. 17.06.2021 // URL: <https://www.garant.ru/article/1467601/> (дата обращения: 17.01.2022).

References

1. Abdulkady`rova, M. A. (2020) Cifrovizaciya kak mexanizm povu`sheniya konkurentosposobnosti sub`ektov MSP v RF. [Digitalization as a mechanism for increasing the competitiveness of SMEs in the Russian Federation]. *Delovoj vestnik predprinimatel'nykh* – *Entrepreneur's business bulletin*. No 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-kak-mehanizm-povysheniya-konkurentosposobnosti-subektov-msp-v-rf> (In Russian).

2. Alexnovich, A.O., Anuchin, L.L., Axiev, A.O. (2021) Indeks rosta malyx i srednix predpriyatij – novyj instrument monitoringa sostoyaniya sektora malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossii [The growth index of small and medium-sized enterprises is a new tool for monitoring the state of the small and medium-sized business sector in Russia]. *Problemy` prognozirovaniya – Forecasting problems*. No 4 (187). (In Russian).

3. Borodushko, I. V. (2021) Tendencii cifrovoj transformacii v sovremennoj Rossii [Trends of digital transformation in modern Russia]. *Putevoditel` predprinimatel'ya – Entrepreneur's Guide*. Vol. 14. No 1. pp. 11–20. (In Russian).
4. Borodushko, I.V. (2013) Issledovanie problem nacional'noj bezopasnosti s pozicii teorii riskov [Research of national security problems from the perspective of risk theory]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta e`konomiki i finansov – Proceedings of the St. Petersburg University of Economics and Finance*. No 3 (81). pp. 57–64. (In Russian).
5. Borodushko, I.V., Kokorin, I.S. (2019) Razvitie normativno-pravovoj bazy` malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii [Development of the regulatory framework for small and medium-sized businesses in the Russian Federation]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad legal journal*. No 1 (55). pp. 133–144. (In Russian).
6. Borok, I.G. (2021) *Mexanizmy` obespecheniya e`konomicheskoy bezopasnosti predpriyatij malogo i srednego biznesa v usloviyax cifrovoj transformacii* [Mechanisms for ensuring the economic security of small and medium-sized businesses in the context of digital transformation] Avtoref diss. ... k.e`n. Nizhnij Novgorod. URL: http://diss.vlsu.ru/uploads/media/Dissertacija_Borok_Ilja_Grigorevich.pdf. (In Russian).
7. Zajceva, A.S. (2021) Vliyanie cifrovj`x kompetencij sub`ektov malogo i srednego predprinimatel'stva na razvitie biznesa [The impact of digital competencies of small and medium-sized businesses on business development]. *E`konomika, predprinimatel'stvo, pravo – Economics, entrepreneurship, law*. Vol. 11. No 2. pp. 312–322. (In Russian).
8. Kozhevina, O. V. (2021) *Cifrovizacija kak faktor stimulirovaniya rosta segmenta MSP i razvitiya kraude`konomiki* [Digitalization as a factor of stimulating the growth of the SME segment and the development of crowdeconomics]. *Rossiya: tendencii i perspektivy` razvitiya – Russia: trends and development prospects*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-kak-faktor-stimulirovaniya-rosta-segmenta-msp-i-razvitiya-kraud-ekonomiki>. (In Russian).
9. Maly`gina, I. (2021) Podderzhka cifrovizacii malogo i srednego predprinimatel'stva [Support for digitalization of small and medium-sized businesses]. *Nauka i innovacii – Science and innovation*. No 2 (216). (In Russian).
10. Rajter, K. A. (2021) Cifrovaya transformaciya marketingovy`x strategij stroitel'ny`x MSP [Digital transformation of marketing strategies of construction SMEs]. *Teoreticheskaya i prikladnaya e`konomika – Theoretical and Applied Economics*. No 3. pp. 30–45. URL: https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=36370. (In Russian).
11. Rudenko, L. G. (2021) *Gosudarstvennoe upravlenie infrastrukturoj podderzhkoj malogo predprinimatel'stva* [State Administration of infrastructure support for Small Businesses] Avtoref. diss. d. e`. n. Moscow. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-ekonomicheskij-mehanizm-realizatsii-gosudarstvennogo-upravleniya-infrastrukturoj-podderzhkoj-malogo>. (In Russian).
12. Shpilyova, A. A. (2021) Process cifrovizacii v kompaniyax malogo i soednego biznesa v usloviyax pandemii [The process of digitalization in small and medium-sized businesses in a pandemic]. *E`konomika, predprinimatel'stvo i pravo – Economics, business and law*. Vol. 11. No 2. pp. 299–312. (In Russian).

13. Shuvalova, M. (2021) *Tri kita cifrovoj transformacii sub`ektov MSP* [Three pillars of the digital transformation of SMEs] // URL: <https://www.garant.ru/article/1467601/> (In Russian).

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship indivisible.

Об авторах

Виноградов Олег Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: vinogradov1962@mail.ru

Кокорин Игорь Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: only_igor@mail.ru

Янковская Елизавета Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский филиал Российской таможенной академии, e-mail: liza30ys@gmail.com

About the authors

Oleg V. Vinogradov, Cand. Sci. (Law), Assistant Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: vinogradov1962@mail.ru

Igor S. Kokorin, Cand. Sci. (Law), Assistant Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: only_igor@mail.ru

Elizaveta S. Yankovskaya, Cand. Sci. (Econ), Associate Professor, St. Petersburg branch of the Russian customs Academy, e-mail: liza30ys@gmail.com

Поступила в редакцию: 11.05.2022

Received: 11 May 2022

Принята к публикации: 26.05.2022

Accepted: 26 May 2022

Опубликована: 30.06.2022

Published: 30 June 2022

УДК / UDC 347

DOI 10.35231/18136230_2022_2_98

Сравнительно-правовой анализ траста и личного фонда в России

В. В. Косарева

*Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье освещается история развития, современное состояние и перспективы института доверительного управления в России, появление новой формы управления активами – личных фондов. Рассматривается разграничение форм и проблемы, связанные с их использованием.

Автор отмечает, что траст и личный фонд имеют схожую конструкцию, однако траст имеет более широкую направленность, чем личный фонд. В статье проводится анализ двух форм управления. Рассматриваются общее и частное, особенное двух институтов.

На основе проведенного анализа делается вывод о необходимости введения института личного фонда ввиду решения государством глубокой задачи – сохранения активов в рамках российской юрисдикции.

Ключевые слова: траст, личный фонд, доверительное управление, инвестиции, активы.

Для цитирования: Косарева В. В. Сравнительно-правовой анализ траста и личного фонда в России // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 2 (68). – С. 98–111. DOI 10.35231/18136230_2022_2_98

Comparative legal analysis of the trust and personal fund in Russia

Vladislava V. Kosareva

*St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The article is devoted to the history of development, the current state and prospects of trust management in Russia, the emergence of a new form of asset management - personal funds. The differentiation of forms and the problems associated with their use are considered.

The author notes that the trust and the personal fund have a similar design, but the trust has a broader focus than the personal fund. The article analyzes two forms of management. The general and particular, special features of two institutions are considered.

Based on the analysis, the author concludes that it is necessary to introduce the institution of a personal fund in view of the Russian state's solution to the depth of the task of preserving assets within the Russian jurisdiction.

Key words: trust, personal fund, trust management, investments, assets.

For citation Kosareva, V. V. (2022). Sravnitel'no-pravovoy analiz trasta i lichnogo fonda v Rossii [Comparative legal analysis of the trust and personal fund in Russia]. *Leninogradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 2 (68). pp. 98–111. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_2_98

Введение

Любая капиталистическая система знакома с такой формой доверительного управления, как траст. Данный институт известен не только общей правовой системе, но и многим странам, у которых развитие экономических отношений повлекло формирование данного института. В рамках общей правовой модели институт траста применялся в неизменном виде, в то время как страны других систем вводили аналоги института траста, изменяя его под внутригосударственные реалии. Для того чтобы институт доверительного управления можно было совершенствовать и адаптировать под современную систему российского права (континентальную модель), необходимо рассмотреть ключевые аспекты института доверительного управления и впервые введенного в рамках гражданского права института личного фонда.

1. История становления института доверительного управления

Первоначально в российской экономической системе трасты понимались, как тресты. Такая формулировка зародилась исторически в рамках гражданского права, где данная форма управления осуществлялась опекуном в пользу недееспособного лица. Сегодня используется классическая формулировка «trust» (с англ.) – доверять.

В мировой практике существует две модели управления имуществом: англо-американская и континентальная модели [12, с. 448]. Говоря об истории становления института, необходимо отметить, что он существовал и до начала официального закрепления его парламентом Англии. Официальное закрепление произошло после нормандского завоевания в XI–XII вв. и установления на территории Англии системы общего права. Первые положения по трасту можно найти в римском праве, положениях «о наследовании» и исламском институте собственности – «вакфа»

[12, с. 448]. Институт частной собственности имел жесткие рамки. В данный период собственники не могли в полной мере распоряжаться собственным имуществом, в частности передавать его по наследству. Законы Англии ограничивали перечень субъектов, которые могли выступать в качестве собственника земельного участка. Поэтому в целях преодоления сложившейся конструкции был сформирован институт траста. Появление данного института позволяло передавать владение землей за счет и в пользу третьих лиц. Владельца же такой землей стали называть – «даритель недвижимости»¹. Впоследствии институт доверительного управления стал развиваться и применяться не только по отношению к земле, но и по отношению к другому имуществу, собственник, «даритель недвижимости», мог доверить право управления выбранному лицу. В частности, выбранное лицо в качестве нового собственника по договору несло всю ответственность как за неправильные, так и недобросовестные действия, как за несвоевременное выполнение, так и невыполнение своих обязанностей. В ряде случаев новый собственник должен был отвечать своим имуществом (например, перед опекаемым несовершеннолетним лицом). Собственник (даритель недвижимости) по договору передавал право управления собственностью выбранному лицу, а бенефициаром по договору мог быть как даритель недвижимости, так и третье лицо. Лицо, на которого возложили обязанность управления собственностью по договору, стало именоваться «закрепощенный для использования»². Позже в США и ряде других западноевропейских стран, институт траста стал использоваться состоятельными лицами, которые стремились сохранить качество и свойства принадлежащего им имущества (в том числе природных объектов) для передачи права бессрочного управления над активами.

Дальнейшее развитие институт траста получил в XIV в., когда у дарителя недвижимости появилось право предъявлять иск к собственнику по договору (титულльному владельцу). Вильгельм I поручил Лорду Канцлеру слушание петиций по данным вопросам, в последствии Лорд Канцлер

¹ Мартин Дж. Современные фондовые рынки // Современная справедливость. 2012. №19. С. 18.

² Конаглен М. Природа и функции фидуциарной лояльности // Ежеквартальный обзор законодательства. 2005. №121. С. 452.

учредил канцлерский суд¹. В рамках рассмотрения дела титульных владельцев могли обязать исполнить обязательства перед бенефициаром. Практика рассмотрения дел о защите своего права в отношении такого вида собственности привела к появлению концепции права справедливости, независимой от права владения в рамках общего права.

Далее развитие института привело к тому, что право на иск к дарителю недвижимости стало рассматриваться как вещно-правовой интерес. Титульный же владелец получал защиту не только от действий дарителя недвижимости, но и от действий других лиц, которые могли быть заинтересованы в ней, в том числе от лиц, право на имущество к которым перешло безвозмездно. Право бенефициара не могло быть принудительно реализовано, исключением являлся случай, когда право собственности переходило за плату титульному владельцу. В рамках концепции справедливости титульный владелец получил право строить имения в пользу третьих лиц, но не в пользу дарителя недвижимости, имение могло отчуждаться иметь или не иметь привязки к смерти дарителя недвижимости.

Подобные реформы привели к тому, что в конце XIV в. возникло новое понятие «справедливая собственность»². Таким образом, развитие института титульного владения стало основой для института частной собственности и основополагающего принципа – свободы договора. Данные нововведения не нарушали концепции существования модели общего права, существующей на тот момент. Далее в Англии в 1535 г. происходит разделение права собственности. Собственниками признавались: бенефициар – по праву справедливости и титульный владелец, которому доверили право управления собственностью – по общему праву. Теперь в рамках договора собственник передавал имущество новому собственнику в пользу первого, который выступал доверительным собственником конечного бенефициара. Данные положения были закреплены в середине XVI в. и изменили конструкцию траста.

В дальнейшем институт траста стал использоваться не как инструмент ухода от налогов или ограничения свободы завещания, но как инструмент, применяемый в благотворительных целях или в целях ведения предпринимательской деятельности. В середине XVI в. создать юридическое лицо можно было только с позволения высших органов власти, по

¹ Мартин Дж. Современные фондовые рынки // Современная справедливость. 2012. №19. С.49.

² Там же.

специально выданному акту парламента или королевской хартии. Дабы преодолеть данные ограничения собственники – предприниматели стали передавать предприятие в доверительное управление. Передавать предприятие было возможно не только физическим лицам, но и к тому моменту уже существовавшим юридическим лицам. С XVI в. до конца XIX в. единственным актом, который регулировал институт траста, был закон «о благотворительных трастах». Формирование правовой базы происходило из судебных решений, которые формировали судебную практику конструкции модели общего права. В 1893 г. Парламент Великобритании издал закон «О доверительной собственности», далее последовал ряд изменений¹. В 1925 г. принимаются изменения к закону «О доверительной собственности», а в 1961 г. был издан закон «Об инвестиционных трастах»². Сегодня основным актом, регулирующим отношения доверительного управления, является принятый в 2000 г. закон «О доверительной собственности»³. Например, в США институт траста получил широкое распространение в XIX в., крупным монополистическим объединением стала компания «Стандарт Ойл», которая состояла из сорока крупных нефтяных компаний США, последние передали комитету управления Д. Рокфеллера права на управление их собственностью [8, с. 62].

Для российского права проблема институтов доверительного управления особенно актуальна. Опыт внедрения модели англо-американского права позволил разработать институт доверительного управления [7, с. 109]. Однако стремление инвесторов вывести активы за границу, как и вывод активов продолжается, поэтому так важно провести детальный анализ инструментов управления и их недостатков в современной России.

В Российской Федерации используются обе формы оптимизации и управления активами. Только Гражданский кодекс РФ не содержит дефиницию «траст», а именует данную форму управления активами как доверительное управление. В марте 2022 г. появился институт личного фонда, и так как данный инструмент управления активами новый, многие исследователи стали подбирать к нему похожую западную конструкцию. Исследователи стали рассматривать его как форму траста (так как оба

¹ Вайнриб Э. Фидуциарное обязательство // Юридический журнал университета Торонто 1975. №25(1). С. 134.

² Конаглен М. Природа и функции фидуциарной лояльности // Ежеквартальный обзор законодательства. 2005. №121. С. 452.

³ Кривенко О.А. Английский закон о доверительных собственниках // Вестник РУДН. 2007. №5. С. 127.

института предполагают оптимизацию и управление активами). Однако существует ряд ключевых элементов, где траст и личный фонд имеют различия относительно друг друга.

2. Сравнительная характеристика доверительного управления и личного фонда

Итак, доверительное управление (далее – траст) и личный фонд – это инвестиционные инструменты, с помощью которых собственник обеспечивает сохранность своих активов. Нередко данные термины путают и считают одним и тем же, так как они тесно связаны, однако существуют значительные различия между данными инструментами. Здесь необходимо обратить внимание на порядок функционирования и конечного бенефициара, которому прибыль и инвестиции полагаются.

М.И. Мороз, выделяет три вида возникновения траста: устный траст (прямо выраженный), на основе одностороннего акта в форме Декларации о трастах; письменный траст (прямо выраженный), созданный на основе договора (трастового соглашения); возможный траст (намерения прямо не выражены), выражен в рамках Декларации о трастах [9, с. 153].

Траст – это соглашение между двумя субъектами, в соответствии с которым активы собственника передаются доверительному управляющему (например, трастовой компании), которая обязана держать активы и использовать их в интересах третьей стороны (бенефициара).

В зависимости от видов траста у доверительного управляющего возникают рамки, в которых он обязан действовать. В зависимости от вида траста могут устанавливаться различные условия по передаче права собственности. М.И. Мороз, выделяет: благотворительный траст, расточительный траст, дискретный траст, конструктивный траст, семейный траст, результирующий траст, коммерческий траст (бизнес-траст) [10, с. 156–158].

Адаптируя зарубежную практику, доверительный управляющий, в соответствии с гл. 53 Гражданского кодекса РФ¹ обязан заботиться об интересах бенефициара и ставить их превыше собственных, исполнять свои обязательства добросовестно, управлять имуществом, как если бы бенефициаром был он сам. В рамках своей деятельности доверительный

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон № 181 от 18.07.2009 // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994. № 32. Ст. 3304.

управляющий может быть подконтролен контролеру-протектору, в обязательства которого входит дача согласия на определенные действия или на определенные сделки, совершаемые доверительным управляющим.

Активы траста могут принадлежать попечителям, а не трастовому фонду. Трастовый фонд не принадлежит никому, траст является самостоятельным юридическим лицом. Право собственности на активы принадлежит доверительному управляющему, однако право собственности на прибыль от инвестиций принадлежит бенефициару. Доверительный управляющий обязан поддерживать активы фонда с учетом интересов бенефициаров. По замечаниям М. Лупой, и В.А. Канашевского, учредитель пожизненного траста имеет средства защиты от недобросовестного использования доверительным управляющим активов бенефициара (например, отстранить доверительного управляющего от своих обязанностей) [4, с. 41]. Согласно законодательству Российской Федерации по противодействию легализации и отмыванию доходов, организации терроризма, организации должны принимать меры по определению бенефициаров и при необходимости обновлять информацию и хранить ее в течение пяти лет. Банки обязаны идентифицировать бенефициаров при открытии счетов и предоставлять данные сведения по запросам государственных органов. Таким образом вопрос конфиденциальности персоны бенефициара остается открытым [5, с. 85]. Конфиденциальность же в отношении государственных предприятий применяется в полной мере, и информация раскрывается в исключительных случаях [14, с. 54].

Теперь рассмотрим такой институт гражданского права, как личный фонд. А.В. Демкина рассматривает личный фонд как еще одну возможность распорядиться имуществом, в том числе на случай смерти его учредителя, так как фонд может продолжать свою деятельность и после него [3, с. 65]. Таким образом, личный фонд – это учрежденная на какой-либо срок гражданином, либо после его смерти нотариусом, унитарная некоммерческая организация, осуществляющая управление имуществом, переданным учредителем, либо полученным в рамках наследования от наследодателя имущество, в соответствии с учрежденным им порядком управления. Личный фонд аккумулирует денежные средства от инвесторов и вкладывает объединенные средства в инвестиции. Фонды могут предоставлять инвесторам доступ к ценным бумагам, инвестиционным возможностям, которые доступны лишь при объединенных средствах. Выпускаемая фондом акция определяется как процент в рамках владения

ценными бумагами. Фонды используются субъектами преимущественно для выгодного вложения средств. В рамках работы фонда складываются минимальные транзакционные издержки, а также определяется большая ликвидность, что невозможно при индивидуальном инвестировании.

Многие исследователи считают, что личный фонд является аналогом трастов, так как последний создан с целью передачи и управления. Однако, как нам видится, данный институт введен для стимулирования процессов «сохранения», в рамках российской юрисдикции, активов при конфиденциальности бенефициаров. Согласно данным на 2018 г., порядка 40% бенефициаров отказались от статуса российского налогового резидента, а 9% из них перевели собственность на родственников-нерезидентов [13, с. 19]. Таким образом, чтобы активы не выводились субъектами в зарубежные трасты, а находились в России, в Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) была введена ст. 123.20-4 ГК РФ – новое положение о личном фонде. В соответствии с положениями ст. 123.20-4 ГК РФ, личный фонд:

- в соответствии с ч. 4 настоящей статьи, при учреждении личного фонда стоимость передаваемого имущества не может быть менее 100 млн руб.;
- организационно-правовая форма личного фонда может быть только некоммерческой организацией;
- личный фонд вправе заниматься предпринимательской деятельностью и создавать для этих целей хозяйственные общества;
- после передачи учредителем активов в личный фонд, он утрачивает право собственности на них. Личный фонд становится собственником активов и по долгам учредителя не отвечает. Однако, в течение трех лет после создания личного фонда, последний несет субсидиарную ответственность по долгам учредителя, этот срок может быть продлен до пяти лет;
- бенефициаром может быть любое лицо;
- личный фонд не отвечает по долгам бенефициара, на права бенефициара нельзя обратить взыскание по его долгам (в трастах данная процедура может проводиться в случае, если выплаты фиксированные);
- права бенефициара не переходят по наследству, права не могут быть предметом купли-продажи;
- личным фондом управляет лицо, назначенное учредителем или коллегиальным органом, который был создан учредителем;

- учредителем может быть создан контрольно-надзорный орган или контролер, для защиты фонда от неправомерных решений и действий;
- после смерти учредителя личный фонд продолжает функционировать;
- по решению суда личный фонд может быть ликвидирован (пп. 1–5 ч. 4 настоящей статьи);

Таким образом, траст и личный фонд заметно отличаются друг от друга исходя из причин их создания. Личный фонд создается для извлечения прибыли инвесторами, в то время как траст действует на основе соглашения, в котором активы находятся на балансе траста от имени бенефициара. Бенефициар при этом может требовать возврата активов в соответствии с условиями соглашения. Личный фонд принадлежит назначаемому «управленцу» и предполагает аналогию владения акциями компании, в то время как траст не принадлежит никому (в том числе бенефициару) и является самостоятельным юридическим лицом. И.З. Анюшева, В.К. Корчемкина, отмечают, что личный фонд может быть трансформирован в наследственный фонд, таким образом учредитель после смерти может направить полученную прибыль от фонда на благотворительные нужды или обеспечить существование близких [6, с. 186].

Данная возможность обусловлена стремлением к деофшоризации, поскольку на данный момент законодатель предоставил возможность сохранить бизнес в российской юрисдикции [11, с. 59].

3. Перспективы развития институтов доверительного управления и личного фонда в России

Подходя к рассмотрению данного вопроса, хотелось бы акцентировать внимание на том, что данные институты могут успешно сосуществовать друг с другом. Каждый субъект экономической деятельности вправе выбирать ту форму управления активами, которая подходит ему. Г.А. Дарселия, отмечает, что в отечественной доктрине траст зачастую рассматривается как аналог доверительного управления, и однозначной позиции по данному вопросу нет [14, с. 255]. Мы будем рассматривать траст как аналог доверительного управления, так как инструменты управления активами если не полностью совпадают, то, по нашему мнению, схожи.

Траст предполагает соглашение между двумя сторонами, по которому активы собственника передаются доверительному управляющему (трастовой компании). Трастовая компания должна поддерживать эти активы и проводить экономическую политику в интересах бенефициара.

Напротив, личный фонд аккумулирует денежные средства от неопределенного круга лиц (инвесторов), вкладывает эти общие средства в инвестирование. Прибыль, полученная от данной деятельности, распределяется между инвесторами и управляющими фонда. Трасты учреждают для того, чтобы активы могли работать в интересах бенефициара, который в рамках имеющегося соглашения, после выполненных условий, мог получить выгоду.

Причины и перспективы использования траста в России заключаются в следующем:

– для банков трастовые операции дают возможность распоряжаться активами по своему усмотрению, но с учетом интересов бенефициара. Банки осуществляют постоянное взаимодействие с клиентом, проводя учет средств. При этом снижаются затраты, связанные с брокерскими операциями. Имеющийся капитал активен и мобилен, банк может влиять на движение рынка. Данные факторы позволяют повысить прибыль банков, увеличивая количество инвесторов, желающих инвестировать в отдельные отрасли, но не имеющих на то возможность (пользоваться брокерскими услугами). Банки получают возможность управлять компанией и контролировать ее деятельность. Банк может получить дополнительную прибыль от поддержания курса акций компании, из средств, полученных в доверительное управление, для поддержания спроса на ценные бумаги компании. Таким образом, операции, проводимые банками, осуществляются в целях получения дополнительной прибыли, для приобретения контроля над крупными компаниями, для построения связей с крупными инвесторами, в целях преодоления в ряде стран, ограничений, связанных с инвестиционной деятельностью. Последние десятилетия доходы населения растут¹, часть сбережений хранится во вкладах, часть средств используется для покупки ценных бумаг, и незначительная часть остается у населения на руках. Так, возросшие риски экономической неопределенности в последние годы стали причиной

¹ РосИнфоСтат. Уровень жизни по данным Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru> (дата обращения: 10.05.2022).

активной покупки населением иностранной валюты, что также отражается в статистике Центрального банка РФ как отток капитала [1, с. 10];

– индивидуальный инвестиционный счет с доверительным управлением для крупных инвесторов, это брокерский счет, с помощью которого инвестируются активы по выбранной собственником стратегии. Специалисты компании брокера действуют самостоятельно в рамках заданного курса;

– для паевых инвестиционных фондов такая форма управления выгодна в тех же целях. Средства собственника используются для приобретения ценных бумаг, которые в перспективе должны приносить прибыль. По истечении срока или условий договора можно «погасить» паи и получить вложенные средства вместе с заработанными процентами;

– для собственника, который не знает, как эффективно использовать активы, закон предоставляет возможность передавать имущество в доверительное управление в интересах бенефициара (квартиры, исключительные права, ценные бумаги и т.д.). В рамках договора доверительный управляющий выполняет все юридические действия, а собственник получает выгоду. Договор заключается для управления активами на длительный период, он не подходит для заключения разовых сделок.

Личный фонд также имеет преимущества для его перспективного использования учредителем:

– параметры налогов в отношении личного фонда еще не объявлены;

– активы защищены от раздела имущества в связи с расторжением брака (необходимо обратить внимание на срок исковой давности);

– конфиденциальность владения имуществом.

Таким образом, личный фонд создается для сохранности и управления активами, в рамках конфиденциальности. Инвестирование возможно от 100 млн руб. и подлежит налоговым льготам, которые защищены от споров и раздела имущества при расторжении брака, и кредиторов в ходе предпринимательской деятельности.

Заключение

Рассмотрение данных институтов дает основание полагать, что личный фонд в общих чертах соответствует западному аналогу траста, однако это самостоятельный инструмент управления активами.

Законодательство Российской Федерации предусматривает ряд черт, среди которых:

- создание личного фонда как юридического лица имеет более сложную процедуру создания и имеет свои экономические рамки;
- требует от учредителя не только создания, но и определения в Уставе ключевых вопросов управления;
- требует от учредителя назначения лиц, обязанных действовать в интересах бенефициара;
- личный фонд несет субсидиарную ответственность.

Личный фонд – новый институт российского гражданского права. Практика учреждения личных фондов только формируется и требует времени. Изменения, вносимые в ГК РФ в отношении положений о личном фонде, позволяют совершенствовать общую систему, предоставляя свободу выбора инструментов заинтересованным субъектам.

Список литературы

1. Буневич К.Г., Бродунов А.Н. Статистический анализ процессов деофшоризации в Российской Федерации // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2017. – №3(23). – С. 4–16.
2. Дараселия Г.А. Траст и некоторые вопросы первичной квалификации понятий в международном частном праве // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – №3. – С. 252–256.
3. Демкина А.В. Личные фонды в рамках реформы наследственного права России // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – №12(243). – С. 63–74.
4. Канашевский В.А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества // Журнал российского права. – 2017. – №10. – С. 37–49.
5. Канашевский В.А. О раскрытии информации о бенефициарах офшорных компаний и трастов: текущее состояние и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 2. – С. 81–86.
6. Корчемкина В.К. Наследственный фонд как новелла российского законодательства // Скиф. – 2019. – №12(40). – С. 166–169.
7. Мазаева А.В. Доверительное управление и траст: опыт стран континентального права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – №1(17). – С. 108–113.
8. Митрофанова Н.А. К вопросу об истории траста (доверительной собственности) // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2014. – №30. – С. 60–63.
9. Мороз М.И. Основания возникновения траста // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2017. – №2. – С. 152–161.
10. Мороз М.И. Преимущества и недостатки отдельных видов трастов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – №6. – С. 156–161.

11. Муртазина Г.М. Актуальные вопросы и совершенствование норм наследственного права // *Oeconomia et Jus*. – 2019. – №1. – С. 56–63.
12. Риполь-Сарагоси Ф.Б., Терникова Е.В. Доверительное управление-прогрессивная форма менеджмента // *Инженерный вестник Дона*. – 2012. – № 2(86). – С. 448–451.
13. Хейфец Б.А. Влияние антироссийских санкций на процесс деофшоризации // *Российский внешнеэкономический вестник*. – 2018. – №8. – С. 15–31.
14. Шафеев К.А. Проблематика ответственности в случае снятия корпоративной вуали с государственных предприятий в международных инвестиционных спорах // *Juvenis Scientia*. – 2016. – №3. – С. 53–56.

References

1. Bunevich, K.G., Brodunov, A.N. (2016). Statisticheskii analiz processov deofshorizatsii v Rossiiskoi Federatsii [Statistical analysis of deoffshorization processes in the Russian Federation]. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve – Models, systems, networks in economics, technology, nature and society*. No 3 (23). pp. 4–16. (In Russian).
2. Daraseliya, G.A. (2011). Trast i nekotore voprosi pervichnoi kvalifikatsii ponyatii v mejdunarodnom chastnom prave [Trust and some issues of primary qualification of concepts in private international law]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava – Actual problems of Russian law*. No 3. pp. 252–256. (In Russian).
3. Demkina, A.V. (2021). Lichnie fondi v ramkah reformi nasledstvennogo prava Rossii [Personal funds within the framework of the reform of the inheritance law of Russia]. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii – Property relations in the Russian Federation*. No 12(243). pp. 63–74. (In Russian).
4. Kanashevskii, V.A. (2017). Vzaimootnosheniya uchastnikov trasta v otnoshenii peredannogo v trast imuschestva [The relationship of the trust participants in relation to the property transferred to the trust]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. No 10. pp. 37–49. (In Russian).
5. Kanashevskii, V.A. (2018). O raskritii informatsii o beneficiarah ofshornih kompanii i trastov_ tekushee sostoyanie i perspektivi [On disclosure of information about beneficiaries of offshore companies and trusts: current status and prospects]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. No 2. pp. 81–86. (In Russian).
6. Korchemkina, V.K. (2019). Nasledstvennii fond kak novella rossiyskogo zakonodatel'stva [Korchemkina V.K. Inheritance Fund as a novel of Russian legislation]. *Skif–Scythian*. No 12(40). pp. 166–169. (In Russian).
7. Mazaeva, A.V. (2017). Doveritelnoe upravlenie i trast_ opit stran kontinentalnogo prava [Trust management and trust: the experience of the countries of continental law]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. No 1 (17). pp. 108–113. (In Russian).
8. Mitrofanova, N.A. (2014). K voprosu ob istorii trasta _doveritelnoi sobstvennosti [To the question of the history of the trust (trust property)]. *Vestnik Moskovskogo finansovo-*

juridicheskogo universiteta – Bulletin of the Moscow Financial and Legal University. No 2. pp. 60–63. (In Russian).

9. Moroz, M.I. (2017). Osnovaniya vzniknoveniya trasta [Grounds for the creation of a trust]. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta – Bulletin of the Moscow Financial and Law University*. No 2. pp. 152–161. (In Russian).

10. Moroz, M.I. (2016). Priemuschestva i nedostatki otdelnih vidov trastov [Advantages and disadvantages of certain types of trusts]. *Vestnik Nijegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky*. No 6. pp. 156–161. (In Russian).

11. Murtazina, G.M. (2019). Aktualnie voprosi i sovershenstvovanie norm nasledstvennogo prava [Current issues and improvement of the norms of inheritance law]. *Oeconomia et Jus – Oeconomia et Jus*. No 1. pp. 56–63. (In Russian).

12. Ripol-Saragosi, F.B., Ternikova, E.V. (2012). Doveritelnoe upravlenie-progressivnaya forma menedjmenta [Trust management is a progressive form of management]. *Inzhenernyy vestnik Dona – Don Engineering Gazette*. No 2(86). pp. 448–451. (In Russian).

13. Heifec, B.A. (2018). Vliyanie antirossiiskih sankcii na process deofshorizacii [The impact of anti-Russian sanctions on the deoffshorization process]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik – Russian Foreign Economic Bulletin*. No 8. pp. 15–31. (In Russian).

14. Shafeev, K.A. (2016). Problematika otvetstvennosti v sluchae snyatiya korporativnoi vuali s gosudarstvennih predpriyatii v mejdunarodnih investicionnih sporah [The problem of liability in the case of removing the corporate veil from state-owned enterprises in international investment disputes]. *Juvenis Scientia – Juvenis Scientia*. No 3. pp. 53–56. (In Russian).

Об авторе

Косарева Владислава Владимировна, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: vvkosareva@yandex.ru

About the author

Vladislava V. Kosareva, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: vvkosareva@yandex.ru

Поступила в редакцию: 11.05.2022

Received: 11 May 2022

Принята к публикации: 26.05.2022

Accepted: 26 May 2022

Опубликована: 30.06.2022

Published: 30 June 2022

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Статья / Article

УДК / UDC 347.941

DOI 10.35231/18136230_2022_2_112

Предмет доказывания и обязанности по доказыванию в гражданском процессе в странах англосаксонской правовой системы

Е. А. Нахова

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье рассматриваются проблемы понятия и правовой природы предмета доказывания и распределения обязанностей по доказыванию в гражданском судопроизводстве в странах англосаксонской правовой системы.

Указывается на необходимость фундаментального пересмотра российской теории доказательств и внесения необходимых изменений в процессуальное законодательство, с учетом положительного опыта правового регулирования предмета доказывания в процессуальном законодательстве других государств и рецепции отдельных положительно апробированных норм процессуального законодательства зарубежных страны с точки зрения регулирования предмета доказывания и распределения обязанностей по доказыванию в российском процессуальном законодательстве.

Отмечается, что преимуществом английского и американского законодательства является детальное закрепление механизма раскрытия доказательств и санкций за нарушение его порядка, которые сводятся к невозможности ссылаться на доказательства, которые не были раскрыты в соответствии с установленной процедурой или раскрыты с ее нарушением.

В настоящее время правила раскрытия доказательств также закреплены в действующем гражданском процессуальном законодательстве. В то же время санкции за нарушение порядка раскрытия доказательств не установлены. В этой ситуации норма о раскрытии доказательств в гражданском судопроизводстве становится декларативной.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство в странах англосаксонской правовой системы, российское процессуальное законодательство, концепция реформирования гражданского процессуального законодательства, доказательственное право, предмет доказывания, обязанности по доказыванию.

Благодарности. Фундаментальные исследования Василия Клементьевича Пучинского, Ирины Валентиновны Решетниковой, Ани Гамлетовны Давтян, Марии Эдвардовны Мирзоян послужили отправной точкой настоящего исследования. Глубокое осмысление научных взглядов исследователей привело к необходимости проведения детального анализа предмета доказывания и обязанностей по доказыванию в гражданском процессе в странах англосаксонской правовой системы.

Для цитирования: Нахова Е. А. Предмет доказывания и обязанности по доказыванию в гражданском процессе в странах англосаксонской правовой системы // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 2 (68). – С. 112–129. DOI 10.35231/18136230_2022_2_112

The subject of proof and the duties of proof in civil proceedings in the countries of the Anglo-Saxon legal system

Elena A. Nakhova

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The article deals with the problems of the concept and legal nature of the subject of proof and the distribution of evidentiary duties in civil proceedings in the countries of the Anglo-Saxon legal system.

The author points out the need for a radical revision of the Russian theory of proof and making the necessary changes to procedural legislation, taking into account the positive experience of legal regulation of the subject of proof in the procedural legislation of other states and the reception of certain positively tested norms of procedural legislation of foreign countries from the point of view of regulating the subject of proof and the distribution of evidentiary duties in Russian procedural legislation.

The author notes that the advantage of English and American legislation is the detailed consolidation of the mechanism of disclosure of evidence and sanctions for violation of its order, which are reduced to the inability to refer to evidence that was not disclosed in accordance with the established procedure or disclosed with its violation.

Currently, the rules for the disclosure of evidence are also enshrined in the current civil procedural legislation. At the same time, sanctions for violating the procedure for disclosure of evidence have not been established. In this situation, the norm on disclosure of evidence in civil proceedings becomes declarative.

Key words: civil proceedings in the Anglo Saxon legal system, Russian procedural legislation, the concept of reforming civil procedural legislation, evidentiary law, the subject of proof, the duties of proof.

Gratitudes. The fundamental research of Vasily Klimentyevich Puchinsky, Irina Valentinovna Reshetnikova, Anya Hamletovna Davtyan, Maria Edvardovna Mirzoyan served

as the starting point of this research. A deep understanding of the scientific views of researchers has led to the need for a detailed analysis of the subject of proof and the duties of proof in civil proceedings in the countries of the Anglo-Saxon legal system.

For citation: Nakhova, E. A. (2022). Predmet dokazyvaniya i obyazannosti po dokazyvaniyu v grazhdanskom protsesse v stranakh anglosaksonskoy pravovoy sisteme [The subject of proof and the duties of proof in civil proceedings in the countries of the Anglo-Saxon legal system]. *Leningradskij juridicheskiy zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 2 (68). pp. 112–129. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_2_112

Введение. Обновление норм о доказательствах неизбежно в условиях совершенствования российского процессуального законодательства в направлении унификации и оптимизации судебных процедур, усилении функции судебной власти, реформировании судебной системы. Вместе с тем задачами судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений. Правильное определение судом предмета доказывания по делу имеет огромное практическое значение. Обстоятельства предмета доказывания устанавливают границы доказательственной деятельности лиц, участвующих в деле. Определение обстоятельств предмета доказывания является одной из трех стадий правоприменительного процесса. Обстоятельства предмета доказывания определяются на основе применимой нормы материального права, с учетом требований и возражений лиц, участвующих в деле, в то же время конкретная норма права может быть выбрана только посредством установления фактических обстоятельств по делу. Отрадить взаимосвязь и взаимозависимость установления фактических обстоятельств дела и выбора подлежащей применению нормы позволяет правовая категория «юридическая квалификация». Правильная юридическая квалификация фактов и отношений сторон является необходимой предпосылкой применения нормы права, поскольку для определения правовых последствий на основании диспозиции или санкции нормы необходимо предварительно установить соответствие обстоятельств дела ее гипотезе. Неточная юридическая квалификация правоотношения влечет за собой неправильное определение последствий, вынесение неправильного решения. Обстоятельства фактического состава спорного правоотношения (предмет доказывания по делу) определяют правильную квалификацию спорного материального правоотношения. Искомые обстоятельства, имеющие значение для

правильного рассмотрения и разрешения спора, позволяют проследить связь с обязанностями по доказыванию, которые суд распределяет между лицами участвующими в деле, в соответствии с общим и частными правилами распределения обязанностей по доказыванию. Обстоятельства предмета доказывания определяют требования относимости и достаточности доказательств. Обстоятельства предмета доказывания могут устанавливаться с той или иной степенью вероятности. Поэтому прослеживается взаимосвязь предмета доказывания и стандартов доказывания. Неправильное или неполное определение судом обстоятельств предмета доказывания является основанием для отмены состоявшегося судебного акта, указанное основание относится к нарушению требования обоснованности судебного акта. Обоснованность – это требование, предъявляемое к судебному решению, согласно которому выводы суда должны соответствовать установленным судом обстоятельствам предмета доказывания. При этом указанные обстоятельства должны быть изложены исчерпывающе, выводы суда подтверждены доказательствами, всесторонне и полно исследованными в судебном заседании. Судебные ошибки при определении предмета доказывания могут быть как явными, так и латентными, и будут всегда существенными, поскольку ведут к отмене (изменению) судебного акта. Нарушение судом обязанности по определению предмета доказывания по делу влечет нарушение принципов состязательности и равноправия сторон в судебном разбирательстве, которое влечет за собой нарушение более общего права – права на справедливое судебное разбирательство. Неправильное или неполное определение обстоятельств предмета доказывания отражается на правильности распределения обязанностей по доказыванию, представлению относимых, допустимых и достаточных доказательств в целом либо одной из сторон. При этом нарушается компонент процессуального элемента права на справедливое судебное разбирательство, а именно права на равные процессуальные возможности при рассмотрении конкретного дела. Следует также отметить, что многие категории доказательственного права можно признать дискуссионными, что в полной мере можно отнести к категории «предмет доказывания» в гражданском судопроизводстве. Вместе с тем отдельными учеными указывается на необходимость фундаментального пересмотра теории доказательств. Данные обстоятельства обуславливают актуальность исследования проблема-

тики предмета доказывания в гражданском судопроизводстве на настоящем этапе развития процессуальной доктрины, действующего процессуального законодательства и судебной практики. С учетом необходимости фундаментального пересмотра теории доказательств и внесения необходимых изменений в процессуальное законодательство представляется правильным учитывать положительный опыт правового регулирования предмета доказывания в процессуальном законодательстве других государств и реципировать отдельные положительно апробированные нормы процессуального законодательства зарубежных стран в части регулирования предмета доказывания и распределения обязанностей по доказыванию в российское процессуальное законодательство.

Обзор литературы

В российской процессуальной доктрине проблематике предмета доказывания и обязанностей по доказыванию посвящены труды ряда исследователей. В отечественной науке отдельным аспектам предмета доказывания был посвящен целый ряд работ. Впервые категория «предмет доказывания» была упомянута в трудах Малышева К.И. «Курс гражданского судопроизводства»¹, Гамбарова Ю. С. «Курс лекций по гражданскому процессу»². В советский период фундаментальные исследования категории «предмета доказывания» осуществлены Штутиным Я. Л. «Предмет доказывания в советском гражданском процессе», 1963[41], Лилуашвили Т. А. «Предмет и бремя доказывания в советском гражданском процессе», 1957 [30], Л.П. Смышляевым «Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в советском гражданском процессе», 1961 [35]. Значимый вклад в развитие учения о предмете доказывания в гражданском судопроизводстве внесли К.С. Юдельсон [42], А.Ф. Клейнман [22], С.В. Курылев [27], Н.Б. Зейдер [18], М.К. Треушников [37], А.Т. Боннер [9–13], Л.А. Ванеева [14], И.В. Решетникова [32], В.В. Ярков [43], В.В. Молчанов³, О.В. Баулин [8], А.Г. Коваленко [23–25], И.М. Зайцев [16; 17], М.А. Фокина⁴, С.Ф. Афанасьев [7], Д.Б. Абушенко [1],

¹ Малышев К. Курс гражданского судопроизводства: в 3 т. СПб., 1874. Т.1. 437 с.

² Гамбаров Ю. С. Курс лекций по гражданскому процессу. СПб., 1894–1895. 778 с.

³ Молчанов В.В. Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве: учеб. пособие. М.: Зерцало-М, 2015. 354 с.

⁴ Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М.А. Фокиной. М.: Статут. 2014. 496 с.

С.М. Амосов [4–6], М.А. Рожкова [34], И.Г. Ренц¹ и др. Явились основополагающими трудами в учении о предмете доказывания труды представителей теории государства и права, таких как С.С. Алексеев [2; 3], В.Б. Исаков [19–21], О. Э. Лейста [28; 29], и др., а также представителей цивилистической науки, таких как О.А. Красавчиков [26], А.К. Кац², О.А. Чаусская [40] и др.

Проблематика предмета доказывания и распределения обязанностей по доказыванию в гражданском судопроизводстве стран англосаксонской правовой системы исследовались в фундаментальных трудах В.К. Пучинского [31], И.В. Решетниковой [33], А.Г. Давтян [15], М.Э. Мирзоян [15] и др.

Предмет доказывания и обязанности по доказыванию в гражданском процессе Англии, США и России. В доктрине российского процессуального права и в действующем законодательстве под предметом доказывания понимаются обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения гражданского дела, обязанность определения которых возложена на суд, обязанность доказывания которых установлена для лиц, участвующих в деле. Суд определяет обстоятельства предмета доказывания, с учетом подлежащей применению нормы материального права к спорным правоотношениям и требованиям и возражений лиц, участвующих в деле. Суд определяет обстоятельства предмета доказывания, с учетом подлежащей применению нормы материального права к спорным правоотношениям и требованиям и возражений лиц, участвующих в деле. Неправильное или неполное определение обстоятельств, имеющих значение для дела, служит основанием для отмены судебного акта в апелляционном порядке. Вместе с тем проблемой цивилистического судопроизводства в Российской Федерации в настоящее время является отсутствие надлежащего механизма определения предмета доказывания, с учетом специфики структуры нормы материального права, применяемой к конкретным спорным материальным правоотношениям, особенностей фактического состава правоотношения и отдельных юридических фактов. Научные аспекты концепции предмета доказывания в гражданском судопроизводстве остаются дискуссионными. Современные представления о фактах, образующих предмет доказывания, сводятся к следующему. Одним из

¹ Ренц И.Г. Факты и доказательства в международном гражданском процессе: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 351 с.

² Кац А.К. Конкретизация судом гражданских и семейных правоотношений с частично неурегулированным содержанием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1965. 15 с.

направлений дискуссии в процессуальной доктрине является соотношение правовых категорий «предмет доказывание» и «предмет познания». Решение указанной проблемы зависит в первую очередь от взглядов того или иного исследователя на соотношения судебного познания и судебного доказывания. В процессуальной доктрине сложились две основные точки зрения на соотношение судебного познания и судебного доказывания. Сторонники первого направления рассматривают судебное доказывание и судебное познание как различные виды процессуальной деятельности, отличающиеся по субъектному составу, цели и содержанию. Приверженцы второго направления дискуссии считают судебное доказывание опосредованной формой судебного познания. Приверженцы первой точки зрения исключают суд из субъектов доказывания, наделяют процессуально-правовыми полномочиями на осуществление судебного познания. В соответствии с вышеизложенным для обозначения пределов различной процессуальной деятельности используются термины – «предмет познания» и «предмет доказывания» либо используется один общий термин для обозначения этих пределов. Предмет доказывания по объему фактов уже предмета познания. Предмет познания включает в себя обстоятельства предмета доказывания и обстоятельства, не подлежащие доказыванию, поскольку суд все же познает последние (общеизвестные и преюдициальные факты, признанные факты, другие бесспорные обстоятельства в гражданских делах). При этом исследователи для обозначения предмета познания используют различные термины: «предмет познания», «объект познания суда», «предмет доказывания суда». В рамках исследования предмета познания актуальна постановка вопроса о концепции бесспорных обстоятельств в гражданских делах. Под бесспорными обстоятельствами (фактами) понимаются факты, имеющие существенное значение для правильного рассмотрения и разрешения гражданского дела, относительно которых у сторон и других лиц, участвующих в деле, нет разногласий. Стороны признают как наличие конкретного обстоятельства, так и его существенные характеристики (время происшествия, количественные и качественные признаки факта). В большинстве случаев бесспорны некоторые факты основания исковых требований, значительно реже – возражений против иска. Функция бесспорных обстоятельств заключается в сокращении объема судебного исследования. Общеизвестные, преюдициальные факты, факты умолчания, ноторные факты в предмет доказывания по делу не

входят и доказыванию не подлежат. Аналогичную функцию выполняют и признанные факты, однако в случаях, предусмотренных в законе, подлежат доказыванию на общих основаниях. Таким образом, бесспорные обстоятельства в предмет доказывания не входят, не доказываются лицами, участвующими в деле, вместе с тем познаются судом при разрешении дела. На основании ч. 5 ст. 61 ГПК РФ обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в порядке, установленном ст. 186 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)¹, или не установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия. Аналогичная норма установлена ч. 5 ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)². По нашему мнению, закрепление обстоятельств, подтвержденных нотариусом при совершении нотариального действия, в качестве оснований освобождения от доказывания преждевременно в российском законодательстве. Представляется правильным первоначально закрепление в законе опровержимой презумпции действительности нотариального акта в рамках правил, устанавливающих общее и частные правила распределения обязанностей по доказыванию не только в гражданском процессе, но и в административном судопроизводстве. Дискуссионным также является определение предмета доказывания как совокупности определенных фактов, в связи с вышеуказанным выделяется широкое и узкое толкование предмета доказывания. Под узким толкованием предмета доказывания понимаются только материально-правовые (искомые) факты, входящие в его состав. Широким пониманием предмета доказывания охватываются материально-правовые и иные факты (процессуально-правовые, доказательственные, проверочные, вспомогательные факты, факты, установление которых необходимо для вынесения частного определения) [32, с. 240–241]. Думается, под предметом доказывания предлагается понимать совокупность обстоятельств материально-правового и процессуального характера, установление которых необходимо суду для

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 04.04.2022).

² См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 04.04.2022).

правильного разрешения дела, и обязанность доказывания которых лежит на лицах, участвующих в деле. В цивилистической процессуальной доктрине распространены две основные точки зрения на соотношение предмета доказывания и пределов доказывания. Одни исследователи разграничивают указанные понятия, другие – отождествляют. Исходя из понимания доказывания как деятельности лиц, участвующих в деле, по убеждению суда в существовании в действительности обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела (предмета доказывания), под пределами доказывания в науке гражданского процессуального права предлагается понимать границы, в которых осуществляется собирание, проверка и оценка доказательств на различных стадиях гражданского судопроизводства, поскольку такие термины, как «полнота исследования», «глубина исследование», «достаточность исследования» свойственны в большей степени для судебного познания и его пределов и оценки доказательств. Границы предоставления доказательств лицами, участвующими в деле, определяются судом, поскольку именно у суда должно сложиться внутреннее убеждение о наличии в действительности обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения спора, либо о высокой степени вероятности наличия в действительности некоторых из фактов предмета доказывания. Границы доказательственной деятельности лиц, участвующих в деле, могут регулироваться судом на основании ч. 2 ст.56 ГПК РФ, ч.1 ст.57 ГПК РФ, ч.2 ст.65, ч. 2 ст. 66 АПК РФ, ч. 3 ст. 62, 63 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее - КАС РФ)¹.

Под предметом доказывания в английском праве понимается совокупность фактов, подтверждающих или опровергающих требования и возражения [33, с. 98–104; 31, с. 189–199]. Предмет доказывания определяется на основе норм материального права, однако в него входят только факты, оспариваемые сторонами. В английском праве действует правило аналогичное правилу в российском арбитражном процессе, несогласие по фактическим обстоятельствам должно быть прямо выражено сторонами в состязательных бумагах, в ином случае умолчание приравнивается к признанию спорного факта. По смыслу английского права

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.12.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 04.04.2022).

предмет доказывания определяют стороны. К обстоятельствам, не подлежащим доказыванию, относятся общеизвестные факты; преюдициальные факты, презюмируемые факты, факты персональных знаний суда [31, с. 199–213]. Преюдиции устанавливаются прецедентным правом. Преюдициальное значение имеют судебные акты, как по гражданским, так и по уголовным делам. Объективные и субъективные пределы действия презумпции совпадают с действующими в российской доктрине доказательственного права. Определение презумпции совпадает в английском праве с существующим в доктрине доказательственного права в России [33, с. 105–107]. Роль презумпции сводится к тому, чтобы определить сторону, которая проиграет спор, если не представит доказательства. Презумпции подразделяются на опровержимые и неопровержимые презумпции. Опровержимые презумпции следует классифицировать на убедительные и доказательственные презумпции. Функция убедительных презумпций заключается в необходимости доказывания другого факта, доказательственная презумпция действительна, пока не доказано иное. Неопровержимые презумпции установлены статутами, подразделяются на правовые, разрешительные презумпции и презумпции, сделанные на основании повседневного опыта. К общеизвестным фактам относятся факты, как известные широкому кругу лиц, так и только участникам процесса, и кроме того, только суду. В последнем случае сторона, оспаривающая данный факт, как правило, лишается возможности доказать обратное.

Определение предмета доказывания в доктрине американского доказательственного права схоже с определением юридически значимых обстоятельств в доктрине российского доказательственного права [33, с. 98–104]. Предмет доказывания определяют стороны на основе нормы материального права, применимой к спорным правоотношениям, и требований и возражений сторон в состязательных бумагах. К основаниям освобождения от доказывания относятся факты, о которых осведомлен суд; общеизвестные факты; признанные факты; преюдициально установленные факты; презюмируемые факты. В американском доказательственном праве существует понятие «невзаимная презумпция», ее правило означает возможность для стороны, не участвовавшей в предыдущем споре, использовать преюдицию в отношении проигравшего лица в предыдущем споре.

Обязанности по доказыванию в гражданском процессе Англии, США и России. Поскольку юридически значимые обстоятельства должны быть доказаны лицами, участвующими в деле, закономерен вопрос о соотношении предмета доказывания и обязанностей по доказыванию. В науке российского гражданского процессуального права продолжается длительная дискуссия о правовой природе обязанностей по доказыванию, суть которой сводится к отнесению доказывания к юридической обязанности и обеспечению этой обязанности санкциями. Заслуживает поддержки утверждение, что обязанность доказывания а) распространяется на всех лиц, участвующих в деле, б) основу распределения обязанности по доказыванию составляет предмет доказывания, в) каждое участвующее в деле лицо доказывает определенную группу обстоятельств в предмете доказывания, определяемую основанием требований или возражений¹. В процессуальной доктрине отстаивалась точка зрения, что обязанность доказывания имеет материально-правовое и процессуальное содержание, сторонником которой был Т.А. Лилуашвили. По его утверждению, материально-правовое содержание этой обязанности состоит в том, что в случае её невыполнения обязанным субъектом доказывания и невозможности получения доказательств, суд имеет право признать факт, на который ссылалось заинтересованное лицо, несуществующим или, как это имеет место при действии презумпции, существовавшим, если иное не доказано другой стороной. Последствия невыполнения обязанностей по доказыванию с точки зрения её материально-правового содержания могут касаться только тех субъектов доказывания, которые в процессе отстаивают свой интерес. Процессуальное содержание обязанности по доказыванию проявляется в действиях по представлению доказательств, отстаиванию своих убеждений в ходе исследования доказательств, т. е. в процессуальной деятельности². Распределение обязанностей по доказыванию судом означает указание сторонам и другим лицам, участвующим в деле, какие факты предмета доказывания последние должны доказать, чтобы получить благоприятное

¹ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, И.Г. Арсенов и др.; под ред. В.В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 1152 с. (авт. главы – И.В. Решетникова).

² См.: Лилуашвили Т.А. Предмет доказывания и распределение бремени доказывания между сторонами в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961. С. 13.

для себя решение. По смыслу общего правила распределения обязанностей по доказыванию каждая сторона должна доказать основания своих требований и возражений. Вместе с тем в доктрине выделяются частные правила распределения обязанностей по доказыванию. Доказательственная презумпция как специальное правило распределения обязанностей по доказыванию предоставляет процессуальную льготу конкретному лицу, указанному в законе, перераспределяя общее правило распределения обязанностей по доказыванию. Процессуальная фикция выполняет роль процессуальной доказательственной санкции за уклонение от обязанностей по доказыванию. Специальное правило распределения обязанностей конкретизирует в законе, какой факт должен быть доказан конкретным лицом.

Обязанность доказывания складывается в английском праве из двух аспектов [33, с. 107–112; 31, с. 218–222]: 1) каждая сторона обязана доказать основания своих требований и возражений; 2) обязанность доказывания лежит на стороне, которая может проиграть, если доказательства не будут представлены. Английская доктрина доказательственного права выделяет бремя представления доказательств, его цель – обеспечение достаточности доказательств для рассмотрения дела.

В американском доказательственном праве на стороны возлагается обязанность по доказыванию [33, с. 105–107]. При этом бремя доказывания имеет сложную структуру (бремя представления доказательств и бремя утверждения). Обязанность доказывания определяется судом. Обязанность доказывания урегулирована в доктрине доказательственного права США и процессуальном законодательстве штатов. Для обозначения юридической силы и убедительности доказательств используется понятие доказательств, достаточных с первого взгляда, и очевидных доказательств. Иногда указание на первый вид доказательств может содержаться в нормах права. Функция презумпций [33, с. 105–107] в доказательственном праве США сводится к перераспределению обязанностей по доказыванию.

Заключение

Достоинством английского и американского права следует признать детальное регулирование в целом предмета доказывания и обязанностей по доказыванию, частных правил распределения обязанностей по доказыванию, фактов, не подлежащих доказыванию. Предмет доказывания

определяют стороны, обязанности по доказыванию определяет суд. В качестве оснований освобождения от доказывания рассматриваются доказательственные презумпции. В то время как в российском законодательстве понятие правовой презумпции в действующем законодательстве не определено, правовая природа данной категории дискуссионна. Выделяются две основных точки зрения на правовую природу презумпции в российской теории доказательства: одни исследователи рассматривают презумпции как способ перераспределения обязанностей по доказыванию, процессуальную льготу, которая изменяет общее правило распределения обязанностей по доказыванию; другие же относят доказательственные презумпции к основаниям освобождения от доказывания. Поэтому видится необходимость закрепления механизма действия презумпции в действующем законодательстве как основания освобождения от доказывания презюмируемого факта. Кроме того, достоинством английского и американского права является детальное закрепление механизма раскрытия доказательств и санкций за нарушение его порядка, сводящихся к невозможности ссылаться на доказательства, не раскрытые в установленном порядке либо раскрытые с его нарушением. В настоящее время правила раскрытия доказательств закреплены и в действующем гражданском процессуальном законодательстве. Вместе с тем санкций за нарушение порядка раскрытия доказательств не установлено. В указанной ситуации норма о раскрытии доказательств в гражданском судопроизводстве приобретает декларативный характер. В российском процессуальном законодательстве не детализирован общий механизм распределения обязанностей по доказыванию, также не содержится частного механизма (действие правовых презумпций, процессуальных фикций, специальных правил распределения обязанностей по доказыванию) распределения обязанностей по доказыванию. Поскольку для разрешения спора необходимо установить суду искомые материально-правовые факты, и именно их обязаны доказать лица, участвующие в деле, представляется правильным закрепить в законе не только механизм действия общего правила распределения обязанностей, детализировав его, но и механизм действия частных правил распределения обязанностей по доказыванию. Таким образом, отдельные юридически значимые обстоятельства по делу могут устанавливаться с той или иной долей вероятности, что соответствует принципу юридической истины в гражданском судопроизводстве.

Список литературы

1. Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в арбитражном и гражданском процессе. – М.: Норма, 2002. – 176 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. II. – М.: Юрид. лит., 1982. – 360 с.
3. Алексеев С.С. Общая теория права: Курс в двух томах. – М.: Юрид. лит. – Т. 2. – М., 1982. – 359 с.
4. Амосов С. Пределы судебного познания в процессуальном праве // Российская юстиция. – 2001. – № 1. – С. 33–35.
5. Амосов С. Предмет доказывания в арбитражном процессе // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2003. – № 11. – С. 111–114.
6. Амосов С.М. Судебное познание в арбитражном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2004. – 43 с.
7. Афанасьев С. Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве. – Саратов: СГАП, 1999. – 136 с.
8. Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. – М.: Городец, 2004. – 272 с.
9. Боннер А. Т. Установление обстоятельств гражданских дел. – М.: Городец, 2000. – 272 с.
10. Боннер А.Т. О проблеме непосредственного познания судом фактов, входящих в предмет доказывания // Избранные труды: в 7 т. Т.V. Проблемы теории судебных доказательств. – М.: Проспект, 2017. – С. 18–26.
11. Боннер А.Т. Правовые презумпции как способ распределения обязанностей по доказыванию и установления обстоятельств гражданских дел // Избранные труды: в 7т. Т.IV. Проблемы установления истины в гражданском процессе. – М.: Проспект, 2017. – С. 168–222.
12. Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе: монография. – СПб.: Юридическая книга, 2009. – 832 с.
13. Боннер А.Т. Специфика судебного познания обстоятельств дела // Избранные труды: в 7т. Т. IV. Проблемы установления истины в гражданском процессе. – М.: Проспект, 2017. – С. 140–143.
14. Ванеева Л. А. Судебное познание в советском гражданском процессе. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1972. – 133 с.
15. Гражданский процесс зарубежных стран: учеб. пособие / под ред. А.Г. Давтян. – М.: Велби, Изд-во Проспект, 2008. 480 с.
16. Зайцев И.М. Научное наследие: в 3 т. Т. 2. Монографии. Ч. 2. 1982–1990 / сост. А.И. Зайцев. – Саратов: Наука, 2009. – 312 с.
17. Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе / под ред. М.А. Вкут. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 135 с.
18. Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. – М.: Юрид. лит., 1966. – 288 с.
19. Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. – Саратов: Изд-во ун-та, 1980. – 126 с.
20. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. – М.: Юрид. лит., 1984. – 144 с.

21. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1980. – 93 с.
22. Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке процессуального права. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 119 с.
23. Коваленко А. Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. – М., 2002. 208 с.
24. Коваленко А. Г. Полнота материалов по гражданско-правовым спорам / под ред. И. М. Зайцева. – Саратов: СГУ, 1981. – 73 с.
25. Коваленко, А. Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004. – 256 с.
26. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М.: Юридическая литература, 1958. – 185 с.
27. Курылев С. В. Основы теории доказательств в советском правосудии. – Минск: Изд-во БГУ, 1969. – 203 с.
28. Лейст О. Э. Санкции в советском праве. – М., 1962. – 238 с.
29. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права (под ред. В.А. Томсинова). – М.: Зерцало, 2008. – 246 с.
30. Лилуашвили Т. А. Предмет и бремя доказывания в советском гражданском процессе. – Тбилиси, 1957. – 127 с.
31. Пучинский В.К. Гражданский процесс зарубежных стран / под ред. В.В. Безбаха. – М.: Зерцало, 2008. – XIV, 506 с.
32. Решетникова И.В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. – Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 1997. – 366 с.
33. Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. – 240 с.
34. Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. – М., 2009. – 332 с.
35. Смышляев Л. П. Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в советском гражданском процессе. – М.: Изд-во МГУ, 1961. – 47 с.
36. Терехова Л.А. Система пересмотра судебных решений в ГПК РФ // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 3. – С. 29–51.
37. Треушников М.К. Судебные доказательства. 5-е изд, доп. – М., 2016. – 304 с.
38. Фокина М. А. Теория и практика доказывания в состязательном гражданском судопроизводстве. – СПб., 1999. – 222с.
39. Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы. – М.: Новый индекс, 2010. – 621 с.
40. Чаусская О.А. Применение норм гражданского права: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 206 с.
41. Штутин Я. Л. Предмет доказывания в советском гражданском процессе. – М.: Госюриздат, 1963. – 185 с.
42. Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе / под ред. А. Г. Власова. – М.-Л., Госюриздат., 1951. – 294 с.
43. Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе. – М.: Интропик Медиа, 2012. – 608 с.

References

1. Abushenko, D.B. (2002) *Sudebnoe usmotrenie v arbitrazhnom i grazhdanskom processe* [Judicial discretion in arbitration and civil proceedings]. Moskva: Norma. (In Russian).
2. Alekseev, S. S. (1982) *Obshchaya teoriya prava* [The general theory of law]: V 2 t. Vol. II. Moskva: YUridicheskaya literature. 360 p. (In Russian).
3. Alekseev, S.S. (1982) *Obshchaya teoriya prava* [The general theory of law]: Kurs v dvuh tomah. Moskva: YUridicheskaya literatura. Vol. 2. 359 p. (In Russian).
4. Amosov, S. (2001) Predely sudebnogo poznaniya v processual'nom prave [The limits of judicial knowledge in procedural law]. *Rossiyskaya yusticiya – Russian justice*. No 1. pp. 33–35. (In Russian).
5. Amosov, S. (2003) Predmet dokazyvaniya v arbitrazhnom processe [The subject of proof in the arbitration process]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF – Bulletin of the Arbitration Court*. No 11. pp. 111–114. (In Russian).
6. Amosov, S.M. (2004) *Sudebnoe poznanie v arbitrazhnom processe* [Judicial knowledge in the arbitration process]: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Moskva, 43 p. (In Russian).
7. Afanas'ev, S. F. (1999) *Problema istiny v grazhdanskom sudoproizvodstve* [The problem of truth in civil proceedings]. Saratov: SGAP, 136 p. (In Russian).
8. Baulin, O. V. (2004) *Bremya dokazyvaniya pri razbiratel'stve grazhdanskih del* [Burden of proof in civil proceedings]. Moskva: Gorodec. 272 p. (In Russian).
9. Bonner, A. T. (2000) *Ustanovlenie obstoyatel'stv grazhdanskih del* [Establishing the circumstances of civil cases]. Moskva: Gorodec, 272 p. (In Russian).
10. Bonner, A.T. (2017) *O probleme neposredstvennogo poznaniya sudom faktov, vkhodyashchih v predmet dokazyvaniya* [On the problem of direct cognition by the court of the facts included in the subject of proof] // *Izbrannye trudy: v 7t. Vol. V. Problemy teorii sudebnykh dokazatel'stv*. Moskva: Prospekt, pp. 18–26. (In Russian).
11. Bonner, A.T. (2017) *Pravovye prezumpcii kak sposob raspredeleniya obyazannostej po dokazyvaniyu i ustanovleniya obstoyatel'stv grazhdanskih del* [Legal presumptions as a way of distributing responsibilities for proving and establishing the circumstances of civil cases] // *Izbrannye Trudy [Selected works]: v 7t. T.IV. Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom processe* [Problems of establishing the truth in the civil process]. Moskva: Prospekt. pp. 168–222. (In Russian).
12. Bonner, A.T. (2009) *Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom processe* [The problems of establishing the truth in the civil process]: monografiya. Sankt Peterburg: YUridicheskaya kniga, 832 p. (In Russian).
13. Bonner, A.T. (2017) *Specifika sudebnogo poznaniya obstoyatel'stv dela* [The specifics of judicial knowledge of the circumstances of the case] // *Izbrannye Trudy [Selected works]: v 7t. Vol. IV. Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom processe* [The problems of establishing the truth in the civil process]. Moskva: Prospekt. pp. 140–143. (In Russian).
14. Vaneeva, L. A. (1972) *Sudebnoe poznanie v sovetskom grazhdanskom processe* [Judicial cognition in the Soviet civil process]. Vladivostok: izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 133 p. (In Russian).
15. *Grazhdanskij process zarubezhnyh stran* [Civil procedure of foreign countries]: ucheb. posobie / Pod red. A.G. Davtyan. Moskva: Velbi, Prospekt, 2008. 480 p. (In Russian).
16. Zajcev, I.M. (2009) *Nauchnoe nasledie* [Scientific heritage]. V 3-h tomah. Vol. 2. Monografii. CHast' 2. 1982–1990. Sostavitel' A.I. Zajcev. Saratov: Nauka, 312 p. (In Russian).

17. Zajcev, I.M. (1985) *Ustranenie sudebnyh oshibok v grazhdanskom processe* [Elimination of judicial errors in civil proceedings] / Pod red. M.A. Vikut. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 135 p. (In Russian).
18. Zejder, N.B. (1966) *Sudebnoe reshenie po grazhdanskomu delu* [A court decision in a civil case]. Moskva: YUridicheskaya literatura, 288 p. (In Russian).
19. Isakov, V. B. (1980) *Fakticheskij sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya* [The actual composition in the mechanism of legal regulation]. Saratov: Izdatel'stvo universiteta. 126 p. (In Russian).
20. Isakov, V. B. (1984) *YUridicheskie fakty v sovetskom prave* [Legal facts in Soviet law]. Moskva: YUridicheskaya literatura. 144 p. (In Russian).
21. Isakov, V.B. (1980) *Fakticheskij sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya* [The actual composition in the mechanism of legal regulation]. Saratov: Izdatel'stvo universiteta. 93 p. (In Russian)
22. Klejnman, A.F. (1967) *Novejshie techeniya v sovetskoj nauke processual'nogo prava* [The latest trends in the Soviet science of procedural law]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 119 p. (In Russian).
23. Kovalenko, A. G. (2002) *Institut dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve* [Institute of Evidence in Civil and Arbitration Proceedings]. Moskva, 208 p. (In Russian).
24. Kovalenko, A. G. (1981) *Polnota materialov po grazhdansko-pravovym sporam* [Completeness of materials on civil law disputes] / Pod red. I. M. Zajceva. Saratov: SGU, 73 p. (In Russian).
25. Kovalenko, A. G. (2004) *Institut dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve* [Institute of Evidence in Civil and Arbitration Proceedings]. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Norma, 256 p. (In Russian).
26. Krasavchikov, O.A. (1958) *YUridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave* [Legal facts in Soviet civil law]. Moskva: YUridicheskaya literatura, 185 p. (In Russian).
27. Kurylev, S. V. (1969) *Osnovy teorii dokazatel'stv v sovetskom pravosudii* [Fundamentals of the theory of Evidence in Soviet justice]. Minsk: Izd-vo BGU, 203 p. (In Russian).
28. Lejst, O. E. (1962) *Sankcii v sovetskom prave* [Sanctions in Soviet law]. Moskva, 238 p. (In Russian).
29. Lejst, O.E. (2008) *Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava* [The essence of law. Problems of theory and philosophy of law] (pod redakciej V.A. Tomsinova). Moskva: Zercalo, 246 p. (In Russian).
30. Liluashvili, T. A. (1957) *Predmet i bremya dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom processe* [The subject and burden of proof in the Soviet civil procedure]. Tbilisi, 127 p. (In Russian).
31. Puchinskij, V.K. (2008) *Grazhdanskij process zarubezhnyh stran* [Civil procedure of foreign countries] / pod red. V.V. Bezbaha. Moskva: Zercalo. XIV. 506 p. (In Russian).
32. Reshetnikova, I.V. (1997) *Dokazatel'stvennoe pravo v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Evidentiary law in civil proceedings]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Gumanit. universiteta, 366 p. (In Russian)
33. Reshetnikova, I.V. (1997) *Dokazatel'stvennoe pravo Anglii i SSHA* [Evidentiary law of England and the USA]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrGYUA. 240 p. (In Russian).

34. Rozhkova, M.A. (2009) *YUridicheskie fakty grazhdanskogo i processual'nogo prava: soglasheniya o zashchite prav i processual'nye soglasheniya* [Legal facts of civil and procedural law: agreements on the protection of rights and procedural agreements]. Moskva, 332 p. (In Russian).

35. Smyshlyaev, L. P. (1961) *Predmet dokazyvaniya i raspredelenie obyazannostej po dokazyvaniyu v sovetskom grazhdanskom processe* [The subject of proof and the distribution of evidentiary duties in the Soviet civil procedure]. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 47 p. (In Russian)

36. Terekhova, L.A. (2012) *Sistema peresmotra sudebnyh reshenij v GPK RF* [The system of judicial review in the Civil Procedure Code of the Russian Federation]. *Vestnik grazhdanskogo processa – Herald of Civil Procedure*. No 3. pp. 29–51. (In Russian).

37. Treushnikov, M.K. (2016) *Sudebnye dokazatel'stva* [Judicial evidence]. 5-e izd, dop. Moskva, 304 p. (In Russian).

38. Fokina, M. A. (1999) *Teoriya i praktika dokazyvaniya v sostyazatel'nom grazhdanskom sudoproizvodstve* [Theory and practice of evidence in adversarial civil proceedings]. Sankt Peterburg, 222 p. (In Russian).

39. Fokina, M.A. (2010) *Mekhanizm dokazyvaniya po grazhdanskim delam: teoretiko-prikladnye problem* [The mechanism of proof in civil cases: theoretical and applied problems]. Moskva: Novyj indeks, 621 p. (In Russian).

40. CHaussskaya, O.A. (2002) *Primenenie norm grazhdanskogo prava: voprosy teorii i praktiki* [Application of the norms of civil law: issues of theory and practice.]. Dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 206 p. (In Russian).

41. SHtutin, YA. L. (1963) *Predmet dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom processe* [The subject of proof in the Soviet civil trial]. Moskva: Gosyurizdat, 185 p. (In Russian).

42. YUdel'son, K. S. (1951) *Problema dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom processe* [The problem of proof in the Soviet civil procedure] / Pod red. A. G. Vlasova. Moskva, Lenindrad: Gosyurizdat., 294 p. (In Russian).

43. YArkov, V.V. (2012) *YUridicheskie fakty v civilisticheskom processe* [Legal facts in the civil process]. Moskva: Intropik Media. 608 p. (In Russian).

Об авторе

Нахова Елена Александровна, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

About the author

Elena A. Nakhova, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

Поступила в редакцию: 11.05.2022

Received: 11 May 2022

Принята к публикации: 26.05.2022

Accepted: 26 May 2022

Опубликована: 30.06.2022

Published: 30 June 2022

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Статья / Article

УДК / UDC 343.296

DOI 10.35231/18136230_2022_2_130

Особенности доказывания гражданского иска в производстве по уголовным делам

М. Ю. Павлик¹, Е. В. Токарева²

*¹Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

*²Государственный институт экономики, финансов, права и технологий,
Гатчина, Российская Федерация*

В статье рассматриваются проблемные аспекты, связанные с особенностями доказывания гражданского иска в производстве по уголовным делам, а также с установлением характера и размера вреда, причиненного преступлением.

Рассматриваются вопросы доказывания гражданского иска при расследовании преступлений. Указываются субъекты уголовно-процессуального права, на которых лежит обязанность этого доказывания.

Исследуется судебная практика и проблемы уголовно-процессуального законодательства, касающиеся удовлетворения гражданского иска при разрешении уголовных дел.

Ключевые слова: обвиняемый, предварительное расследование, уголовное дело, суд, следователь, дознаватель, доказывание, гражданский иск, вред.

Для цитирования: Павлик М. Ю., Токарева Е. В. Особенности доказывания гражданского иска в производстве по уголовным делам // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 2 (68). – С. 130–140. DOI 10.35231/18136230_2022_2_130

Features of proving a civil claim in criminal proceedings

Mikhail Yu. Pavlik¹, Ekaterina V. Tokareva²

*¹Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

*²State Institute of Economics, Finance, Law and Technology,
Gatchina, Russian Federation*

The article deals with problematic aspects related to the peculiarities of proving a civil claim in criminal proceedings, as well as with the establishment of the nature and extent of the harm caused by the crime.

The issues of proving a civil claim in the investigation of crimes are considered. The subjects of criminal procedural law who are obliged to prove this are indicated.

The article examines judicial practice and problems of criminal procedure legislation concerning the satisfaction of a civil claim in the resolution of criminal cases.

Key words: accused, preliminary investigation, criminal case, court, investigator, inquirer, proof, civil action, harm.

For citation Pavlik, M. Yu., Tokareva, E. V. (2022). Osobennosti dokazyvaniya grazhdanskogo iska v proizvodstve po ugovolnym delam [Features of proving a civil claim in criminal proceedings]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 2 (68). pp. 130–140. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_2_130

Одной из задач, стоящих перед уголовным судопроизводством является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. В рамках расследования и разрешения уголовного дела данная задача чаще всего реализуется путем удовлетворения судом гражданского иска заявленного потерпевшим (истцом).

Понимание гражданского иска более детально рассматривается в гражданско-правовой науке. Одной из наиболее важных характеристик принято считать основание предъявления иска. Это понятие также применимо и к гражданскому иску в уголовном процессе. Однако в связи со спецификой самой природы данного правового института он имеет существенные особенности. Для того чтобы разобраться в этих особенностях, следует сначала понимать, что подразумевают под основаниями подачи гражданского иска.

Согласно гражданско-правовой теории требования, предъявляемые истцом, не должны быть голословны и должны иметь под собой не только фактическую, но и юридическую базу. В связи с этим основания иска – это юридические факты, на которые опирается истец при предъявлении своих исковых требований.

Для подачи гражданского иска необходимы следующие условия:

- совершенное преступление;
- вред, причиненный истцу;
- обязательное наличие причинной связи между уголовно наказуемым деянием и наступившими последствиями в виде вреда (морального, материального или физического).

В уголовном законодательстве закреплено понятие преступления как совершенного общественно опасного деяния, запрещенного Уголовным кодексом Российской Федерацией под угрозой наказания, по причине чего возникают правоотношения, включая гражданско-правовые. Однако гражданские правоотношения могут быть реализованы только в случае, если эти отношения возникли в результате причинения вреда здоровью, материального ущерба или морального вреда непосредственно совершенным преступлением. Стоит отметить, что некоторые предусмотренные законом обстоятельства, такие как крайняя необходимость и необходимая оборона, исключают противоправность деяния, однако формально содержат в себе признаки преступления. Согласно УК РФ, в случае необходимой обороны, если ее границы не превышены, виновное лицо освобождается от уголовной и гражданско-правовой ответственности. А причинение вреда в случае крайней необходимости исключает уголовную ответственность, при этом гражданско-правовая ответственность компенсации сохраняется в полном объеме, но обращаться за защитой своих нарушенных прав потерпевшему необходимо в порядке гражданского судопроизводства.

Также стоит отметить факт причинения вреда как материального, так и морального невменяемыми лицами либо лицами, уголовная ответственность которых не предусмотрена в силу возраста. В таких случаях данные лица не являются субъектами уголовного права, а отсутствие субъекта влечет за собой и отсутствие преступления. За этих лиц ответственность несет другое лицо (опекун), и за защитой своих прав и интересов также следует обращаться в суд в порядке гражданского судопроизводства.

В УПК РФ различают материальный и нематериальный вред, который может быть причинен истцу.

К материальному вреду относится полная или частичная гибель предмета, повреждения или изменение его свойств таким образом, что дальнейшее его использование постоянно или временно невозможно в связи с потерей потребительской функции. Такое имущество всегда имеет вещевое выражение и обладает своей ценой. Имущественные права истца в таком случае могут быть восстановлены двумя способами:

- возмещение в натуре;
- возмещение установленной стоимости предмета или оплата восстановления предшествующего преступлению состояния.

Нематериальный вред – к нему относят сферу морального вреда, которая выражается в психологических страданиях гражданского истца. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве, в соответствии со ст. 44 УПК РФ, происходит по аналогии с гражданским процессом. Согласно ст. 1101 ГК РФ, моральный вред рассматривается отдельно от материального, возмещается исключительно в денежной форме и не может быть привязан к материальному ущербу. Сумму компенсации, заявленную гражданским истцом, устанавливает непосредственно суд, рассматривающий дело по существу. Стоит отметить, что критерия определения морального вреда нет, что делает каждый случай рассмотрения исключительным, и суду необходимо прибегать к принципам соразмерности.

В УПК РФ четко указано, что обязательным основанием признания гражданского иска в уголовном процессе необходимо установить причинно-следственную связь между понесенным истцом материальным-нематериальным вредом и совершенным преступлением. Причинно-следственная связь имеет следующие признаки:

1. Объективность. Причинная связь не должна полагаться на сознание и не менять своего существа или характера в зависимости от тех представлений, которые складываются в сознании общества или отдельного индивида, от уровня (степени) ее познания.

2. Последовательность. То есть необходима строгая последовательность: преступление – следствие, исходя из которой причиненный вред наступает только во время совершения преступления или непосредственно после.

3. Непосредственность. Необходимо обязательное установление прямой связи причинения вреда преступлением. Преступление должно произвести первичное воздействие на объект посягательства и вызывать следствие (ущерб). Косвенная связь может быть рассмотрена судьей как недостаточной для удовлетворения иска.

4. Юридическая значимость. Само деяние должно создавать уголовное правоотношение и влечь уголовную ответственность.

Если лицо, виновное в совершении преступления, одно, то, как правило, проблем с установлением причинной связи между совершенными деяниями и причиненными последствиями не возникает. Трудности могут возникнуть при установлении конкретной вины каждого лица, если преступление совершено группой.

Согласно п. 10 ч.1 ст. 299 и ст. 309 УПК РФ, вынесение решения по предъявленному гражданскому иску в рамках производства по уголовному делу зависит от признания судом вины подсудимого, если решение гражданского иска выносится одновременно с постановлением приговора. Поэтому, в случае вынесения судьей оправдательного приговора, по причине отсутствия достаточных оснований считать лицо виновным, судья не может удовлетворить предъявленный гражданский иск. Поэтому за оправдательным приговором последует отказ в удовлетворении исковых требований [7, с. 125].

Сам процесс доказывания представляет собой урегулированную УПК РФ деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств, с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения дела.

Доказывание гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства представляет собой специфический правовой институт, опирающийся на уголовно-процессуальное законодательство. Представляется необходимым разделить понятия бремени и обязанности доказывания, которые отличаются в гражданско-правовом институте по своему содержанию.

Отдельные ученые-правоведы высказывают свое мнение по данному вопросу так: «если содержание правоотношения по поводу реализации обязанности доказывания гражданского иска составляет деятельность по собиранию, исследованию и оценке доказательств, то содержание правоотношения по поводу реализации бремени доказывания гражданского иска включает представление предметов и документов, связанных с гражданским иском, обоснование заявленных ходатайств» [6, с. 19].

В уголовном судопроизводстве бремя доказывания по заявленным исковым требованиям возлагается на специально уполномоченных должностных лиц, которыми являются следователь (дознаватель), суд, а, в случае производства по делу частного обвинения – частный обвинитель. Но и здесь присутствует своя особенность: если в искомом требовании истец истребует компенсацию морального вреда, то именно он и обязан предоставить органам предварительного расследования или суду, необходимые доказательства, подтверждающие объективность заявленных требований. То есть в данном случае бремя доказывания переносится на гражданского истца.

В соответствии со ст. 54 УПК РФ гражданский ответчик имеет право представлять доказательства, давать объяснения по существу предъявленного иска или иным образом возражать против него. Но в силу действия принципа презумпции невиновности, предусмотренного ст. 14 УПК РФ, обязанность доказывать свою непричастность к причиненному вреду не может быть возложена на гражданского ответчика. Любые же спорные вопросы по предъявленному исковому требованию будут трактоваться в пользу ответчика. Поэтому, активная позиция истца по данному вопросу будет только в его интересах.

Вопрос о бремени доказывания, связанного с применением норм ГК РФ в уголовном процессе, остается открытым. Ряд ученых считают недопустимым применение норм ГК РФ по вопросам бремени доказывания в уголовном процессе, полагаясь, что сам факт обязанности бремени доказывания гражданского ответчика не соответствует одному из основополагающих принципов презумпции невиновности, что само собой недопустимо. Они полагают, что пассивность лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, хотя и не будет означать их правоту, но возможность доказать свою непричастность предполагается как право, а не обязанность [1, с. 58].

Однако существует и противоположное мнение по данному вопросу, которое мы разделяем, где, главным доводом является позиция, что ответственность за возмещение исковых требований, хотя и решается в рамках уголовного судопроизводства, но в силу своей природы относится к гражданско-правовой ответственности. Современная судебная практика принимает следующую позицию: «презумпция невиновности, закрепленная ст. 49 Конституции РФ распространяется только на обвиняемых, а на гражданских ответчиков распространяется презумпция вины, поскольку об этом прямо сказано в норме гражданского законодательства» [7, с. 125].

Вышеизложенное определение позволяет сделать вывод о том, данная сущность обременения в первую очередь связана с деятельностью должностных лиц по доказыванию.

Но следует отметить, что, несмотря на это, обстоятельства кардинально отличаются от предмета доказывания в уголовном процессе. Предмет доказывания в уголовном процессе в целом имеет уголовно-правовое значение и служит основанием применения уголовно-правовых норм.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию по гражданскому иску в уголовном процессе, все-таки больше относятся к нормам гражданского законодательства, а также пересекаются с нормами иных цивилистических отраслей права. Это позволяет считать обстоятельства, входящие в предмет доказывания по гражданскому иску, в некоторой степени самостоятельными по отношению к другим обстоятельствам, подлежащим установлению в уголовном судопроизводстве.

Большинство ученых приходят к выводу о необходимости системного подхода к обстоятельствам, подлежащим доказыванию. Это обусловливается тем, что каждое доказательство по «цепной системе» приводит к установлению других обстоятельств. Такая система действует и наоборот: если нет установленной связи между действием (бездействием) и последствиями, то и требование удовлетворения гражданского иска по существу отсутствует [5, с. 202].

Также стоит отметить наличие такого фактора, как «предел доказывания», который отображает полноту и достаточность доказывания. То есть процесс доказывания не должен быть поверхностным, что может привести не только к необъективному решению суда, но и к нарушению разумных сроков производства по делу, к так называемой, «волоките» [8, с. 60].

Следователь (дознатель), прокурор или суд, установив, что причинная связь между преступлением и опасными последствиями доказана, обязаны принять меры по обеспечению гражданского иска, при этом абсолютно неважно – заявлен он или, возможно, будет выдвинут позже. Стоит отметить, что, согласно ст.160.1 УПК РФ, принятие всех необходимых мер в обеспечение гражданского иска является обязанностью следователя (дознателя), а не его правом.

Обеспечение гражданского иска подразумевает под собой совокупность норм, направленных на восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевшего. Исходя из этого, конечной целью является достижение реального исполнения решения суда, связанного с возмещением причиненного гражданскому истцу вреда [3, с. 205].

Ряд авторов считают, что под средствами процессуального принуждения для обеспечения гражданского иска следует понимать всю совокупность предпринимаемых при производстве по уголовному делу мер (действий), призванных гарантировать возмещение причиненного преступлением вреда [9, с. 139].

Следователь (дознаватель) должен принять все необходимые меры для того, чтобы возмещение вреда, причиненного преступлением, осуществилось добровольно. Для этого ему необходимо разъяснить обвиняемому положения ч. 1 ст. 61 УК РФ и предложить добровольно возместить ущерб в рамках досудебного производства. При этом следует отметить, что законодателем предусмотрено достаточно широкое толкование ст. 61 УПК РФ, где указывается, что могут быть и «иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему».

Формы возмещения вреда представлены большим разнообразием: это может быть прямая передача денежных средств от виновного лица потерпевшему, возврат предмета в натуре (при этом может быть возвращен как похищенный предмет, так и равнозначный), производство ремонта вещи и восстановление его состояния, предшествующего преступлению и т.д.

Однако не все добровольные меры, принимаемые виновным лицом, могут в полной мере возместить причиненный ущерб. В связи с этим стоит отметить, что процент возмещения ущерба добровольно низок. Также не всегда обвиняемый соглашается на возмещение причиненного преступлением вреда в добровольном порядке. Поэтому в этом случае следователь (дознаватель) должен принять меры принуждения. Одной из таких мер является наложение ареста на имущество подозреваемого, установленного ст. 115 УПК РФ, которое представляет собой процессуальную меру – ограничение права собственника (владельца) распоряжаться арестованным имуществом любым законным способом, в целях обеспечения имущественных взысканий.

Фактически наложение ареста на имущество при отсутствии добровольного соглашения на погашение ущерба является единственной мерой, способной обеспечить заявленные иски требования [4, с. 55].

Процедуре наложения ареста на имущество предшествует кропотливая работа следователя (дознавателя) по установлению достоверной информации о наличии у виновного лица соответствующего имущества. Если имеются объективные данные полагать, что имущество намеренно скрывается, то следователь (дознаватель) в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ дает поручения на проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на поиск указанного имущества. В ходе предварительного расследования зачастую возникает необходимость проверять имущественное положение родственников лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. При установлении данных об имеющемся имуществе за

границей, требуется направление отдельного поручения в НЦБ Интерпол для использования их возможностей. Только при наличии законных на то оснований и выполнении вышеуказанных действий перед судом, выносится ходатайство о наложении ареста на имущество.

Вместе с тем возникает и ряд проблем, связанных с точным определением стоимости подлежащего аресту имущества. Как правило, за стоимость принимается средняя рыночная цена материальной ценности. Но неоднозначным остается вопрос о том, кто должен устанавливать стоимость: специалист из государственного органа или частное лицо [10, с. 110]. Эта проблема проецируется в исках о несогласии взыскателя или должника с заниженной или завышенной оценкой стоимости имущества.

Логично, что данные меры должны быть приняты как можно скорее. Несвоевременность применения мер возмещения ущерба является основной причиной невозможности удовлетворить заявленный гражданский иск. Это связано с необходимостью предотвратить наступление такого рода последствий, когда у гражданского истца фактически будет отсутствовать возможность возместить понесенный им ущерб. Поэтому, наложение ареста должно быть осуществлено, как только будет установлен размер причиненного ущерба и лицо, обязанное этот ущерб возместить.

Противоречия заключаются в том, что часть ученых считают, что наложение ареста на имущество как мера обеспечения гражданского иска, может быть произведено лишь после того, как лицо, совершившее преступление, привлечено в качестве обвиняемого [8, с. 61]. Полагаем, что наиболее эффективно наложение ареста, как обеспечительная мера, достигается тогда, когда она применяются одновременно с возбуждением уголовного дела или сразу после этого [2, с. 16].

Несомненно, проблематике обеспечения гражданского иска должно уделяться более пристальное внимание. Стоит отметить, что именно несвоевременное применение мер обеспечения гражданского иска влечет за собой последствия, существенно нарушающие законные интересы потерпевшего.

За многолетнюю практику применения гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства были выработаны процессуальные нормы, позволяющие максимально снизить возможность судебной ошибки, при этом упростить процедуру подачи гражданского иска для потерпевшего, не ущемив интересы обвиняемого.

Список литературы

1. Аболонин Г.О. Групповые иски в гражданском процессе: дис... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – С. 58.
2. Божьев В.П. Гражданский иск в уголовном деле как предмет уголовно-процессуальных отношений // Российский следователь. – 2011. – № 16. – С. 16.
3. Вдовкин К.В. Проблемы совершенствования процессуальных средств обеспечения гражданского иска на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 205.
4. Джелали Т.И. К вопросу о наложении ареста на имущество в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. – 2016. – № 3 (76). – С. 55.
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – С. 202.
6. Малышева О.А. О целесообразности внедрения медиации в досудебное уголовное производство // Российский следователь. – 2015. – № 17. – С. 19.
7. Осокина Г.Л. Иск (теория и практика). – М.: Новый Юрист, 2007. – С. 125.
8. Самойлова Ж.В. Гарантии и средства процессуального обеспечения гражданского иска в ходе предварительного расследования // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 7-5. – С. 60–61.
9. Сушина Т.Е. Гражданский иск в уголовном деле: от теории к практике // Журнал российского права. – 2016. – № 3. – С. 139.
10. Шараева Я.Т., Мовсисян Я.Г. О проблемах наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – № 3 (90). – С. 110.

References

1. Abolonin, G.O. (2013) *Gruppovye iski v grazhdanskom processe* diss kand yurid nauk [Class actions in civil proceedings: diss... cand. jurid. Sciences]. Yekaterinburg. p. 58. (In Russian)
2. Bozhev, V.P. (2011) *Grazhdanskij isk v ugovolnom dele kak predmet ugovolno-processualnykh otnoshenij* [Civil suit in a criminal case as a subject of criminal procedural relations]. *Rossijskij sledovatel – Russian investigator*. No 16. p. 16. (In Russian)
3. Vdovkin, K.V. (2015) *Problem sovershenstvovaniya processualnykh sredstv obespecheniya grazhdanskogo iska na dosudebnykh stadiyakh ugovolnogo sudoproizvodstva* [Problems of improving procedural means of securing a civil claim at the pre-trial stages of criminal proceedings]. *Vestnik bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Bryansk State University*. No 2. p. 205. (In Russian)
4. Djelali, T.I. (2016) *K voprosu o nalozhenii aresta na imushchestvo v ugovolnom sudoproizvodstve* [On the issue of the seizure of property in criminal proceedings]. *Jurist-Pravoved – Jurist-Pravoved*. No 3 (76). p. 55. (In Russian)
5. *Kurs ugovolnogo processa* [Course of criminal procedure] / pod red. L.V. Golovko (2017). 2e izd. Ispr. Moscow: Statut. p. 202. (In Russian)
6. Malysheva, O.A. (2015) *O celesoobraznosti vnedreniya mediacii v dosudebnoe ugovolnoe proizvodstvo* [On the feasibility of introducing mediation in pre-trial criminal proceedings]. *Rossijskij sledovatel – Russian investigator*. No 17. p. 19. (In Russian)

7. Osokina, G.L. (2007) *Isk teoriya i praktika* [Isk (theory and practice)]. Moscow: New Lawyer, p. 125. Novyj yurist (In Russian)

8. Samoylova, Zh.V. (2016) *Garantii i sredstva processualnogo obespecheniya grazhdanskogo iska v khode predvaritelnogo rassledovaniya* [Guarantees and means of procedural support of a civil claim during a preliminary investigation]. *Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tekhnologii – Modern trends in the development of science and technology*. No 7-5. pp. 60–61. (In Russian)

9. Sushina, T.E. (2016) *Grazhdanskij isk v ugovnom dele ot teorii k praktike* [Civil suit in a criminal case: from theory to practice]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. No 3. p. 139. (In Russian)

10. Sharaeva, Ya.T., Movsisyan, Ya.G. (2019) *O problemakh nalozheniya aresta na imushchestvo v ugovnom sudoproizvodstve yurist pravoved* [On the problems of seizure of property in criminal proceedings]. *Jurist-Pravoved – Jurist-Pravoved*. No 3 (90). p. 110. (In Russian)

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship indivisible.

Об авторах

Павлик Михаил Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: pavlik-mu@mail.ru

Токарева Екатерина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, Гатчина, Российская Федерация, e-mail: ekaterina.tokareva.75@mail.ru

About the authors

Mikhail Yu. Pavlik, Dr. Sci (Law), Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: pavlik-mu@mail.ru

Ekaterina V. Tokareva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina, Russian Federation, e-mail: ekaterina.tokareva.75@mail.ru

Поступила в редакцию: 11.05.2022

Received: 11 May 2022

Принята к публикации: 26.05.2022

Accepted: 26 May 2022

Опубликована: 30.06.2022

Published: 30 June 2022

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Статья / Article

УДК / UDC 342.56 : 342.6

DOI 10.35231/18136230_2022_2_141

Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели Часть III. Место суда в политико-правовой системе Советской России

В. П. Очередько

*Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье продолжается исследование сложного и противоречивого процесса развития российской модели отделения судебной власти от исполнительной. Предшествующие работы [9; 10] касались анализа историко-правовых основ отделения суда от администрации на ранних этапах становления государственности в России, включая пореформенную Россию. В статье анализируются революционные преобразования, направленные на отрицание демократических принципов, провозглашенных и в значительной мере реализованных судебной реформой 1864 г., принципиальное изменение роли и места суда в советской политико-правовой системе, базирующейся на провозглашении всевластия Советов и фактическом доминировании партийных органов.

Рассматривается развитие идеологических оснований новой роли суда, обусловивших его место в системе правоохранительных органов, развитие форм судебного управления, а также партийное руководство как элементы содержательной характеристики места и роли суда в политико-правовой системе советской России.

Проведенный анализ позволил определить определенную преемственность государственного руководства судебной системой советской России с предшествующим периодом развития страны, состоящей в восприятии старых институтов исполнительной власти в лице Министерства юстиции с постепенным разрастанием бюрократических процедур и бюрократического аппарата.

Ключевые слова: суд, судебное управление, судебные кадры, исполнительная власть, министерство, советы.

Благодарности. Следует поблагодарить юристов, исследователей юридической науки, глубоко анализирующих сложный процесс становления суда в политико-правовой системе советского периода России и внесших свой вклад в преодоление многих клише в понимании этого процесса.

Для цитирования: Очередыко В.П. Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели. Часть III. Место суда в политико-правовой системе Советской России // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 2 (68). – С. 141–157. DOI 10.35231/18136230_2022_2_141

**Separation of Judicial Power from Executive Power:
Historical Vicissitudes of the Russian Model
Part III. The place of the court in the political and legal system
of Soviet Russia**

Viktor P. Ocheredko

*North-West branch of the Russian state university of justice,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The author continues to consider the complex and contradictory process of development of the Russian model of separation of judicial power from executive power. The previous articles [9; 10] were devoted to the analysis of the historical and legal foundations of the separation of the court from the administration at the early stages of the formation of statehood in Russia, including post-reform Russia. The paper analyzes the revolutionary transformations aimed at denying the democratic principles proclaimed and largely implemented by the judicial reform of 1864, the fundamental change in the role and place of the court in the Soviet political and legal system based on the proclamation of the omnipotence of the Soviets and the actual dominance of party organs.

The author considers the development of the ideological foundations of the new role of the court, which determined its place in the system of law enforcement agencies, the development of forms of judicial management, as well as party leadership as elements of the substantive characteristics of the place and role of the court in the political and legal system of Soviet Russia.

The analysis made it possible to determine a certain continuity of the state leadership of the judicial system of Soviet Russia with the previous period of the country's development, consisting in the perception of the old institutions of executive power in the person of the Ministry of Justice with the gradual expansion of bureaucratic procedures and the bureaucratic apparatus.

Key words: court, judicial administration, judicial personnel, executive power, ministry, councils.

Thanks. It is necessary to thank lawyers, researchers of legal science who deeply analyze the complex process of the formation of the court in the political and legal system

of the Soviet period of Russia and contributed to overcoming many cliches in understanding this process.

For citation: Ocheredko, V.P. (2022). Otdeleniye sudebnoy vlasti ot ispolnitel'noy vlasti: istoricheskiye peripetii rossiyskoy modeli Chast' III. Mesto suda v politiko-pravovoy sisteme sovetskoy Rossii [Separation of Judicial Power from Executive Power: Historical Vicissitudes of the Russian Model. Part III. The place of the court in the political and legal system of Soviet Russia]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 2 (68). pp. 141–157. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_2_141

Введение

Отделение суда от администрации на предшествующих стадиях политико-правовой трансформации России происходило в рамках судебных реформ, которые мы анализировали (Петровская, Екатерининская, Великая судебные реформы). В пореформенной России, как известно, была сформирована судебная власть как самостоятельная в институциональном, юрисдикционном и процессуальном аспектах, разработаны развитые формы взаимодействия суда и административной власти.

Новый этап во взаимоотношениях суда и исполнительной власти наступил с осуществлением революционных преобразований 1917 г. Созданное на коммунистической идее государство предложило новую модель общественного развития. Кардинальные преобразования во всех сферах общественного устройства страны революционным образом отразились на судах. Понятие «судебная власть» было отброшено как буржуазная идея, как и сам принцип разделения властей как способ организации государственной власти. В нормативной лексике того времени они просто отсутствовали, в научном обороте использовались лишь в контексте критического анализа буржуазных теорий.

Развитие преобразовательных процессов со всей очевидностью показало соотношение явлений «суд» и «судебная власть». Эти явления тесно связаны своей государственной природой, но не тождественны друг другу разным ее отображением. Суд характеризует содержание государственной власти, судебная власть характеризует способ ее организации. Поэтому они характеризуются различными историческими временными параметрами, исторической динамикой. Суд существует до тех пор, пока существует государство, судебная власть – пока реализуется такой способ государственного устройства, как разделение властей.

Пролетарская революция в России провозгласила, как известно, новый способ организации государственной власти – вся власть Советам.

Это положило конец разделению властей, предопределило судьбу судебной власти. Однако формирование новой государственной власти на новых идеях не отрицало наличие суда как органа государственной власти. Суду придавалось важное значение в революционных преобразованиях. В числе первых декретов советской власти был принят Декрет о суде №1, дополненный впоследствии Декретами о суде №2 и №3. Судебные органы формируются советской властью как элемент жестко централизованного государственного механизма под идеологическим и организационно-кадровым контролем партийных органов.

Теоретико-идеологические основания

В основу создаваемого государственного механизма была положена концепция всевластия Советов, которым принадлежала полнота государственной власти. Существование самостоятельных законодательных, исполнительных и судебных органов рассматривалось не более как форма делового разделения труда [8], разделению их полномочий не придавалось особого значения. Смещение функций различных государственных органов обозначилось с первых лет советской власти. Нарком юстиции Н. В. Крыленко указывал на отсутствие разницы между указом и законом, между декретом Совнаркома и декретом ВЦИКа, когда «сам Совнарком издает декреты, хотя он, якобы, только исполнительная власть» [5, с. 31]. Законодательные полномочия Совнаркома как высшего органа исполнительной власти проявились применительно к судебной системе. Ее основы, как известно, были заложены Декретом о суде №1, принятом Совнаркомом 24 ноября 1917 г., минуя ВЦИК¹.

Создаваемый новый государственный организм, предназначенный для решения задач диктатуры пролетариата, нуждался в новом суде, которому отводилось совсем другое место. Новой власти был не нужен независимый орган власти. От него требовалась согласованная работа в качестве исполнительного органа советской власти по решению задач пролетарского государства, так же как и другого органа власти.

Выполняемая судом функция правосудия рассматривалась в качестве структурного элемента правоохранительной функции государства. Это лишало суд специфики в определении целей и задач функциониро-

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. 1917. № 4. Ст. 50. 19.

вания, отражающих предметное содержание правосудия как формы государственной деятельности, предопределяло его включение в единую систему правоохранительных органов. Суд являлся лишь завершающим звеном этой системы, выполняющей функцию, по мнению А. Я. Вышинского, «ограждения завоеваний революции и установленного ею правопорядка» [2, с. 55].

В течение длительного периода действовали ведомственные нормативные акты, накладывающие ограничения на суды в их взаимодействии с другими правоохранительными органами. Примером такого акта является изданный в 1949 г. циркуляр НКВД СССР, в котором органы прокуратуры и суды обязывались предварительно согласовывать с органами НКВД освобождение арестованных по делам, ведущимся этими органами.

Наиболее очевидно функциональная сопряженность судебных и исполнительных органов проявлялась на ранних этапах советской власти, когда органы юстиции не только создавали и упраздняли суды, разрабатывали нормативную базу и контролировали их деятельность, но также обладали полномочиями по прямому вмешательству в решения по конкретным делам.

Новые суды, начиная с Декрета о суде №1, находились в тесных организационных отношениях с местными Советами. Это вело к повсеместному вмешательству в судебное разбирательство под различными предлогами. Центральные власти предпринимали усилия по ограничению вмешательства местных органов власти в деятельность судов, исходя из понимания опасности появления волостного и районного правосудия. Вместе с тем, преодоление этой проблемы виделось не на путях изменения его места в государственном механизме. Предпринимались меры по повышению уровня избрания и освобождения судей от должности (с уровня местных (волостных, районных) исполкомов на уровень губернских исполкомов Советов), установлению надзора Народного комиссариата юстиции РСФСР (далее – Наркомюста) за отзывом судей и другие.

Подобное положение судов, несмотря на существующие издержки, рассматривалось в качестве одного из основных отличительных признаков пролетарского суда от суда буржуазного и его очевидным достоинством, создающим преимущества советского государства, обеспечивая реализацию идей и решений исполнительной власти. В целом отрицание

принципов разделения властей и независимости суда было определяющей идеей в течение практически всего периода существования Советской власти и получило практическое отражение в создании советской модели руководства судебной системой.

Нельзя не отметить, что принцип независимости судей и подчинения их только закону получил свое закрепление в Конституции СССР 1936 г. (ст. 112). Однако эта норма не имела механизмов его реализации как в этом документе, так и во всех последующих. Конкретизация конституционных установлений, в частности в Законе СССР «О судеустройстве СССР» 1938 г., в виде формулирования партийно-идеологических и организационно-функциональных принципов советского правосудия не изменила реального положения судей в созданном государственном механизме.

Важной чертой идеологических оснований, определяющих развитие судов в советский период, являлась активная роль неправовых, т. е. не облеченных в правовую форму, установок, сосуществующих с правовыми основами. По мнению видных советских ученых-юристов, признание всемогущества государства в сфере создания и поддержания правовой формы (общеобязательность закона, сила судебного решения) не отрицает силу государства также и «вне всяких юридических форм» [11, с. 12]. Такой внеюридической формой государственного воздействия на деятельность суда, на наш взгляд, являлось провозглашение революционной законности, предполагавшей исполнение закона на основе революционного правосознания, с учетом революционного смысла применяемого закона.

Определенное обобщение положения суда в советской государственности осуществлено в Концепции судебной реформы РСФСР¹, прямо определяющей суды как важный элемент командно-административной системы руководства страной, являющийся проводником ее воли.

Развитие советской модели судебного управления

Советское государство всегда было заинтересовано в существовании эффективного суда. Забота об этом постоянно воспроизводилась во всех партийных и советских документах с первых шагов советской власти.

¹ О концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 31.10.1991 г. № 44. Ст. 1435.

Требование усиления судов было отражено в резолюции XI Всероссийской конференции РКП(б): «Судебные учреждения Советской республики должны быть подняты на соответствующую высоту»¹. При этом решение задачи, имеющей серьезное практическое значение, рассматривалось, как мы указывали, не на путях повышения самостоятельности судов и независимости судей, а за счет создания и совершенствования системы управления судами и усиления партийного руководства.

Судебное управление как сфера государственной деятельности в России осуществлялось и достаточно детально анализировалось еще до революции [3]. Термин получил легальное существование в нескольких положениях об органах юстиции в 20-е гг. Проблемы строительства советской модели судебного управления глубоко анализируются сегодня [1; 4; 12; 14]. Судебное управление, прежде всего, представляет собой составную часть государственного управления, осуществляемую в судебной сфере и реализуемую в различных масштабах, формах и методах. Понятно, что судебное управление как явление в своих чертах имеет национальные признаки, эволюционирует в своих субъектах, формах и методах под воздействием многих факторов.

В создании и развитии советской системы судебного управления проявляется, на наш взгляд, определенная преемственность государственного руководства судебной системой советской России с предшествующим периодом развития страны. Суть преемственности заключалась в восприятии старых институтов исполнительной власти в лице Министерства юстиции с постепенным разрастанием бюрократических процедур, бюрократического аппарата и подключении местных органов власти. Существенная специфика советского варианта судебного управления проявлялась в идеологическом обосновании, изменении субъектов судебного управления и всеобъемлющем партийном патронаже. Таким образом, следует говорить о создании новой, советской модели судебного управления на новом этапе развития российской государственности.

Субъектами судебного управления являлись органы юстиции, местные органы власти и судебные органы в разном соотношении компетенций и роли на различных этапах развития советской судебной системы.

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 9-е. изд. М., 1983. Т. 2. С. 471–472.

Сложный и противоречивый поиск наиболее оптимальных форм судебного управления в рамках изменения соотношении объема функций исполнительных и советских органов власти, судов под партийным «патронажем» являлся важным моментом развития судебной системы.

Важно понимать, что вплоть до 1922 г. в стране сосуществовали народные суды и революционные трибуналы, деятельность которых развивалась в значительной мере на различных идейных основаниях, они функционировали обособленно, под разной степенью контроля местных органов власти и Наркомюста. При этом Наркомюст не только контролировал и организовывал деятельность судов, но и пытался направлять деятельность местных органов власти в этой сфере.

В системе исполнительных органов Наркомюсту отводилось центральное место как административному органу государственного управления, отвечающему за подведомственную сферу государственной деятельности. Несмотря на то, что формально народные суды и революционные трибуналы не были подчинены Наркомюсту, он с момента создания 25 октября 1917 г. рассматривался как орган управления судами, последовательно сосредоточивая у себя значительную часть прямого и повседневного руководства судами, а позже и судебного надзора. По положениям «О народном суде РСФСР» (1920), а позднее, «О высшем судебном контроле» (1921) Наркомюст был наделен правом высшего судебного контроля, включавшим, помимо общего надзора, также право признания не имеющими законной силы судебных приговоров или решений, уже вступивших в законную силу, в случае их противоречия не только законодательству, но и «общей политике рабоче-крестьянского Правительства», разрешение вопроса о возобновлении судебных дел. Тем самым Наркомюст превращался, по сути, в квазисудебный орган.

Система судебного управления начала складываться в рамках осуществления Судебной реформы 1922 г., в соответствии с принятым Положением о судеустройстве (1922), когда было ликвидировано раздвоение советской юстиции на народные суды и революционные трибуналы, создана единая система судебных органов (Верховный суд РСФСР, губернский суд, народный суд), учреждены в качестве временно действующих специальные суды. Было введено понимание нижестоящих и вышестоящих судов с установлением субординационной подчиненности между ними как в вопросах судебного надзора, так и судебного управления.

Наркомюст утратил функцию надзора за судами, которая перешла новому органу – Верховному суду РСФСР. Были также реорганизованы местные (губернские) учреждения юстиции, вместе с которыми были ликвидированы и функции местного судебного управления. Эти функции перешли к губернским судам, наделенным, помимо полномочий осуществления правосудия, также и организационно-административными полномочиями. Вместе с тем, Наркомюст оставался центральным административным органом судебного управления, осуществлявшим общее руководство и организацию деятельности судебных учреждений на территории РСФСР¹. При этом законодательство недостаточно четко разграничивало компетенцию в области судебного управления между центральным аппаратом Наркомюста и Верховным судом РСФСР. В результате проявившейся неопределенности развернулась острая дискуссия по поводу разграничения их предметов ведения. Высказывались противоположные позиции: от возвращения судебного управления в «лоно» Наркомюста до передачи функций судебного управления Верховному суду РСФСР.

В 1927 г. Верховным судом РСФСР, который отстаивал самостоятельность судебной системы с момента своего образования, был представлен законопроект о реорганизации судебного управления в его интересах, подвергнутый критике, прежде всего, со стороны Наркомюста. Критика предложения сводилась к тому, что его реализация означала бы «... прямой подрыв основного принципа о приоритете НКЮ как органа правительства, руководившего судами и отвечающего за судебную политику»². Этот аргумент предопределил кратковременный период сворачивания объема полномочий исполнительных органов в судебной сфере и был положен в основу последующих решений.

Возникающие вопросы о разграничении предметов ведения в сфере судебного управления были устранены Положением о судоустройстве РСФСР (1926). В нем совершенно определенно указывалось, что Наркомюст является органом, осуществляющим общее руководство, организацию, а также ревизию и инструктирование всех судебных учреждений. Органом регионального судебного управления определялся региональ-

¹ Положение о Народном Комиссариате Юстиции: декрет ВЦИК РСФСР от 1 февраля 1923 года. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki>

² Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12/13. С. 298.

ный (краевой, областной) суд. Институциональную завершенность эти изменения получили в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 30 января 1928 г. «О порядке руководства судебными органами», в котором Наркомюст был определен главным субъектом судебного управления и наделен широким кругом полномочий в этой сфере. Верховный суд РСФСР потерял свою институциональную самостоятельность. Председатель Верховного суда РСФСР становится заместителем Народного комиссара юстиции по линии судебных органов. Было установлено, что все директивные указания общего характера судам исходят от Наркомюста через Верховный суд или от Верховного суда с санкции Наркомюста. В принятом в 1929 г. Положении о Наркомюсте РСФСР прямо указано, что Верховный суд РСФСР входит в состав его аппарата.

В стране сложилась система разделения функций, по которой задачи судебного надзора полностью передавались в руки Верховного суда РСФСР, а задачи судебного управления были сосредоточены в центральном аппарате Минюста и аппарате краевых (областных) судов.

В ходе широких дискуссий, связанных с подготовкой новой Конституции СССР, стали активно обсуждаться вопросы взаимоотношений союзных и республиканских органов юстиции и суда, в частности, оформление судебных органов в самостоятельную структуру вне системы Наркомюста РСФСР. С принятием Закона о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик (1938) произошло окончательное оформление судебной системы как самостоятельной структуры, лишение ее функций судебного управления на всех уровнях. Весь широкий круг функций в этой сфере был сосредоточен в Наркомюсте РСФСР, который осуществлял их через свои управления, образованные при краевых (областных) Советах депутатов грудящихся.

Существенным этапом в поиске новых форм взаимодействия судов и органов исполнительной власти и советских органов явилась судебная реформа 1956–1964 гг. [11], включающая очередную реорганизацию судебного управления. В рамках общей либерализации государственной политики, включающей децентрализацию госаппарата, были последовательно упразднены общесоюзное и республиканские министерства юстиции. Тем самым были ликвидированы специализированные органы судебного управления, а полномочия по судебному управлению были возвращены в судебную систему. Реализована была идея, отстаиваемая

Верховным судом РСФСР еще в 20-е гг., что «...управлять судебной деятельностью должен суд, а не орган, оторванный от суда» [6]. Эта реформа, впрочем, никоим образом не изменила характер взаимоотношений партийных органов и судов.

Верховный суд РСФСР был наделен полномочиями по организационному руководству нижестоящими судами, его штат был увеличен на шесть судей и введена должность заместителя председателя Верховного суда РСФСР¹. Судебное управление в отношении районных (городских) народных судов было возложено на верховные суды автономных республик, краевые, (областные) и приравненные к ним суды.

Реорганизация судебного управления проявилась в том, что функции, ранее сосредоточенные в Минюсте и содержащие различные виды обеспечения, оказались распределены по различным ведомствам. Это привело к безусловному уменьшению зависимости судов от органов исполнительной власти, но одновременно с этим переместило эту зависимость на уровень местных органов власти (советов) в силу того, что ряд функций, в частности материально-техническое обеспечение судов, подбор кадров на должности судей и работников аппарата, организация выборов судей, были переданы местным советским органам. Впрочем, весьма скоро стало очевидным, что они не справляются с возложенными задачами в силу отсутствия для этого соответствующих ресурсов.

Кроме того, в результате совмещения управленческой и судебной функций в деятельности судов обнаружились новые, вертикально иерархизированные связи в судебной системе, судебный надзор дополнился административным надзором, не всегда позитивно влияющим на качество правосудной деятельности.

Необходимость решения нарастающих проблем, связанных с ликвидацией органов юстиции и задействованием местных органов власти в руководстве и обеспечении деятельности судов, была быстро осознана. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» от 30 июня 1970 г., была восстановлена система органов юстиции. При этом были предприняты шаги по изменению взаимодействия судов и органов юстиции. Последние должны были осуществлять уже не «судебное управление», а «организационное руководство судами». На этой основе

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1963. № 26. Ст. 459.

в 70-е годы начала складываться модель разделенного управления судами. Органы юстиции наделялись ограниченными правами производить проверку деятельности судов. Минюст РСФСР разрабатывал также многочисленные нормативные акты по вопросам организации работы в судах (к примеру, инструкции по делопроизводству в судах, о статистической отчетности судов и иных правовых актов), необходимых для успешной деятельности судов.

Начавшиеся в стране (1985 г.) политические и демократические преобразования обусловили начало кардинальных изменений в положении судов. На органы юстиции вместо «организационного руководства судами» возлагалось только «организационное обеспечение деятельности судов». Принципиальное изменение состояло в том, что органы юстиции во взаимоотношениях с судами должны были опираться не на командно-административные методы, а ориентироваться на содействие судам в их деятельности. Это являлось важным ориентиром на пути утверждения самостоятельной и независимой судебной власти.

Органы юстиции лишились также права проведения в судах проверок, а с принятием 4 августа 1989 г. Закона «О статусе судей в СССР» утратили и возможность привлечения судей к дисциплинарной ответственности.

Происходящие изменения характеризовали становление системы внутреннего управления судебными органами. Важную роль в этом процессе сыграло принятие в 1989 г. Закона СССР «О статусе судей в СССР». В нем впервые были обозначены институты и инструменты внутреннего управления, являющиеся прототипом современных органов судейского сообщества и во многом предвосхитившие целый ряд шагов судебной реформы, осуществляемой позднее, уже в условиях демократической России.

Партийное руководство судами

В осуществлении судебной кадровой политики участвовали три властных структуры: Министерство юстиции в лице отдельных подразделений; органы советской власти, прежде всего их исполкомы; партийные органы, а именно, Центральный комитет партии и региональные (краевые, областные) комитеты партии. Тем не менее, можно со всей определенностью сказать, что партия монополизировала судебную кадровую политику.

Партийные органы неизменно, начиная с первых лет советской власти, держали под неусыпным контролем судебные кадры. Такое внимание обосновывалось тем, что суд рассматривался важным органом советского строительства. Он мог быть надежным инструментом осуществления коммунистической политики лишь при условии серьезного отношения партии к подбору судебных кадров.

Партийное руководство сопровождало советских судей на протяжении всей карьеры и в значительной мере воспринималось как норма. Партийные органы играли определяющую роль в формулировании требований к кадровому составу судов и критериям отбора кандидатов на должности судей, согласовывали избрание и смещение судей. Кандидаты в народные судьи проходили собеседование в партийных органах и инструктажи перед встречами с избирателями.

Следует отметить, что ни в одном нормативном акте не было закреплено требование партийности судьи, однако предпринимались шаги по «укреплению» судов партийными кадрами. Это являлось предметом постоянной заботы партийных органов всех уровней. Ими периодически принимались решения о выделении коммунистов для укомплектования партийными силами народных судов¹.

Сложившийся порядок подбора судебных кадров обуславливал нарастающую партийность судебных кадров по мере становления советской власти. В результате к середине 80-х гг. XX в. уровень партийности судей в народных судах составлял более 86%, последовательно повышаясь в судах более высокого уровня, дойдя до сплошной партийности судей Верховного суда РСФСР [15]. Как видим, в поздний советский период отсутствие у судьи членства в КПСС было, скорее, исключением.

Важно отметить отсутствие законодательного закрепления участия партийных органов в мероприятиях по формированию судебного корпуса. Оно осуществлялось на основе партийных решений, выполняющих нормативную роль уже в силу того, что воспринимались судебными органами и судьями в качестве обязательных для исполнения. Обязательность исполнения судебными органами партийных решений основывалась на партийности судей. Партийность судьи во многом определяла его статус в судебной среде, продвижение по карьерной лестнице.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 34. Д. 346. Л. 19.

Наглядным примером завершенного партийного «освоения» судебных органов является сформулированное в ходе академических дискуссий предложение, направленное на укрепление независимости суда – народных судей коммунистов «ставить на партучет не в райкоме, горкоме, а в вышестоящем партийном органе» [7].

Если отбросить революционный максимализм раннего периода советской власти, следует признать, что независимость судей официально никогда не ставилась под сомнение. Высшие партийные инстанции, осуществляя общее партийное руководство судебной сферы, время от времени «одергивали» позволявших себе открыто командовать судами местных руководителей, указывая на недопустимость вмешательства в судебное разбирательство конкретных дел¹. Однако при этом решения и рекомендации партийно-государственных органов продолжали определять первостепенные задачи судебных органов в части обеспечения отправления правосудия. Это находило отражение в руководящих судебных документах, которые, помимо вопросов применения законодательства, были насыщены ссылками и обращениями к партийным документам. В них неизменно указывалось на руководящую роль КПСС в деятельности судов, ставились задачи по обеспечению всестороннего взаимодействия с партийными органами, указывалось на необходимость единообразного понимания судьями политики КПСС и советского правительства в сфере осуществления правосудия.

Эта отражала противоречивость партийных установок – стремление к укреплению правопорядка, развитию судебных органов наталкивалось на практически невыполнимое требование контролировать и руководить этой сферой. Признание, может быть запоздалое, противоречивости партийной политики в этой сфере в решениях XIX Всесоюзной конференции КПСС положило начало принятию ряда законодательных актов, провозгласивших самостоятельность и независимость судов и судей и недопустимость влияния на них партийных и государственных органов.

¹ О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан: постановление ЦК КПСС от 20 ноября 1986 г.

Заключение

Строительство советского государства на принципиально других идеологических основаниях предопределило новое место и роль судебных органов в государственном механизме. Произошла потеря специфики в определении целей и задач функционирования, включение судов в единую систему правоохранительных органов с сохранением организационной и юрисдикционной обособленности. Это обусловило развитие советской модели взаимодействия суда с другими органами государственной власти.

При всей революционности происходивших изменений в этой сфере можно отметить определенную преемственность государственного руководства судебной системой советской России с предшествующим периодом развития страны. Суть преемственности заключалась в восприятии старых институтов исполнительной власти в лице Министерства юстиции с постепенным разрастанием бюрократических процедур и бюрократического аппарата и подключении местных органов власти.

Существенная специфика советского варианта судебного управления проявлялась в идеологическом обосновании, изменении субъектов судебного управления и партийном «патронаже».

Субъектами судебного управления являлись органы юстиции, местные органы власти и судебные органы. На разных этапах советского строительства развитие судебного управления происходило в рамках изменения их компетенций и роли. Выбор приоритетов в судебном управлении неизменно осуществлялся в условиях сложного согласования существующих стимулов и ограничений. При этом каждый раз обнаруживаются изъяны в выбранной организационно-правовой форме. Это подтверждает известную всем истину, что идеальных форм развития, в том числе в государственно-правовой сфере, не бывает.

Список литературы

1. Абдулин Р.С. Общая характеристика и модели судебного управления в РСФСР (1917–1998 гг.) // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 1. – С. 138–202.
2. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М.: Юридическое издательство НАРКОМЮСТА РСФСР, Москва, 1927. 219 с.
3. Ивановский В.В. Государственное право // Известия и ученые записки Казанского университета. По изданию № 5 1895 года. – № 11 1896 года. Репринтное изд-е. Редактирование Allpravo.Ru. – 2004.
4. Казаков А. И. Органы судебного управления РСФСР в период с 1930 по 1970 год: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1984.

5. Крыленко Н. В. Судустройство РСФСР (лекции по теории и истории судустройства). – М., 1923. – С. 31.
6. Куликов В. В. Постоянно совершенствовать организацию работы судов // Бюллетень Верховного суда СССР. – 1964. – № 5. – С. 3.
7. Лазарев Б.М. «Разделение властей» и опыт Советского государства // Социалистическое правовое государство: Проблемы и суждения / Академия наук СССР. Институт государства и права. – М., 1989. – С. 146–159.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 5. – С. 203.
9. Очередыко В. П. Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели. Часть I. Начала отделения судов от администрации в дореформенной России (до судебной реформы 1864 года) // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 3(61). – С. 47–60.
10. Очередыко В. П. Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели. Часть II. Отделение судебной власти от исполнительной в пореформенной России // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – № 1(63). – С. 31–49.
11. Пашуканис Е. Марксистская теория права и строительство социализма // Революция права. – 1927. – № 3. – С. 10–14.
12. Свечникова Л. Г., Штепа Е. В. Организационно-правовые основы взаимодействия органов судебного управления и Верховного суда в России: историко-правовой аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 1(12). – С. 97–105.
13. Серов Д.О. Забытая страница истории государства и права СССР: судебная реформа 1956–1964 годов // Вестник Новосибирского государственного университета (НГУ). Серия: Право: Т. 2. – Вып. 2. – 2006. – С. 43–53.
14. Смыкалин А.С. Деятельность Народного комиссариата юстиции РСФСР в области судебного управления в 20-е гг. // Правовые проблемы истории государственных учреждений: Межвузовский сб. науч. трудов. – Свердловск, 1983.
15. Щедрина Ю.В. Принадлежность судей к политическим партиям и вопросы обеспечения судейской независимости в России: историко-правовой аспект // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 5. – С. 99–111.

References

1. Abdulin, R.S. (2016) *Obshhaya charakteristika i modeli sudebnogo upravleniya v RSFSR (1917–1998 gg.)*. *Genesis: istoricheskie issledovaniya – Genesis: historical research*. No 1. pp. 138–202. (In Russian).
2. Vy`shinskij, A.Ya. (1927) *Kurs ugolovnogo processa*. Moskva: Yuridicheskoe izdatel`stvo NARKOMYUSTA RSFSR, Moskva, 219 p. (In Russian).
3. Ivanovskij, V.V. (2004) *Gosudarstvennoe pravo* // *Izvestiya i ucheny`e zapiski Kazanskogo universiteta*. Po izdaniyu № 5 1895 goda. No 11 1896 goda. Reprintnoe izd-e. Redaktirovanie Allpravo.Ru. (In Russian).
4. Kazakov, A. I. (1984) *Organy` sudebnogo upravleniya RSFSR v period s 1930 po 1970 god: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk*. Sverdlovsk. (In Russian).
5. Kry`lenko, N. V. (1923) *Sudoustrojstvo RSFSR (lekcii po teorii i istorii sudoustrojstva)*. Moskva, p. 31. (In Russian).
6. Kulikov, V. V. (1964) *Postoyanno sovershenstvovat` organizaciyu raboty` sudov*. *Byulleten` Verxovnogo suda SSSR – Bulletin of the Supreme Court of the USSR*. No 5. p. 3. (In Russian).

7. Lazarev, B.M. (1989) «Razdelenie vlastej» i opy`t Sovetskogo gosudarstva // *Socialisticheskoe pravovoe gosudarstvo: Problemy` i suzhdeniya / Akademiya nauk SSSR. Institut gosudarstva i prava. Moskva*, pp. 146–159. (In Russian).
8. Marks, K., E`ngel`s F. Soch. 2-e izd. T. 5. P. 203. (In Russian).
9. Ochered`ko, V. P. (2020) Otdelenie sudebnoj 6lasti ot ispolnitel`noj 6lasti: istoricheskie peripetii rossijskoj modeli. Chast` I. Nachala otdeleniya sudov ot administracii v doreformennoj Rossii (do sudebnoj reformy` 1864 goda). *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 3(61). pp. 47–60. (In Russian).
10. Ochered`ko, V. P. (2021) Otdelenie sudebnoj vlasti ot ispolnitel`noj vlasti: istoricheskie peripetii rossijskoj modeli. Chast` II. Otdelenie sudebnoj vlasti ot ispolnitel`noj v poreformennoj Rossii. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 1(63). pp. 31–49. (In Russian).
11. Pashukanis, E. (1927) Marksistskaya teoriya prava i stroitel`stvo socializma. *Revoluciya prava – Revolution of law*. No 3. pp. 10–14. (In Russian).
12. Svechnikova, L. G., Shtepa, E. V. (2012) Organizacionno-pravovy`e osnovy` vzaimodejstviya organov sudebnogo upravleniya i Verhovnogo suda v Rossii: istoriko-pravovoj aspekt. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*. No 1(12). pp. 97–105. (In Russian).
13. Serov, D.O. (2006) Zaby`taya stranicza istorii gosudarstva i prava SSSR: sudebnaya reforma 1956–1964 godov. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta (NGU). Seriya: Pravo – Bulletin of the Novosibirsk State University (NGU). Series: Right: Vol. 2. Vy`pusk 2*. pp. 43–53. (In Russian).
14. Smy`kalin, A.S. (1983) Deyatel`nost` Narodnogo komissariata yusticii RSFSR v oblasti sudebnogo upravleniya v 20-e gg. // *Pravovy`e problemy` istorii gosudarstvenny`x uchrezhdenij: Mezhvuzovskij sb. nauch. trudov. Sverdlovsk*. (In Russian).
15. Shhedrina, Yu.V. (2016) Prinadlezhnost` sudej k politicheskim partiyam i voprosy` obespecheniya sudejskoj nezavisimosti v Rossii: istoriko-pravovoj aspekt. *Genesis: istoricheskie issledovaniya – Genesis: historical research*. No 5. pp. 99–111. (In Russian).

Об авторе

Виктор Пантелеевич Очередько, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: ocheredkovp@mail.ru

About the author

Viktor P. Ocheredko, Dr. Sci (Law), professor, North-West branch of the Russian state university of justice Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: ocheredkovp@mail.ru

Поступила в редакцию: 11.05.2022

Received: 11 May 2022

Принята к публикации: 26.05.2022

Accepted: 26 May 2022

Опубликована: 30.06.2022

Published: 30 June 2022

УДК / UDC 343

DOI 10.35231/18136230_2022_2_158

Анализ состояния законности в прокурорской деятельности: теория и практика

Д. В. Шабаров

*Прокуратура г. Санкт-Петербурга,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье отражены теоретические и практические основы аналитической деятельности, осуществляемой в органах и организациях прокуратуры России.

Цель и задачи анализа состояния законности – повышение эффективности и результативности прокурорской деятельности прокуратуры РФ.

Приведены некоторые аспекты оптимизации деятельности прокуратур субъектов, а также алгоритм восстановления нарушенной законности.

Проанализированы результаты исследования содержательной составляющей представлений о прокурорской деятельности у вновь принятых прокурорских работников, указывающего на приоритетность анализа состояния законности в когнитивной иерархии в процессе практико-ориентированного обучения в системе повышения квалификации прокуратуры России.

Ключевые слова: анализ состояния законности, надзорная деятельность, прокуратура, деятельность, профилактика.

Для цитирования: Шабаров Д.В. Анализ состояния законности в прокурорской деятельности: теория и практика // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 2 (68). – С. 158–169. DOI 10.35231/18136230_2022_2_158

Analysis of the state of legality in prosecutorial activity: theory and practice

Dmitry V. Shabarov

*Prosecutor's Office of St. Petersburg,
St. Petersburg, Russian Federation*

The article reflects the theoretical and practical foundations of the analytical activities carried out in the bodies and organizations of the Prosecutor's Office of Russia.

The purpose and objectives of the analysis of the state of legality are considered, which is to increase the efficiency and effectiveness of the prosecutorial activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Some aspects of optimizing the activities of the prosecutor's offices of the subjects, as well as an algorithm for restoring the violated legality are given.

The results of the study of the content component of the ideas about prosecutorial activity among newly hired prosecutors are analyzed, indicating the priority of analyzing the state of legality in the cognitive hierarchy in the process of practice-oriented training in the system of advanced training of the Russian prosecutor's office.

Key words: analysis of the state of legality, supervisory activity, prosecutor's office, activity, prevention.

For citation: Shabarov, D.V. (2022) Analiz sostoyaniya zakonnosti v prokurorskoj deyatel'nost': teoriya i praktika [Analysis of the state of legality in prosecutorial activity: theory and practice]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 2 (68). pp. 158–169. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_2_158

Введение

Особое внимание органов прокуратуры России занимают вопросы охраны и защиты социальных прав граждан, создания безопасных условий их жизни, соблюдения законодательства в экономической сфере, противодействия коррупции, профилактика.

Представленная в открытых официальных источниках информации практика прокурорского надзора свидетельствует, что у прокуратур субъектов России имеются значительные резервы для повышения результативности и эффективности своей деятельности.

По мнению С.И. Литвиненко, именно знание проблемы, ее предварительная тщательная проработка позволяют подробно определить оптимальные пути ее решения. При этом надзор на конкретном направлении не прекращается до тех пор, пока не получен положительный результат. А результат – это устранение выявленных нарушений, причем не только на отдельном объекте, а в целом на всей поднадзорной территории [6, с. 3].

Оптимизация прокурорской деятельности при анализе состояния законности

Переход от одной общественно-экономической формации к другой и динамика изменений российского законодательства требуют от современного специалиста-правоведа совершенствования своих знаний, умений и навыков (компетенций) [1, с. 4].

Современная методологическая основа анализа состояния законности достаточно слаба. Глубоких теоретических исследований по проблеме эффективности прокурорского надзора крайне недостаточно.

Критерии оценки эффективности работы прокуратуры – статистические показатели надзорной деятельности – были выработаны очень давно, и они весьма несовершенны, не учитывают современных реалий [4, с. 3].

Анализ дает возможность определения приоритетных задач, стоящих перед органами прокуратуры, а также прогноза развития социальных процессов на поднадзорной территории.

Результаты анализа трансформируются в планы работы, реализация которых позволяет сделать вывод о достаточности принимаемых мер.

Для этого целесообразно ориентироваться на оптимизации прокурорских проверок, которые необходимо проводить:

1) на основе системного подхода, предполагающего одновременное изучение смежных проверяемыми вопросов (например, законность нахождения трудовых мигрантов на территории Российской Федерации с возможным нарушением их трудовых, жилищных и иных прав);

2) с достижением конкретного результата – определения вида нарушения; причин и условий, ему способствовавших; выявления непосредственного виновника нарушения, установления лица, полномочного устранить нарушение;

3) с принятием мер прокурорского реагирования не только в целях устранения нарушения, но и для водворения в правовое поле ситуации в целом (в случае, если не определено лицо, ответственное за данный вид нарушений, необходимо установить причины сложившейся ситуации и принять меры к тому, чтобы ответственные были назначены);

4) с принятием мер по восстановлению нарушенной законности и недопущению аналогичных нарушений впредь.

Не вызывает сомнений, что подобный подход к проведению проверочных мероприятий приведет к реальному изменению ситуации на поднадзорной территории мерами прокурорского реагирования, которого в ряде случаев можно достичь путем контроля развития конъюнктуры на объекте после проведенной проверки и принятых мер.

Это достигается путем усиления в первую очередь исполнительской и производственной дисциплины, а также персональной ответственности, эффективности работы поднадзорных органов.

Результат и реальное изменение ситуации на поднадзорной территории – основная задача анализа состояния законности

Одной из основных задач, при этом, должна стать нацеленность на результат, которым является восстановление нарушенной законности по следующему алгоритму:

1. Профилактика правонарушений, которая обеспечивается в том числе аналитической работой подразделениями районных и специализированных прокуратур, проводимой в постоянном режиме с целью выявления наиболее проблемных в конкретный момент времени участков.

Аналитическая работа прокуратуры основывается на максимальном использовании имеющегося в распоряжении массива информации: обращений граждан и юридических лиц; материалов мониторинга состояния законности, проводимого сотрудниками прокуратуры; данных СМИ, правозащитных организаций и иной информации.

В обязательном порядке аналитика должна включать наблюдение за развитием ситуации на уже проверенном прокуратурой объекте с целью недопущения дальнейшего нарушения законности.

2. Принятие мер по недопущению нарушения законности, которые достигаются установлением с органами власти и контролирующими органами того уровня взаимодействия, которое позволяет обеспечить быстрый обмен имеющейся информацией; направление предостережений прокурора; рабочие встречи прокурора с лицами, полномочными на принятие мер по недопущению нарушений другими лицами, от которых зависит развитие ситуации; разъяснение законодательства, встречи с населением и т.д.

3. Принятие мер по устранению нарушений закона и наказанию виновных лиц.

4. Принятие мер к восстановлению нарушенной законности.

5. Контроль развития ситуации на проверенном объекте с целью недопущения повторения нарушений.

6. Использование сетевых сервисов и информационных платформ в качестве независимого маркера проведения анализа состояния законности [5, с. 16].

Для повышения эффективности и снижения сроков проведения конкретных мероприятий целесообразно укрепление и повышение роли и ответственности зонального прокурора.

При установлении к тому необходимости руководитель подразделения поручает зональному прокурору, либо иному опытному сотруднику профильного подразделения, организовать и принимать непосредственное участие в социально значимых проверках, проводимых на поднадзорной территории.

Зональный прокурор обеспечивает составление планов проверки, организует направление запросов, привлечение специалистов, органов контроля, разрабатывает алгоритм проведения проверки на основании имеющихся прогнозных и аналитических данных, данных о нарушении закона.

Также одной из ключевых позиций в прокурорской деятельности является принятие мер к максимальному исключению дублирования в ходе проверок полномочий органов власти, контролирующих и иных органов и организаций, их должностных лиц.

При проведении каждой проверки необходимо выявлять причины и условия конкретного нарушения, которые необходимо доводить до сведения органов власти, контролирующих органов, в полномочиях которых находится устранение нарушений, либо контроль за их устранением.

Следует отметить, что при этом ведущую роль играет обеспечение действенного контроля за реализацией территориальными органами власти и контролируемыми органами направленной им информации со стороны районных прокуратур субъекта России и доведение ее до сведения профильных подразделений аппарата прокуратуры субъекта РФ.

В свою очередь профильные структурные подразделения прокуратуры субъекта России при получении информации из районных прокуратур, либо непосредственном получении информации о нарушениях, которые могут быть актуальны для поднадзорной территории в целом, необходимо не только направлять информацию в соответствующий орган власти, но и требовать от данного органа изучения ситуации в целом, проведения проверок и устранение нарушений.

Успешной реализации данного алгоритма служит надлежащий подход к проведению методической работы в прокуратуре субъекта России, предусматривающий:

- как правило, первоначальное изучение вопроса в ходе проверки под руководством опытного сотрудника прокуратуры области (города, края и т.д.);

- дальнейшее закрепление практической ориентированности в методике, содержащей стандартизированный подход (алгоритм) обеспечивающий возможность ее использования в практике работы любого подразделения органа прокуратуры в аналогичной ситуации;

- поддержание данной методики в актуальном состоянии;

- привлечение под руководством работников аппарата прокуратуры субъекта к проверке в одном районе сотрудников других районных прокуратур с целью их обучения, повышения профессиональной квалификации.

При соблюдении всех указанных мер, в свою очередь оценка деятельности структурного подразделения или отдельной прокуратуры может производиться исходя из состояния законности и правопорядка в районе, принимая во внимание количественные показатели лишь в совокупности с другими критериями оценки всей деятельности, таких как организация основных функций деятельности прокуратуры; реализация управленческих решений; обеспечение, взаимодействие и координация деятельности прокурорских работников; контроль и проверка исполнения; достоверность статистических сведений; состояние делопроизводства, в том числе в условиях цифровой трансформации, и др.

Все изложенное достигается с решением не менее важной задачи – обеспечения надлежащего уровня подготовки прокурорских работников, привлеченных к проведению проверки, знания законодательства по предмету проверки, обязанностей проверяемых должностных лиц, прав и обязанностей привлеченных специалистов.

Особое значение приобретает слаженное взаимодействие в работе структурных подразделений аппарата прокуратуры субъекта, районных и специализированных прокуроров, достичь которого можно лишь при наличии достаточного уровня профессиональной подготовки прокурорского корпуса.

Успешная аналитическая деятельность состояния законности – результат практико-ориентированного обучения

Приоритетная роль в проведении аналитической деятельности отводится наиболее опытным и квалифицированным прокурорским работникам. Вместе с тем необходимо привлекать к обучению данному виду прокурорской деятельности молодых специалистов. Это достигается путем практико-ориентированного обучения в органах и организациях прокуратуры России с активным применением института наставников, а

также во взаимодействии с высшими учебными заведениями [7, с. 98].

Для того чтобы сотрудники, осуществляющие надзор за экономическими направлениями прокурорской деятельности, обладали системой знаний в предмете надзора, программа предполагает инновационные для прокуратуры РФ формы повышения квалификации, такие как профессиональная переподготовка в государственных экономических вузах.

Именно для этого в прокуратуре г. Санкт-Петербурга уделяется большое внимание методической работе и повышению профессионального уровня работников по наиболее значимым направлениям деятельности, в т.ч. получению ими дополнительного экономического образования.

Прокуроры, прошедшие обучение через существующую систему повышения квалификации, функционирующую в кадровом подразделении, а также во взаимодействии с вузами, готовящими специалистов в экономической сфере, имеют квалификационные преимущества при зачислении в резерв кадров по выдвижению на вышестоящие должности,

Данный фактор наиболее актуален, поскольку авторитет и компетентность прокуроров, уровень их профессиональных способностей, высокая степень ответственности за порученное дело играют ведущую роль в достижении высоких результатов в работе.

В прокуратуре г. Санкт-Петербурга реализуется практика получения прокурорскими работниками дополнительного профессионального образования по экономическим направлениям. Так, с февраля по июнь 2020 г. 140 работников прокуратуры г. Санкт-Петербурга прошли профессиональную переподготовку в Центре переподготовки и повышения квалификации преподавателей Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна по различным специализированным экономическим программам, включающим в себя основы налогообложения, внутреннего аудита, бухгалтерского анализа, финансового менеджмента и планирования, а также управленческого учета и аудита.

Такая форма повышения квалификации была продолжена и в период с сентября по декабрь 2021 г. – 76 прокурорских работников без отрыва от профессиональной деятельности прошли профессиональную переподготовку по программе «Финансовый контроль в бюджетной сфере». В процессе обучения слушателями были сданы зачеты и экзамены по следующим дисциплинам: «Государственные и муниципальные финансы»,

«Закупочная деятельность», «Особенности ценообразования в строительстве» и «Операции (сделки), имеющие признаки связи с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем и финансированием терроризма». Завершился данный курс итоговой аттестацией и выдачей дипломов о профессиональной переподготовке государственного образца. Данный диплом дает право на ведение нового вида профессиональной деятельности в указанной сфере. Объем всех программ составляет 260 часов.

Предполагается, что полученные знания и сформированные в процессе обучения профессиональные компетенции будут способствовать повышению результативности осуществляемой надзорной деятельности в указанной сфере, укреплению законности и правопорядка на поднадзорной территории.

Также следует отметить, что в процессе практико-ориентированного обучения вновь принятых прокурорских работников в системе представления по мере формирования профессиональных компетенций понятие «анализ состояния законности» выходит на лидирующие позиции [10, с. 187].

Это подтверждается результатами исследования когнитивной системы представлений о прокурорской деятельности, проведенного В.А. Губиным и Д.В. Шабаровым. В начале обучения в системе повышения квалификации прокуратуры России у респондентов доминировали такие понятия, как «надзор», «законность», «юриспруденция», «жалобы и обращения». По его окончании в содержательном компоненте представлений прокурорская деятельность выразилась в таких определениях, как «анализ состояния законности», «надзор в бюджетной сфере», «безопасность экономики Российской Федерации», «сохранение средств бюджета», «надзор за расследованием экономических преступлений» и «надзор за реализацией национальных проектов». Также исследование показало, что в процессе практико-ориентированного обучения у прокурорских работников имеет место развитие таких личностных качеств, как открытость, эмоциональная стабильность, сознательность, смелость (методика 16-ФЛО Кетелла), формируются организационные способности (методика «Краткий ориентировочный тест»(КОС-2)), а в структуре ценностных ориентаций получают свое развитие такие качества, как приверженность традициям, доброта, универсализм, самостоятельность, достижения и безопасность (Методика изучения структуры ценностных ориентаций личности Ш. Шварца) и др.

Сравнительный анализ изучаемых показателей в группах проводился с помощью t-критерия Стьюдента (для парного сравнения выборок по средним значениям показателя) в соответствии с целями и задачами исследования, а критерием статистической достоверности получаемых выводов считали общепринятую в психологии величину $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$ [3, с. 21; 8, с. 438; 2, с. 106; 9, с. 168–173].

Заключение

Главный критерий оценки деятельности прокуроров – конкретные результаты в укреплении законности и правопорядка, которые без комплексного анализа имеющихся проблемных вопросов невозможны.

Добросовестное исполнение служебных обязанностей, верность прокурорскому долгу, постоянное личностное и профессиональное самосовершенствование, а также повышение уровня своей компетентности – главное условие успешной аналитической и надзорной деятельности прокурорского работника.

Развитие деловых и личностных качеств в процессе переподготовки к различным видам надзорной деятельности способствуют повышению уровня профессионализма, компетентности и объективности прокурорских работников при осуществлении ими аналитической деятельности.

Аналитическая работа, проводимая прокурорами, имеет огромное влияние на состояние законности на поднадзорной территории, играет одну из ведущих ролей при осуществлении надзорной деятельности.

Эффективность проводимой аналитической работы напрямую зависит от личностных и деловых качеств юристов, посвятивших свою жизнь служению закону. Такие качества развиваются в процессе практико-ориентированного обучения основам аналитической деятельности, а также различных программ профессиональной переподготовки по экономическим направлениям надзорной деятельности. В том числе при обучении формируется система представлений и ценностей, которая способствует развитию профессиональных интересов к осуществляемой деятельности.

Рассмотренный в настоящей статье подход к пониманию важности данного вида деятельности позволит сформировать адекватные представления об аналитической деятельности в органах прокуратуры России, их важность и приоритетность в осуществлении повседневной деятельности прокуроров.

Список литературы

1. Губин В. А., Шабаров Д.В. Психологические особенности неаттестованных прокурорских работников прокуратуры России, обучающихся по различным направлениям надзорной деятельности – Екатеринбург: Уральский институт практической психологии, 2022. – 138 с.

2. Губин В. А. Сனிгищенко Е. Ф., Шабаров Д. В. Особенности личности профессионально успешного прокурорского работника // Актуальные проблемы психологической практики в силовых структурах: профессионально-психологическая подготовка: сб. докладов V Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 19 ноября 2020 года. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2020. – С. 106–109.

3. Губин В.А. Шабаров Д.В., Сனிгищенко Е.Ф. Психолого-педагогическое обеспечение прокурорской деятельности // Актуальные проблемы психологической практики в силовых структурах: кризисные состояния личности: сб. ст. по материалам IV Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 20 ноября 2019 года. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2020. – С. 21–24.

4. Литвиненко С. И. Делать не что, а как (системный подход к деятельности прокуратуры в Санкт-Петербурге) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 2(28). – С. 3–7.

5. Литвиненко С.И., Шабаров Д.В. Использование современных информационных технологий при повышении квалификации работников прокуратуры // Законность. – 2021. – № 3(1037). – С. 15–16.

6. На вопросы ректора Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О.С. Капинус ответил прокурор Санкт-Петербурга государственный советник юстиции 2 класса С.И. Литвиненко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 1(27). – С. 3–8.

7. Наставничество в прокурорской деятельности как этап профессионализации сотрудников прокуратуры России: теория и практика воспитания и обучения / В. А. Губин, Д. В. Шабаров, Е. Ф. Сனிгищенко [и др.] // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2021. – № 6(196). – С. 97–101.

8. Прокурорский работник как субъект учебно-профессиональной деятельности / В. А. Губин, Д. В. Шабаров, Е. Ф. Сனிгищенко [и др.] // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2020. – № 6(184). – С. 436–440.

9. Шабаров Д.В., Губин В.А. Диагностический комплекс "представление о прокурорской деятельности" // Актуальные вопросы психологии развития и формирования личности: методология, теория и практика: сб. материалов второй всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24–25 сент. 2019 г. – СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2019. – С. 168–173.

10. Шабаров Д.В., Губин В.А., Молдованов А.В. Психолого-педагогическое обеспечение подготовки прокурорских работников к профессиональной деятельности // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 12(109). – С. 180–192.

References

1. Gubin, V.A., Shabarov, D.V. (2022) *Psikhologicheskiye osobennosti neattestovannykh prokurorskikh rabotnikov prokuratury Rossii, obuchayushchikhsya po razlichnym napravleniyam nadzornoy deyatel'nosti* [Psychological characteristics of non-certified prosecutors of the Russian prosecutor's office, studying in various areas of supervisory activity]. Monografiya. Yekaterinburg: Ural'skiy institut prakticheskoy psikhologii. pp. 4. (In Russian).
2. Gubin, V. A., Shabarov, D. V., Snigischenko, E. F. [et al.] (2020) *Osobennosti lichnosti professional'no uspeshnogo prokurorskogo rabotnika* [Features of the personality of a professionally successful prosecutor's worker]. Nizhniy Novgorod: Natsional'nyy issledovatel'skiy Nizhegorodskiy gosudarstvennyy universitet im. N.I. Lobachevskogo. pp. 106–109. (In Russian).
3. Gubin, V. A., Shabarov, D. V., Snigischenko, E. F. [et al.] (2020) *Psikhologo-pedagogicheskoye obespecheniye prokurorskoy deyatel'nosti* [Psychological and pedagogical support of prosecutorial activities]. Nizhniy Novgorod: Natsional'nyy issledovatel'skiy Nizhegorodskiy gosudarstvennyy universitet im. N.I. Lobachevskogo. pp. 21–24. (In Russian).
4. Litvinenko, S.I. (2012) Delat' ne chto, a kak (sistemnyy podkhod k deyatel'nosti prokuratury v Sankt-Peterburge) [To do not what, but how (a systematic approach to the activities of the prosecutor's office in St. Petersburg)]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii – Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. No 2 (28). pp. 3–7. (In Russian).
5. Litvinenko, S.I., Shabarov, D.V. (2021). Ispol'zovaniye sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy pri povyshenii kvalifikatsii rabotnikov prokuratury [Use of modern information technologies while improving the qualifications of employees of the Prosecutor's Office]. *Zakonnost' – Legality*. No 3 (1037). pp. 15–16. (In Russian).
6. Litvinenko, S.I. (2012) Na voprosy rektora Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii doktora yuridicheskikh nauk, professora O.S. Kapinus otvetil prokuror Sankt-Peterburga gosudarstvennyy sovetnik yustitsii 2 klassa S.I. Litvinenko [To the questions of the Rector of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O.S. Kapinus answered the prosecutor of St. Petersburg, State Counselor of Justice of the 2nd class S.I. Litvinenko] *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii – Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. No 1(27). pp. 3–8. (In Russian).
7. Gubin, V. A., Shabarov, D. V., Snigischenko, E. F. [et al.] (2021) *Nastavnichestvo v prokurorskoy deyatel'nosti kak etap professionalizatsii sotrudnikov prokuratury Rossii: teoriya i praktika vospitaniya i obucheniya* [Mentorship in prosecutorial activity as a stage of professionalization of the employees of the Russian prosecutor's office: theory and practice of education and training]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgaft – Scientific notes of the University. P.F. Lesgaft*. No 6 (196). pp. 97–101. (In Russian).
8. Gubin, V. A., Shabarov, D. V., Snigischenko, E. F. [et al.] (2020) *Prokurorskiy rabotnik kak sub'yekt uchebno-professional'noy deyatel'nosti* [Prosecutor's worker as a subject of educational and professional activity]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgaft – [Scientific notes of the University. P.F. Lesgaft*. No 6 (184). pp. 436–440. (In Russian).

9. Shabarov, D. V. (2019) *Diagnosticheskiy kompleks "predstavleniye o prokurorskoy deyatel'nosti"* [Diagnostic complex "perception of prosecutorial activity"] *Aktual'nyye voprosy psikhologii razvitiya i formirovaniya lichnosti: metodologiya, teoriya i praktika: Sbornik materialov vtoroy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Topical issues of developmental psychology and personality formation: methodology, theory and practice: Collection of materials of the second All-Russian scientific and practical conference]. Sankt-Peterburg: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet im. A.S. Pushkina. pp. 168–173. (In Russian).

10. Shabarov, D. V., Gubin, V.A., Moldovanov, A.V. (2019). *Psikhologo-pedagogicheskoye obespecheniye podgotovki prokurorskiykh rabotnikov k professional'noy deyatel'nosti* [Psychological and pedagogical support for the preparation of prosecutors for professional activities]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava – Actual problems of Russian law*. No 12(109). pp. 180–192. (In Russian).

Об авторе

Шабаров Дмитрий Валентинович, прокурор отдела кадров прокуратуры Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-7374-142X, e-mail: shabarovdv@mail.ru

About the author

Dmitry V. Shabarov, Prosecutor of the Human Resources Department of the Prosecutor's Office of St. Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-7374-142X, e-mail: shabarovdv@mail.ru

Поступила в редакцию: 11.05.2022

Received: 11 May 2022

Принята к публикации: 26.05.2022

Accepted: 26 May 2022

Опубликована: 30.06.2022

Published: 30 June 2022

Для заметок

Для заметок

Научный журнал

Ленинградский юридический журнал

№ 2 (68)

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. В. Чернышева*
Оригинал-макет *Н. В. Чернышевой*

Подписано в печать 30.06.2022. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Arial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10,75. Тираж 500 экз. Заказ № 1792

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10